

КАК БЫТЬ ХРИСТИАНИНОМ В XXI ВЕКЕ?

ХРИСТИАНСТВО. НАСТОЯЩЕЕ

АНДРЕЙ ДЕСНИЦКИЙ

PRO
РЕЛИГИЮ

АНДРЕЙ ДЕСНИЦКИЙ

ХРИСТИАНСТВО. НАСТОЯЩЕЕ

(Россия, XXI век)

РИПОЛ
КЛАССИК

Москва • 2016

УДК 27
ББК 86.37
Д37

Десницкий, А. С.

Д37 Христианство. Настоящее (Россия, XXI век) / А. С. Десницкий. — М.: РИПОЛ классик, 2016. — 336 с. — (PRO религию).

ISBN 978-5-386-09590-1

Что значит быть христианином сегодня, в России XXI века? На каком языке рассказать о евангельской Истине и как жить с ней в мире, где всё так изменилось? Можно играть в реконструкторство, можно погружаться в мир собственных фантазий, но как встретиться с реальностью, как понять ее? Или на самом деле все перемены за две тысячи лет были внешними, а главное осталось неизменным? Но как тогда распознать его? Эта книга — поиск ответов на эти вопросы.

Андрей Сергеевич Десницкий — российский филолог-библеист, переводчик, писатель, публицист. Доктор наук, профессор РАН, сотрудник Института востоковедения РАН, автор десятка книг и множества публикаций, отец троих детей и дед троих внуков. Его основная специализация — библейский перевод, во многих проектах он участвовал как переводчик, редактор или консультант. Но, говоря о современных изданиях Библии на разных языках, естественно начать разговор и о жизни тех, кто ее читает, — христиан XXI века. Им и посвящена эта книга.

УДК 27
ББК 86.37

© Десницкий А. С., 2016
© ООО Группа Компаний
«РИПОЛ классик», издание,
оформление, 2016

ISBN 978-5-386-09590-1

ПРЕДИСЛОВИЕ

В далекой юности двадцать первый век, третье тысячелетие казались чем-то немыслимо далеким, почти невозможным. Фантастические рассказы сообщали нам, что в это время человечество будет покорять дальний космос, при этом предполагалось, что войны постепенно отойдут в прошлое, а с ними, кстати, и религиозные предрассудки. Коммунизм если не будет полностью построен, то станет конечно же намного ближе.

Реальность оказалась совсем другой — достаточно сказать, что никто из фантастов не предугадал Интернета. Человек не добрался пока даже до Марса, но зато он может за доли секунды связываться с другими людьми на всех континентах. А миры братьев Стругацких устарели раньше, чем состоялись, — это были надежды шестидесятых, прекрасные и в чем-то наивные.

Зато сбылось другое, о чем не могли и мечтать лет тридцать — сорок назад русские христиане — Россия вновь стала христианской страной. Или не стала? Или это возвращение веры оказалось скорее внешним и в нем куда больше идеологии, чем Евангелия? И если так, что мы можем сделать с этим?

Когда-то советский человек мечтал о светлом будущем, теперь человек православный — о светлом прошлом. Но какое оно, наше настоящее? Да и настоящее ли оно?

Эта книга — попытка оглядеться, понять, где мы находимся и куда идем. В нее в основном включены в переработанном виде статьи, опубликованные в разных изданиях, в основном сетевых («Православие и мир», «Гефтер», «Слон», «Фома» и другие). Часть материалов была написана заново, но это в любом случае цельная книга, и если тематика ее разнообразна, то лишь потому, что такой сложный предмет, как жизнь христиан в XXI веке, невозможно обсудить плоско и одномерно.

Мы будем говорить прежде всего о христианстве русской православной традиции, не ограничиваясь ни национальностью, ни гражданством, ни местом проживания. Те, кому дороги русская культура и православное Предание, найдут здесь много интересного, но, пожалуй, и много спорного. Эта книга не апология русского православия, а скорее взгляд изнутри на его проблемы. Впрочем, они не такие уж и уникальные, и похожее смогут сказать о себе и русские протестанты, и зарубежные католики, и вообще все, кто всерьез задумывается о сути и формах христианской жизни в начале третьего тысячелетия.

Чтобы понять настоящее, стоит взглянуть на прошлое, и потому *первая часть* этой книги — рассказ о Библии на Руси и в России. Кажется, что Библия в нашей стране была всегда. Но... какая? Церковнославянская или русская? А в какой именно редакции и в чьем переводе? Неужели она не одна, русская Библия? И возникла не сразу — может ли такое быть? И можно ли понять историю нашей страны, не зная, как именно люди знакомились с самым главным для нашей культуры текстом? Как он жил, развивался, менялся, то широко распространялся, то попадал под запрет?

По приключениям Библии в России можно изучать особенности нашей истории, культуры и религиозной жизни и писать об этом романы. В этой серии очерков я собрал лишь некоторые наиболее интересные факты и поделился собственным опытом.

Вторая часть посвящена настоящему времени, в ней говорится о поисках главных смыслов, который ведут наши современники-христиане. Как нам говорить о спасении и что оно вообще означает? Насколько абсолютен тот язык, на котором возвещалось христианское Откровение два тысячелетия назад, и что нам делать, если мы приходим к выводу, что сегодня многие вещи могут быть сформулированы иначе? Отчего христианская вера сегодня (как, впрочем, и всегда) часто подменяется модной идеологией, как распознать подобные подмены и избавиться от них?

В книге мало окончательных выводов, скорее здесь вы встретите гипотезы, зачастую, наверно, ошибочные. Но если эти разговоры кому-то помогут уточнить или сформулировать собственную точку зрения, задачу автора можно считать выполненной.

Третья часть называется «Иное тысячелетие», она говорит о будущем, точнее, о тех актуальных задачах, которые мы видим перед собой сегодня. У русских христиан нашего времени есть искушение спрятаться от неуютного XXI века в искусственном подобии века XIX, но это просто не получится, вызовы времени придется принимать и отвечать на них. Как это можно сделать? И в чем, опять-таки, опасность ухода от этих вызовов, чем заполняется «свято место», если мы оставляем его пустым?

Стоит предупредить, что это издание — не научный труд, я принципиально отказался от ссылок (большинство из них пришлось бы делать на материалы в Интернете) и библиографии, чтобы облегчить восприятие. Если какой-то цити-

руемый материал вас заинтересовал, вы легко найдете его полный текст, введя цитату в поисковик. К тому же большинство приведенных здесь фактов и высказываний вовсе не оригинальны — такие вещи обычно носятся в воздухе и обсуждаются на стогнах града, а на них точную ссылку не дашь.

В заключение я должен поблагодарить всех, кто так или иначе способствовал появлению этой книги, а прежде всего мою замечательную семью (жену Асю, детей Аню, Дашу и Сережу) и прекрасных друзей, с которыми обсуждались многие вопросы, а также всех моих собеседников в Интернете, которым хватило терпения и интереса для подобных разговоров.

Свои отзывы вы можете отправить по адресу:

a.desnitsky@gmail.com.

*Память свв. апостолов Петра и Павла (12 июля) 2016 года,
Янов-над-Нисой.*

ПРИКЛЮЧЕНИЯ БИБЛИИ В РОССИИ

Есть у книг свои судьбы (*habent sua fata libelli*) — это знали уже древние. Но когда эти судьбы обсуждают, обычно говорят, как книга писалась, редактировалась, издавалась. О создании Библии написаны тома, мы коснемся этого вопроса в 19-й главе.

Но когда книга окончательно сложилась как единый текст, это не конец, а скорее начало ее истории. И в ней отражается жизнь народов, обществ и государств, где эту книгу издают, читают, переводят — или не читают и не переводят, или делают это тайком, или сначала переводят, а потом сжигают перевод...

Такова история Библии в России. История нашего христианства, нашей книжности, нашей культуры и даже — куда от нее деться — нашей внутренней политики. А заодно наших отношений с остальным христианским миром и с самими собой. Приключения Библии в России — перед вами!

1. Поп Упырь Лихой

Именно это имя — первое, которое достоверно известно в истории Библии на Руси. И это не вымышленный персонаж антиклерикальных пасквилей, он сам так подписывался. Еще, точнее, подписывался он по-древнерусски: «Азь попь Оупирь Лихьи». Очевидно, таково было его мирское имя вместе с прозвищем. Вполне возможно, был он родом из Швеции, где на рунических камнях встречается имя резчика Upir Ofeigr, Упир Неробкий. Может быть, так и перевели это имя на язык наших предков — Упырь Лихой?

В любом случае, жил Упырь в Новгороде в XI в. и был не только священником, но и переписчиком библейских книг, вернее, занимался их перекодированием с кириллицы на... кириллицу.

Надеюсь, уже достаточно запутал и заинтриговал читателя, чтобы начать распутывать этот клубок.

Как представляет себе происхождение церковнославянской Библии обычный человек? Ну примерно так: святые Кирилл и Мефодий, первые славянские книжники, придумали нашу азбуку, а потом взяли и перевели Библию на свой язык, и с тех пор она у нас есть. Только подобное утверждение будет неверно буквально в каждом слове.

Во-первых, братьев звали Константин и Мефодий, имя Кирилл старший из них принял при пострижении в схиму накануне смерти. Братья сами были не славянами, а византийскими греками и происходили из Салоник, где было много славян и все знали славянский диалект предков нынешних болгар — их потомки так и называют тот язык «древнеболгарским», и не без оснований.

Наши предки уже тогда говорили на несколько ином языке, который сегодня принято называть древнерусским. Они произносили: «горожанин, волость, один», а на Балканах говорили: «гражданин, власть, един». В русский язык, как нетрудно заметить, нередко входили и те и другие слова, причем в разных значениях. Обычно церковнославянизмы (балканский вариант) имели более торжественное значение, и, как давно отметили слависты, лозунг «Да здравствует советская власть» состоит из них целиком и полностью. На языке наших предков, древнерусском, желали бы не власти здравствовать, а волости быть здоровой.

Несколько различалась и грамматика: так, форма «лихой» — русская, северная, а вот «лихый» — балканская, южная. Почему же новгородец (и, возможно, варяг) Упырь подписывался на балканский лад? Да потому что был книжником. Книжным языком еще долго оставался именно старославянский с его болгарскими формами. До сих пор в языке соседствуют торжественное «великий» (-ий на южный лад) и обыденное «большой» (-ой на северный). Еще у М. В. Ломоносова эти различия в окончаниях прилагательных служили признаком высокого или низкого «штиля».

Далее, всей Библии на славянский язык Константин Кирилл с Мефодием не перевели. Они начали работу с евангельских текстов, которые читались за литургией, потом добавили к ним другие необходимые для богослужения отрывки, ведь им было нужно не книги печатать, а начать богослужение на природном языке славян. Еще при их жизни им помогали «попы-скорописцы», как называет их житие, и работа, несомненно, продолжилась и после их смерти — слишком много надо было перевести, а кое-что из уже переведенного исправить за «скорописцами». Очевидно, Упырь был одним из тех, кто этим занимался.

Да, но что там насчет перекодирования? Как отмечал он сам, переписывал он книги «ис коуриловиц^б», то есть с кириллицы. В какую же другую кодировку? Да тоже в кириллическую. Но KOI-8 или Windows-1251 тут совершенно ни при чем. Кириллицей, как нетрудно догадаться, называли азбуку, изначально созданную Константином-Кириллом и Мефодием. И она не имеет никакого отношения к алфавиту, которым мы пишем сегодня.

В настоящее время ученые согласны, что изобретением солунских братьев стала азбука, называемая глаголицей — туристы, посещающие Хорватию, встречают там в изобилии сувениры с глаголическими надписями, тем более, что глаголические книги использовались для богослужения вплоть до недавнего времени на хорватском острове Крк. Как и создатели грузинского и армянского алфавитов, солунские братья придумали совершенно новые начертания букв, состоящие в основном из кружков, ломаных линий и треугольников. Сейчас их могут прочесть только специалисты.

Откуда же взялся тот алфавит, который мы называем кириллицей сегодня? Точно не известно, но зато понятно, для чего он был изобретен. Зачем придумывать новые буквы, когда в существующих алфавитах их и так уже хватало? Славянские книги переводили с греческого, так что было вполне естественно взять для них греческий алфавит, добавив особые буквы для передачи звуков, существовавших только у славян. Две буквы заимствовали и вовсе у евреев: это Ш (ср.) и Ц (ср.). Вот Упырь и переписывал рукописи на глаголице на новый лад.

Осталась последняя загадка про Упыря Лихого. Если он действительно шведский рунорезчик Упир Неробкий, почему в Новгороде он не служил в княжеской дружине, как все порядочные варяги, а занимался книжным делом? Конечно, нам его биография не открыта, но одна догадка все же есть...

Не известно, была ли у славян письменность до Константина-Кирилла и Мефодия. В разных источниках встречаются упоминания каких-то знаковых систем, например, в X веке болгарский черноризец Храбр сообщал, что прежде славяне пользовались некими «чертами и резами». Совершенно не обязательно это был алфавит в нашем понимании, скорее некая система условных знаков, например, родовых клейм, которыми метили скот и прочее имущество.

Но вот в житии тех самых Константина и Мефодия говорится, что еще прежде славянской миссии Константин нашел в Херсонесе Таврическом (нынешний Севастополь) «Евангелие и Псалтирь роуьсьскими письмены писана». А это уже означает наличие полноценной системы письменности, на которой можно создавать самые сложные тексты.

Да, но что такое «русские письмена»? Русью в те времена называли в основном варягов, распространена гипотеза, что само это слово происходит от древнескандинавского корня ^{гоф-}со значением «грести веслами». Возможно, так называли отряды викингов, поднимавшихся на своих судах по рекам в славянских землях. Так это или не так, мы не знаем, но вдруг... речь действительно идет о неких скандинавских письменах, которые использовались в том числе и славянами? В Скандинавии к тому моменту уже давно было свое руническое письмо, варяги со славянами тесно общались, и один из них — к примеру, тот же Упир Неробкий — вполне мог осесть в Новгороде, чтобы заниматься своей основной работой: переписыванием текстов. Изучил постепенно славянский язык и две его азбуки...

К сожалению, всё это чистейшей воды домыслы и проверить их при нынешних данных у нас никакой возможности нет.

Да, а откуда мы вообще знаем про попа Упыря Лихого? Из небольшой приписки, сделанной им в конце собственной

рукописи с ветхозаветными пророчествами: «Слава тебѣ Г(оспод)и Ц(а)рю небесныи, яко сподоби мя написати книги си ис коуриловицѣ кн(я)зю Влодимиру Новѣгородѣ княжашю сынови Ярославлю болшему. Почахъ же ъ писати в лѣто 6555 м(е)с(я)ца мая 14. А кончах того же лѣта м(е)с(я)ца декабря въ 19. Азь попь Оупирь Лихыи. Гѣмъже молю всѣхъ прочитати пророчество се. Велика бо чюдеса написаша намъ сии пророци в сихъ книгахъ. Здравь же княже буди въ вѣкъ живи, но обача писавшаго не забывай». Датировка от сотворения мира соответствует 1047 году по нашему летоисчислению.

Что интересно, сама рукопись Упыря до нас не дошла, как это часто происходит с древними рукописями, его имя просто осталось в рукописях более позднего времени. Но писавшего мы действительно не забыли, как и просил древнерусский книжник поп Упырь Лихой.

2. Апракос Остромира

Если Упырь был первым переписчиком, чье имя мы знаем, то первым известным нам спонсором или заказчиком книжной продукции на Руси был новгородский посадник (говоря нынешним языком — мэр Новгорода) по имени Остромир.

Его имя известно нам из приписки в конце книги XI в. от имени переписчика, диакона Григория: «Написахъ же еу(ан) г(е)ліе се рабуу Б(о)жию нареченоу суцоу въ кр(е)щении Иосифа а мирьскы Остромирь». Как и в случае с Упырем Лихим, книга была создана в северной столице Древней Руси.

Примечательно, что сохранилось в истории именно «мирское», то есть природно-славянское его имя. Впрочем, так же было и с князьями: Владимир Мономах был в крещении Василием, а Ярослав Мудрый — Георгием, но кто узнает их под этими именами? Тогда было принято брать при крещении церковное имя из святцев, а в быту пользоваться прежним, славянским. И даже первые канонизированные русские святые, братья Борис и Глеб, вошли в святцы с родными, а не крестильными именами — в крещении их звали Роман и Давид.

В чем-то ситуация походит на современное использование ников и всяческих прозвищ: официальное имя у человека есть, но знают его все под другим прозванием. Заметим, что у балканских славян и по сю пору в ходу славянские имена, и даже в храме во время литургии у сербов слышишь, к примеру, как причащаются Драган или Милица.

В скобках стоит заметить, что сама возможность использовать в церкви славянский язык стала в свое время предметом острой полемики среди христиан. Еще при жизни

св. Константина-Кирилла и Мефодия против этого возражали немецкие епископы. С их точки зрения, выразить Божественную истину или обратиться к Господу с молитвой можно было только на трех языках, на которых написана табличка на Христовом распятии: еврейском, греческом и латинском.

Тогда солунским братьям пришлось прибегнуть к авторитету римского папы, чтобы эта точка зрения была объявлена «ересью триязычников». Было официально решено, что любой язык может использоваться в проповеди и богослужении. Всё переменялось с тех пор: Рим и Константинополь утратили общение, в Риме долгие века служили только на латыни и возражали против переводов Библии на народные языки, а вот почитатели славянского текста... Многие из них сегодня придерживаются своего рода «четырёхязычной ереси»: к трем священным языкам они добавили четвертый, самый-самый священный, славянский, и считают невозможным молитву на русском. Так почитатели трудов Кирилла и Мефодия, по сути, выражают полную солидарность с их противниками.

Впрочем, мы отвлеклись от Остромира и его Евангелия. А каким оно, кстати, было? От Матфея, Марка, Луки, Иоанна? Да от всех понемногу. Это было Евангелие-апракос — так называли сборники евангельских текстов, читаемых за богослужением по воскресным и праздничным дням (отсюда и название «апракос», буквально «недельное», для тех дней, когда не делается никакая работа). Тексты идут не в каноническом порядке, а в соответствии с богослужебным календарем, начиная с Пасхи.

Зачем же посаднику Остромиру такой сборник богослужебных чтений? Чтобы заранее прочитывать евангельский отрывок до того, как он придет на службу? Вовсе нет. Грамотных было мало, книги были дороги, и держать дома собственную копию пусть даже самой главной библейской книги,

Евангелия, не могли себе позволить и состоятельные люди... или, вернее, не считали нужным. Зачем, если этот текст и так прочитывается за богослужением? Единственное разумное назначение для такой книги — пожертвовать ее храму или монастырю, что, очевидно, и было сделано в данном случае, «на утешение многим душам христианским», как гласит та самая надпись в конце книги.

Евангелие и вообще Писание было для наших предков не книгой, стоящей на полке, а книгой, читаемой и толкуемой в церкви. Но как же научить самих проповедников и толкователей? Для них существовали еще и толковые (комментированные) тексты, где собственно библейские цитаты сопровождалась пояснениями из Святых Отцов. Например, Откровение Иоанна Богослова, которое за богослужением не услышишь, наши предки читали в основном в толковании св. Андрея Кесарийского. Интересно, что при этом никто никогда не пытался привести к единообразию различные версии библейского текста: толкования переводили заново или переписывали вместе с библейскими цитатами и не проверяли при этом, так ли выглядят эти цитаты в других изданиях, тех же богослужебных. Текст существовал одновременно в разных вариантах, каждый использовался для своих целей.

Более того, изменялся со временем и сам церковнославянский текст. Можно предположить, что, если бы Кирилл и Мефодий побывали на нашем богослужении, они поняли бы далеко не всё из прочитанного, особенно в нашем произношении. Буква ять ^(ѣ) в России читается как Е, а на западе Украины — как И, в Южной Сербии и Черногории ее могут прочитать и вовсе как дифтонг ИЕ, в соответствии с тем, какие звуки возникли на месте этого славянского звука в соответствующих языках: у нас «девушка на речке», на Украине «дівчина на річці», в Южной Сербии, Боснии и Черногории

«дјевојка на ријеци». Некогда писалось: «дѣва на рѣцѣ», — но уже тогда разные славяне могли произносить эти слова по-разному.

Впрочем, изменения касались не только диалектов. Сегодня в славянских текстах мы видим привычное слово «церковь», но в древности оно писалось как «црѣкы» и соответствующим образом произносилось (буква Ъ обозначала краткий гласный звук). С течением времени современное начертание и произношение вытесняло старое, традиционное, и этот процесс продолжается до сих пор.

Итак, Остромирово Евангелие — апракос, сборник богослужебных чтений, начиная с Пасхи. Стало быть, на самой первой странице мы обнаружим хорошо нам знакомые слова из первого стиха Евангелия от Иоанна: «В начале было слово...»? Не так. В Остромировом Евангелии на этом месте стоит: «Искони ^{бѣ} слово». Здесь было использовано *исконное* слово «искони», но следующие переписчики выбрали вариант «в начале», потому что он ближе к греческому. Редактировался текст и при сверке с греческим оригиналом, и ради исправления ошибок, и ради большей понятности.

Впрочем, и по сю пору в славянской Библии многое выглядит неясным: так, в псалме 118, стих 83 псалмопевец говорит, что он был «яко мехъ на слане», и мало кто может понять, о чем вообще идет речь. Может быть, о покрытых мехом слонах, то есть мамонтах? Русский Синодальный перевод дает здесь вариант «мех в дыму», но это не намного понятнее. Наконец, современный перевод библейского общества уточняет: «закоптившийся бурдюк». Речь идет о мехе или бурдюке, в который наливали жидкости, пока он был эластичным, но он долго висел над очагом и потому прокоптился, почернел, задубел, годится только на выброс.

Немало было в переводе и прямых ошибок. Так, в 17-й главе Деяний описывается, как апостол Павел выступал

в афинском совете, носившем имя Ареопаг, буквально «холм Ареса». Переводчики или переписчики в Афинах не бывали, холма этого не видели, а греческое слово *πάγος* означало не только «холм», но и «стужу». В результате появился перевод: «Ариевъ ледъ». Получилось, что апостол проповедовал среди каких-то ледяных глыб, по-видимому, принадлежащих еретику Арию. В более поздних редакциях этот лед был, конечно, исправлен, и теперь мы обнаружим там «Ареопагъ».

И что самое интересное — такое разнообразие текстов никого не удивляло, не заставляло рассуждать о «единственно правильном» издании, с которым должны сверяться все остальные. Ну, во-первых, в те времена, когда книги переписывались от руки, это было бы просто нереально. Но есть тут и другая причина: библейские рукописи и должны были выглядеть по-разному, потому что предназначались для разных целей. А вот полная Библия на Руси появилась четыре с половиной века спустя после Остромирова Евангелия.

3. Архиепископ Геннадий, доктор Франциск и дьяк Иван

Итак, в древней Руси, строго говоря, не было никакой Библии — только отдельные издания библейских текстов, прежде всего приспособленные для богослужебных целей, иногда с толкованиями, и уж самый редкий случай — это текст в чистом виде, с книгами в привычном нам порядке.

Идея полной Библии как единой книги была чисто западной, и такой же оказалась вся практика ее воплощения. Нет, разумеется, полная Библия под одной обложкой появилась отнюдь не в Западной Европе, нам прекрасно известны кодексы IV-V веков: Александрийский, Ватиканский, Синайский. Они были созданы в позднеримской или ранневизантийской, кому как привычнее, империи, но до Руси не добрались, и, судя по всему, сама идея такого издания оставалась для наших предков практически неизвестной.

Всё изменилось с изобретением книгопечатания. В середине XV в. стали выходить первые печатные издания Библии, а значит, не только полные собрания библейских книг, а целые тиражи совершенно одинаковых текстов. Так появилось представление не просто о единичном кодексе, но о стандартном издании, с которым можно сверяться, на которое стоит ориентироваться при подготовке прочих книг, будь то богослужебные или комментированные.

Кроме того, такое издание стоило дешевле и могло стать частной собственностью в доме богатой семьи — до сих пор библейские тексты хранились в основном при храмах и в монастырских библиотеках. Люди постепенно привыкали про-

сто читать Библию для себя, пусть пока такое могла позволить себе лишь верхушка общества... На Западе это со временем приведет и к распространению переводов на национальные языки, и к Реформации, и к возникновению библеистики как науки.

Но пока что вернемся в Россию, и разумеется, в тот же самый Новгород, где переписывал книги с глаголицы на кириллицу поп Упырь Лихой, где заказывал диакону Григорию евангелие посадник Остромир, а что для нас еще важнее — где в конце XV в. гостили с товарами ганзейские купцы, привозя с собой печатные книги, прежде всего Библию.

Именно там и именно тогда распространяется и загадочная ересь жидовствующих, о которой нам сегодня мало что известно. Возможно, ее сторонники внимательно прочитали и слишком буквально восприняли Ветхий Завет, с которым и решили теперь сверять свою духовную жизнь, включая ее обрядовую сторону.

Главным борцом с этой ересью стал новгородский архиепископ Геннадий, канонизированный святой. Часто приводят цитату из его письма московскому митрополиту Зосиме, где он призывает последовать примеру «шпанского короля» и безжалостно жечь еретиков. Согласно летописным источникам, некоторых-таки сожгли по его приказу — вот каким было тогда западничество! Но мало кто знает, что именно он осуществил издание первой полной Библии на Руси — правда, пока еще рукописное.

Это издание получило название Геннадиевской Библии. Казалось бы, чего проще: собрать по церквам и монастырям все рукописи, отобрать самые надежные... Но удалось найти далеко не все книги Ветхого Завета. Часть пришлось переводить заново с латинских изданий, этим занимался католический монах из Хорватии по имени Вениамин. И таким бывало русское западничество в XV в., оно же тогдашнее панславянство.

А книги Есфирь и Песнь Песней, судя по всему, были переведены... и вовсе с еврейского, мы даже не знаем, кем именно. А как же борьба с жидовствующими, главная битва святителя Геннадия? Но одно дело — текущая церковная политика и борьба с еретиками, а другое — почтение к первоисточникам. Собственно, не от того ли возникают и распространяются ереси, что люди не читают первоисточников или трактуют их неверно, в искаженном понимании? Просвещение — главное орудие против ереси.

Но Геннадиевская Библия была рукописной, и, значит, она никак не могла стать национальным стандартом. Сколько с нее было сделано списков, мы точно не знаем, но ее роль огромна, потому что именно она была со временем положена в основу первой печатной Библии на Руси, а значит, всех последующих изданий церковнославянского текста, включая и тот, что стоит у нас с вами на книжной полке.

Вскоре после этого был предпринят и еще один очень интересный проект, не имевший, впрочем, особого влияния на ход истории. В 1517 году в цесарском городе Праге начала издаваться «Бивлия Руска, выложена докторомъ Францискомъ Скориною изславнаго града Полоцька, Богу кочти и людемъ посполитымъ кдоброму научению». Правда, это была далеко не вся Библия, а лишь отдельные ветхозаветные книги, в 1525 году в Вильне (совр. Вильнюс) был напечатан также «Апостол» в версии Скорины. Что же это была за «Бивлия Руска»? Церковнославянский текст, исправленный по венецианским изданиям самого начала XVI в. и с сильным влиянием белорусских диалектов, хорошо знакомых половчанину Скорине. Так что сам его язык можно при желании назвать старобелорусским или церковнославянским белорусского извода, кому как больше нравится.

Скорина, несомненно, был гуманистом и просветителем, но какой держался веры — никто не знает. Одни счита-

ют его католиком, другие — православным, третьи — униатом, а некоторые источники прямо называют гуситом, то есть сторонником зарождавшейся в Европе Реформации. Да и в самом деле: имя у него явно не православное, его идея печатать Библию на народном языке совершенно не католическая, а что до гуситов и реформаторов, так он был слишком большим конформистом. Скорее всего, Скорина был просто ученым знатоком, белой вороной своего времени. Да и что за проект: Библия, с одной стороны, русская, национальная, а язык все-таки ближе к церковнославянскому, чем к говору града Полоцка XVI века! Сплошной компромисс, не принятый в ту эпоху ярких контрастов и незаслуженно забытый по сей пору.

А вот о Геннадиевской Библии такого не скажешь. Списки с нее легли в основу первого печатного издания Библии на церковнославянском. Его осуществил знаменитый первопечатник дьяк Иван Федоров, и называется эта Библия Острожской, поскольку вышла в городе Остроге в 1581 году. Книга вышла в свет по благословию православного епископа и под покровительством православного князя Константина Острожского, но происходило все на территории Литовского княжества (сегодня Острог принадлежит Украине). Все же слишком подозрительно выглядела деятельность московского первопечатника для московских же ревнителей благочестия: новшество, западничество, почти что колдовство... Пришлось переселяться в ближнее зарубежье. Так первая печатная Библия на Руси оказалась чистой воды «тамиздатом».

Зато она действительно стала национальным стандартом — именно ее многократно переиздавали, теперь уже в Москве. Ей доверяли настолько, что не считали нужным сколь-нибудь серьезно редактировать. Реформатор патриарх Никон, стремившийся привести всё к полному соответствию с грече-

скими образцами, задумывал, правда, такую редактуру, но не успел взяться за нее всерьез. Отметим, что при нем «возвращение к истокам» проходило под западным влиянием: ученых монахов выписывали для книжной справки в основном из Киева, образование они получали в том числе у иезуитов, и заглядывали они не только в греческий, но и в латинский текст. Впрочем, в ходе реформ Никона сразу началось такое, что всем как-то стало не до тонкостей библейской текстологии. В результате московское издание 1663 года (время взлета Никона!) фактически повторяет Острожскую Библию.

А последняя серьезная ревизия церковнославянского текста была инициирована вовсе не патриархом Никоном, а другим великим реформатором: «В Московской типографии печатным тиснением издать Библию на славянском языке, но прежде тиснения прочесть ту Славянскую Библию и согласить во всем с Греческою». Никон был бы доволен формулировкой, но принадлежит этот указ не ему, а Петру I, он был дан в 1712 году. Впрочем, такие проекты быстро не делаются, особенно у нас. Работа то начиналась, то прекращалась, попутно выяснялось, что с греческими изданиями слишком уж много расхождений... Да стоит ли овчинка выделки?

Например, один из русских иерархов того времени и ныне почитаемый святой, митрополит Арсений Мацеевич, считал: «Ежели рассудить в тонкость, то Библия у нас и не особо нужна. Ученый, ежели знает по-гречески, греческую и будет читать; а ежели по-латыни, то латинскую, с которой для себя и для поучения народу российскую, какая ни есть Библия, будет исправлять. Для простого же народа довольно в церковных книгах от Библии имеется». Еще одна характерная черта того времени: богословское образование было скроено на католический лад и опиралось на латинские тексты.

И снова, как и в случае с архиепископом Геннадием, видим с неожиданной стороны известного в истории церков-

ного деятеля — митрополит Арсений отказался в свое время присягать императорам как «крайним судиям» церкви, что, впрочем, не вредило его карьере, пока он не выступил против отчуждения церковных владений Екатериной II. Тогда он был сослан в монастырь, продолжил там критиковать императрицу, был посажен в крепость, где и скончался. В 2000 году был канонизирован как священномученик.

И вот этот обличитель цариц, этот носитель библейского пророческого духа не видел смысла в существовании славянской Библии?! Трудно бывает понять человека, жившего два с лишним столетия назад, но, видимо, он был противником всякой секуляризации: от распространения Писания среди простого народа и до отнятия у монастырей деревень с крепостными. А может быть, он просто мечтал о возвращении в те времена, когда простой народ слушал чтения из Писания в храме и ему того хватало?

И все же императрица Елизавета решила довести до завершения и это начинание своего отца. В 1751 году исправленное издание увидело свет, теперь его называют Елизаветинской Библией. Это было последнее исправление церковнославянского текста в России, с тех пор и по сей день переиздается именно этот текст, иногда с косметической правкой. Периодически заходит разговор о необходимости создать новое издание, с учетом всех достижений современной науки, но пока что разговорами дело и ограничивается.

Хорош или плох этот текст, но с XIX века речь всерьез зашла о необходимости Библии «для поучения народу» — перевода на русский язык.

4. Нужна ли Библия на русском?

Сегодня почти в каждом доме, где читают по-русски, есть Библия на русском языке, и если задать вопрос «зачем?», хозяева удивятся. Можно Библию не читать (большинство и не читает), но надо же иметь ее у себя на полке, по крайней мере, как классическое произведение мировой литературы, если не как Священное Писание. Причем, разумеется, не в оригинале, и даже не на церковнославянском, а на природном нашем языке — русском.

Всего пару столетий назад эта мысль казалась многим революционной хотя бы потому, что такой Библии не было на свете. В 1824 году А. С. Пушкин из Михайловского отправил заказ брату в Петербург: «Библию, библию! и французскую непременно!» Трудно понять из этой фразы, собирался ли Александр Сергеевич читать только французский перевод или он просил прислать две книги: одну (по умолчанию) церковнославянскую, а другую — французскую, для понимания. Русской еще просто не существовало.

Образованное общество могло справиться в трудных случаях с французским или иным западным переводом. А остальные? Нужна ли была им Библия на современном русском языке? Как уже было сказано, еще в XVIII веке митрополит Арсений Мацеевич считал, что даже на церковнославянском издавать полную Библию не стоит.

Впрочем, это не означает, что попыток перевода вовсе не было. Отдельные отрывки из Библии, а точнее, псалмы публиковались на русском в вольном переложении еще с конца XVII века. Такие переложения сочиняли Симеон Полоцкий

(1680 год), Авраамий Фирсов (1683 год), Василий Тредиаковский (1753 год), но это все же были личные эксперименты — скорее вольные размышления поэта над страницами славянской Псалтири, нежели кропотливый труд переводчика. Подобные опыты продолжаются и в новое время — последнее поэтическое переложение псалмов подготовил Наум Коржавин.

Как уже говорилось прежде, в Средние века никто не ожидал от рядовых верующих, что они дома раскроют Библию и станут ее читать: книги были исключительно редки и дороги, да и грамотных было мало. С первой проблемой закончило массовое книгопечатание, со второй — эпоха Просвещения, по крайней мере, в Европе. Особенно изменилось положение дел после Реформации, которая предложила каждому христианину самостоятельно обращаться к Писанию, а значит, читать его на своем родном языке.

Волны Реформации докатились до России при Петре I. Есть сведения, что именно в его царствование Библию переводил на русский язык немецкий пастор из ливонского города Мариенбурга (совр. Алуксне в Латвии) по имени Эрнст Глюк, но этот перевод, если он вообще существовал, бесследно пропал после его смерти в 1705 году. От пастора зато остался латышский перевод Библии, а России он подарил совсем иное: свою воспитанницу Марту Скавронскую, она же государыня Екатерина I.

Трудно сказать, что там происходило на самом деле, переводил ли пастор Библию на русский или только собирался, и если переводил, сколько успел перевести и почему его черновики бесследно пропали. Но вряд ли имел бы успех этот перевод остзейского немца на язык, который был для него не родным и даже не первым иностранным. Как и многие иные начинания петровской поры, его перевод выглядел бы как нечто чужое, перенесенное на русскую почву из германской

культуры — такие вещи с трудом приживаются даже в технической сфере, что уж говорить о духовной области.

Да и русского литературного языка в ту пору еще, по сути, не было. Был церковнославянский, был официальный язык государевых указов, был язык технических инструкций (где каждое второе слово было иноземным), и был, разумеется, просторечный, разговорный язык — в каждом городе свой. На какой именно язык мог переводить пастор Глюк священный текст? Ему предстояло (как он сделал с латышским, а до него — Лютер с немецким), по сути, создать новую версию литературного русского языка... и вряд ли бы он справился с этой задачей, вряд ли страна бы приняла его изобретение.

Русскому литературному языку еще только предстояло появиться, и те, кто его создавал, в отличие от Лютера в Германии, вовсе не горели желанием сделать текст Писания доступным каждому христианину — слишком много у них было других задач, да и сопротивление материала было велико. Антиох Кантемир изображал в своей сатире одного такого противника новшеств:

Как, — говорит, — Библию не грешно читати,
 Что она вся держится на жидовской стати?
 Вон де за то одного и сожгли недавно,
 Что, зачитавшись там, стал Христа хулить явно.
 Ой нет, надо Библии отбегать как можно,
 Бо, зачитавшись в ней, пропадешь безбожно.

Речь, конечно, шла о Елизаветинской церковнославянской Библии, но тем страшнее показался бы ценителям старины русский перевод. Зато в начале XIX века в протестантских странах Европы, начиная с Великобритании, возникло новое движение — библейские общества. Всё началось, как часто бывает у англосаксов, с истории про *damsel in distress* — про бедную, но благочестивую девушку по имени Мэри

Джонс, которая копила деньги, чтобы купить собственную Библию, но не смогла найти ее в продаже в ближайшем магазине и вынуждена была прошагать двадцать миль в ее поисках, причем босиком.

Благородные джентльмены, услышав о ее странствии, приняли в 1804 году истинно британское решение — учредить особое общество, которое обеспечит возможность подобным девушкам и всем остальным беспрепятственно приобрести экземпляр Писания на родном языке и по сходной цене, причем действовать это общество собиралось не только на территории Британии, но и за рубежом. Забегая вперед, скажу, что в России ему удалось сделать немало.

Это была эпоха наполеоновских войн, и Россия вышла из нее полноценной европейской нацией. Не только русская армия оказалась сильнее *la Grande Armée*, но и народ сумел, преодолев сословные различия, выступить как единое целое, защищая свою страну. А без чего европейской нации начала XIX века невозможно обойтись? Помимо всего прочего, без национальной Библии.

Она была у французов, немцев, англичан, даже в небольших «придунайских княжествах» (родных краях Кантемира) читали свои румынские переводы еще с XVI-XVII веков... И только храбрые россы, чей гром победы раздавался на всю Европу, были лишены этого национального символа. Да и не только символа, важнейшего источника развития литературы и культуры любого христианского народа — достаточно вспомнить, как много библейских мотивов у того же Пушкина. И всё это — из французской Библии? А ведь были в русской литературе уже и Ломоносов, и Державин, и Карамзин...

Очень кстати пришлось тут и мистические настроения императора Александра I, который в то же время был открыт иноземным влияниям. Словом, вскоре после изгнания Напо-

леона, Александр I принял два решения, коими пожелал отблагодарить и прославить Творца: построить в Москве храм Христа Спасителя и учредить в России библейское общество. Интересно, что пока работало это общество, не строился храм, а затем, когда общество закрылось, то и храм был построен. Так уж оно у нас повелось на Руси: стены строим или в смысл вникаем мы обычно по отдельности.

5. Библейское общество и кирпичный завод

Итак, к тому моменту, когда А. С. Пушкин в 1824 году просил прислать ему французскую Библию, уже восемь лет как было принято решение на самом высоком уровне: русской Библии быть! Но от решения до того дня, когда в синодальной типографии будет отпечатан тираж этой самой Библии, пройдет шесть десятилетий. Будь у этого издания хоть какое-нибудь предисловие, в нем наверняка была бы изложена долгая и трудная история этого труда, названы имена переводчиков и редакторов, подробно разобраны аргументы всех тех, кто стремился выпустить это издание в свет, и всех, кто этому противился... Или слишком тут было все неоднозначно, чтобы выносить такое на публику? Может быть, потому и не было в книге никакого предисловия?

Решение подготовить русский перевод Святейший синод принял по предложению императора Александра I в начале 1816 года, сразу после окончания наполеоновских войн. Работа была поручена новооткрытому Российскому библейскому обществу, тогда исключительно популярному в обществе благодаря высочайшей протекции. И работа закипела: уже в 1819 году было издано Четвероевангелие, а в 1821 году — полный Новый Завет. Первые издания были параллельными с русским и славянским текстом. Началась работа и над Ветхим Заветом, при этом изначально перевод делался с еврейского текста, а при редактировании добавлялись в квадратных скобках варианты из греческого перевода (Септуагинты). В 1822 году впервые вышла Псалтирь, причем за два года ее тираж составил более ста тысяч экземпляров.

Однако с самого начала переводческую работу сопровождали ожесточенные споры: да нужна ли она вообще? Главными сторонниками перевода были на тот момент обер-прокурор и министр просвещения князь А. Н. Голицын, а также ректор Санкт-Петербургской Духовной академии архимандрит Филарет, будущий митрополит Московский. Благосклонно относился к нему и митрополит Петербургский и Новгородский Михаил Десницкий.

Но были у перевода и противники, причем споры эти не утратили своего значения и по сей день. Правда, теперь никто не сомневается в возможности и даже необходимости русского перевода Священного Писания, но все те же самые аргументы выдвигаются сегодня в иных спорах, которые, как знать, лет через сто или двести покажутся нашим потомкам такими же странными и неуместными.

Главными критиками тогда были митрополит Серафим Глаголевский и министр просвещения адмирал А. С. Шишков (тот самый, который галоши желал непременно звать мокроступами). Они были не просто недовольны качеством перевода, а отрицали саму необходимость какой-либо Библии для русских читателей, кроме церковнославянской, тем более что в библейском обществе трудились далеко не одни православные. Шишков писал (и эти слова по сю пору охотно перепечатываются православными ревнителями): «Рассеиваемые повсюду в великом множестве Библии и отдельные книги Священного Писания, без толкователей и проповедников, какое могут произвести действие? ...правила апостольские, творения Святых Отцов, деяния святых соборов, предания, установления и обычаи церковные — одним словом, все, что доселе служило оплотом Православию, все сие будет смято, попорано и ниспровержено. Всякий сделает сам себе толкователем Библии и, образовав веру свою по собственным понятиям и страстям, отторгнется от союза с церковью».

Победа в споре была обеспечена той стороне, которую гласно или негласно поддерживал император. Сначала само его желание увидеть этот перевод изданным было лучшим аргументом в пользу всего предприятия, но... «дней Александровых прекрасное начало» сменилось усталостью и раздражением от всех этих новшеств. А мистические увлечения былых дней стали казаться консервативному духовенству всё более подозрительными, тем более что петербургская аристократия и в самом деле увлекалась духовностью самого разного рода, не всегда совместимой с православием. Сам Голицын, как и многие представители аристократии в те годы, был масоном.

А главное, получившийся перевод Нового Завета был слишком непохож на церковнославянский — и то была сознательная установка переводчиков! Они, в частности, руководствовались такими правилами: «греческого текста, как первоначального, держаться в переводе преимущественно перед славянским; величие Священного Писания состоит в силе, а не в блеске слов; из сего следует, что не должно слишком привязываться к славянским словам и выражениям, ради мнимой их важности». Всё это выглядело крайне подозрительно.

К тому же умершего митрополита Михаила в 1821 году сменил на кафедре митрополит Серафим, противник всего, что касалось перевода. Он добился отставки Голицына в 1824 году — как раз когда Пушкин просил французскую Библию! — и всё посыпалось: библейское общество было закрыто, переводческая работа прекращена, и в конце 1825 года свежее отпечатанный тираж первых восьми книг Ветхого Завета на русском был сожжен на кирпичном заводе.

А дальше началось царствование Николая I, и о всяких сомнительных новшествах полагалось крепко-накрепко забыть. Зато в его годы было исполнено другое повеление Алек-

сандра I, данное им в те же победные дни зимы 1812/13 года, что и указ об учреждении Библейского общества в России: началось строительство храма Христа Спасителя в Москве.

Впрочем, продолжалась и неофициальная работа над переводами: Новый Завет уже существовал, так что те, кто радели о переводе, занимались Ветхим. В то время в Европе все новые переводы делались исключительно с еврейского Масоретского текста, который считался тождественным оригиналу. Но в православной традиции огромную роль всегда играла греческая Септуагинта, которая во многих местах отличается от Масоретского текста, не говоря уже о том, что в ней есть книги, еврейские оригиналы которых до нас просто не дошли. Они не входят в протестантские издания, но в православных они печатаются. И что делать с церковнославянским переводом, который используется за богослужением и с греческим не всегда совпадает? Единого мнения не было.

В николаевскую эпоху было два главных переводчика: кабинетный ученый и полевой миссионер. Первый — это протоиерей Герасим Павский, ставший еще в 1819 году основным редактором первого официального перевода. Затем он преподавал древнееврейский язык в С.-Петербургской Духовной Академии. На занятиях широко использовались подготовленные им учебные переводы некоторых пророческих и поэтических книг Ветхого Завета, где, помимо всего прочего, отрывки из пророческих книг располагались не в каноническом, а в хронологическом порядке, в соответствии с представлениями ученых того времени, строго с Масоретского текста. Переводы показали студентам настолько интересными, что их литографические копии стали расходиться за пределами Академии и даже С.-Петербурга. Один экземпляр хранится сегодня в Исторической библиотеке в Москве.

В результате на вольнодумца был написан донос и в 1841 году было проведено синодальное расследование. О. Ге-

расим остался преподавать в Академии, но о всякой переводческой деятельности должен был на долгое время забыть. Впоследствии в журнале «Дух христианина» в 1862-1863 годах, уже в ходе подготовки Синодального издания, вышли его переводы некоторых исторических книг Ветхого Завета и Притчей.

Другой переводчик — архимандрит Макарий Глухарев, просветитель Алтая. Живя в основанной им миссии в алтайских предгорьях, он не только переводил Писание на язык местных кочевников (потомки которых сегодня хранят о нем самую теплую память), но и думал о необходимости русского перевода Ветхого Завета. Для начала Макарий написал о своих предложениях московскому митрополиту Филарету (сегодня оба они прославлены как святые), но поскольку ответа не было, он с 1837 года приступил к самостоятельной работе, пользуясь отчасти литографиями Павского. Результаты своих трудов он сначала отсылал в Комиссию духовных училищ, а затем и непосредственно в Синод, с особыми разъяснениями.

Тон его послания к Синоду — под стать книге Исаяи, которую оно сопровождало. Макарий обличает Синод за нежелание порадеть в деле духовного просвещения России, называет бунт декабристов, наводнение в Петербурге и прочие бедствия прямым следствием этого нерадения. Те же слова повторяет он без стеснения и в письме самому императору Николаю I! Ответом была епитимья: ежедневно служить литургию — и сданные в архив черновики переводов. Впрочем, митрополит Филарет после этой истории обратил внимание на Макария и написал ему подробный ответ, суть которого сводилась к одному тезису: еще не настало время.

Упорный миссионер продолжил работу и перевел полностью Ветхий Завет, кроме уже давно изданной Псалтири; переводы после его смерти были напечатаны в «Православном обозрении» за 1860-1867 годы и использовались при

подготовке Синодального издания. Эти переводы полностью следуют древнееврейскому тексту. Особенно ценят их сегодня свидетели Иеговы, поскольку в них употребляется не привычное нам слово «Господь», а имя «Иегова».

Был один теоретик перевода — сам митрополит Филарет. Хотя он и не ответил на письмо Макария, но разрабатывал методологические указания для переводчиков. Их он изложил в записке к Священному синоду «О догматическом достоинстве и охранительном употреблении греческого септидесяти толковников и славенского переводов Священного Писания» (1845 год). Там он предложил своего рода компромисс: переводить еврейский текст, но дополнять и даже править перевод (в догматически значимых местах) в соответствии с Септуагинтой и церковнославянским.

Именно так и решено было поступить в царствование Александра II, когда началась подготовка собственно Синодального перевода Библии на русский язык.

6. Синод и Библия

У меня на полке стоит книга, изданная в 1876 году и озаглавленная очень просто: «Библия. Книги Священного Писания Ветхаго и Новаго Завѣта в русскомъ переводѣ». Чуть ниже добавлено: «По благословенію Святѣйшаго Правительствующаго Сѣнода». Вот эту Библию, а также все ее переиздания, в том числе и с исправлениями, мы и называем Синодальной, она и по сей день остается главной национальной Библией, хотя появляются и новые переводы.

Как все-таки жаль, что в этом издании нет предисловия, где рассказывалась бы сложная история этого перевода и излагались принципы его создания! Всѣ, увы, приходится восстанавливать по тексту самой книги и вторичным источникам.

Итак, на заседании Синода по поводу коронации Александра II (1856 год) с подачи митрополита Филарета было принято решение возобновить перевод Библии на русский язык. Впрочем, это решение еще не привело к началу работы, ведь у проекта было немало противников. К их числу относился, к примеру, киевский митрополит Филарет Амфитеатров. Аргументация противников перевода практически не менялась со времен адмирала Шишкова: церковнославянский и русский суть разные стили одного языка, к тому же первый объединяет разные православные народы. «Если переводить на русское наречіе, то почему же не перевести потом на малороссийское, на белорусское и проч.» — восклицал митрополит Филарет. Так оно, впрочем, со временем и случилось, но сегодня это уже никого не пугает.

Кроме того, широкое знакомство с библейским текстом могло, по его мнению, способствовать развитию ересей, как

это и произошло на родине библейских обществ, в Англии. Вместо перевода предлагалось исправлять отдельные слова славянского текста и поголовно обучать народ церковнославянскому языку. Кстати, такое же решение предлагалось и для «инородцев», в отношении которых оно выглядело уж совсем утопично. Разделял эту позицию и обер-прокурор Синода граф А. П. Толстой.

Спор двух митрополитов Филаретов, Московского и Киевского, стал предметом подробного обсуждения в Синоде, и в 1858 году он подтвердил решение двухлетней давности: «Перевод на русский язык сначала книг Нового Завета, а потом постепенно и других частей Священного Писания необходим и полезен, но не для употребления в церквях, для которых славянский текст должен оставаться неприкосновенным, а для одного лишь пособия к разумению Священного Писания. К переводу сему должно приступить со всевозможной осмотрительностью через лиц, испытанных в знании еврейского и греческого языков, по избранию и утверждению Святейшего синода».

Император согласился с этим решением. В результате в четырех Духовных академиях (Петербургской, Московской, Киевской и Казанской), которым и было поручено это начинание, были созданы свои переводческие комитеты. Их труды утверждались епархиальными архиереями и затем Синодом, который полностью посвящал этому делу один из трех своих присутственных дней. Затем свою редактуру вносил митрополит Филарет, который фактически был главным редактором этого перевода и посвятил работе над ним последние годы своей жизни (он скончался в 1867 году). Наконец текст окончательно утверждался Синодом.

За основу были приняты уже существующий перевод Нового Завета и подготовленные тексты Ветхого, но все они подвергались самым серьезным исправлениям, так что фак-

тически нужно говорить о появлении нового перевода, а не просто о редакции старых.

Таким образом, в 1860 году было издано Четвероевангелие, а в 1862 году Новый Завет. Разумеется, это был новый перевод, ощутимо отличавшийся от изданий начала века. При подготовке Ветхого Завета использовались как уже существующие переводы Глухарева, которые были серьезно отредактированы, так и заново подготовленные тексты. С 1868 по 1875 год публиковались отдельные сборники ветхозаветных книг. Работа велась в полном соответствии с принципами, изложенными в докладной записке митрополита Филарета: переводить Ветхий Завет с еврейского текста, но при этом дополнять его вставками из греческого перевода, а также сверяться со славянским, особенно в догматически значимых местах. Такое компромиссное решение должно было удовлетворить строгих критиков... хотя, кажется, их уже ничего удовлетворить не могло.

В результате возник свой, особенный тип текста, эклектически сочетающий элементы еврейского и греческого текста, причем греческие вставки были помечены скобками. Мы читаем в книге Бытия буквально следующее: «Адам жил сто тридцать (230) лет, и родил (сына) по подобию своему (и) по образу своему, и нарек ему имя Сиф». От первого издания и до наших дней сохраняются эти скобки, включая явные расхождения в числах.

Правда, протестанты, начиная с 1882 года, в своих изданиях стали опускать всё, что приводилось в скобках (включая и те, которые использовались как знаки препинания), но и это не привело к появлению перевода, полностью идентичного еврейскому тексту, ведь во многих случаях влияние греческого или славянского проявилось на уровне интерпретаций. Например, еврейский текст гласит, что Бог завершил Сотворение мира в седьмой день. Как же так, ведь это уже

был день покоя? И Септуагинта поправляет: в шестой. А в Синодальном читаем: «И совершил Бог к седьмому дню все дела Свои, которые Он делал». Числительное «седьмой» взято из еврейского текста, но смысл скорее соответствует греческому: дескать, никаких трудов в сам седьмой день уже не было.

Что касается Нового Завета, тут всё было значительно проще: за основу был взят традиционный византийский вариант текста, который, с небольшими отличиями, был известен и на западе (т. н. *Textus Receptus*, то есть «общепринятый текст»), и на востоке христианского мира. За основу были взяты западные издания, а слова, присутствовавшие в церковнославянском, но отсутствовавшие в этих изданиях, также давались в скобках. Добавленные «для ясности и связи речи» слова были выделены курсивом.

Так возникла наша национальная Библия, такой она и остается с минимальными изменениями. В 1926 году Синодальная Библия была впервые напечатана в новой орфографии. Начиная с издания Московской патриархии 1956 года, подверглись незначительной правке устаревшие грамматические формы (например, «увидевши» заменялось на «увидев», а «лицем» на «лицом»). Более существенных исправлений не было.

А зря, в этом переводе многое нуждается в правке. О стилистике сейчас говорить не будем, лишь о точности и последовательности. История и в особенности предыстория Синодального перевода была слишком сложной и долгой, его появление определялось скорее церковно-политическими спорами, чем научными дискуссиями, над ним работало слишком много разных людей, и результат оказался достаточно противоречивым и непоследовательным. Нередко возникает путаница в терминах, даже в именах собственных: в исторических книгах Ветхого Завета один и тот же

город называется то Екрон, то Аккарон, и пойдй угадай, что город один.

Но есть и более серьезные проблемы. Ключевое для Послания к Римлянам понятие *δικαιοσύνη* (употребляется в этой книге тридцать четыре раза!) переводится то как «правда», то как «праведность», а это ведь по-русски совсем не одно и то же. В результате разрушается логика апостола Павла, которую и без того непросто понять.

Были в переводе (и остаются по сей день!) и прямые ошибки. Во 2-й книге Царств мы читаем про то, как поступил царь Давид с населением захваченного главного города аммонитян: «...народ, бывший в нем, он вывел и положил их под пилы, под железные молотилки, под железные топоры, и бросил их в обжигательные печи. Так он поступил со всеми городами Аммонитскими». Это не просто тотальный геноцид, но какое-то изощренное зверство... Непонятно, впрочем, как это аммонитяне выжили после таких массовых казней, да еще и в ближайшем будущем вернули себе независимость.

Да только нет такого в оригинале. Там всего лишь сказано, что Давид «поставил» городских жителей к этим орудиям — видимо, отправил в трудовые лагеря. Тоже не сахар, но все-таки объяснимо: заставил завоеванных потрудиться на благо собственного государства. Для нас, знающих историю XX века, разница огромна.

И все же, несмотря на все ошибки, появление и распространение первой русской Библии имело огромный эффект. Какое впечатление произвело оно на простой народ, лучше всего описал Н. С. Лесков в рассказе «Однодум», главный герой которого, квартальный надзиратель Рыжов, стал эту книгу не просто читать, но и задумываться над прочитанным, а потом — и жить в соответствии с ним. И оказался он этаким инопланетянином посреди крещеного люда... «На Руси все православные знают, что кто Библию прочитал и „до Христа

дочитался" с того резонных поступков строго спрашивать нельзя; но зато этакие люди что юродивые — они чудесят, а никому не вредны, и их не боятся» — резюмирует Лесков.

А с юродивыми всегда неудобно. Может, потому так и затягивали с этим переводом? Свободный доступ к нему читатель имел меньше полувека, затем пришла революция и гонения на церковь. Но неизбежно встает вопрос: может быть, если бы не тянули так с переводом, если бы распространяли его, смогли бы остановить и нравственное одичание, приведшее к кровавой революции? К сожалению, ответа мы никогда не узнаем.

7. Толстой, Победоносцев и другие

«Язык этого перевода, тяжелый, устарелый, искусственно сближенный со славянским, отстал от общелитературного языка на целый век» — такую оценку Синодальному переводу Библии дал российский ученый И. Е. Евсеев, и сделал он это накануне революции 1917 года. С самого момента своего выхода в свет этот перевод стал не только национальной Библией, но и мишенью для критики.

Недостатков в нем находили немало. О фактических неточностях уже было сказано, но самый серьезный, пожалуй, точно был назван Евсеевым, и дело тут не только в устаревших словах, во всех этих «седалищах» и «влагалищах» (не подумайте плохого, речь идет о сиденьях и о ножнах, куда вкладывали меч). Что поделать, этот перевод действительно начали делать, когда Пушкин только учился в Лицее, и преодолеть это отставание от литературной нормы переводчикам и редакторам, пожалуй, так и не удалось.

Главная проблема, пожалуй, кроется в тяжеловесных кальках с древних языков и чрезмерном буквализме. «Но я видел сон, который устроил меня, и размышления на ложе моем и видения головы моей смутили меня» — так жалуется царь Навуходоносор, и это еще понятно, хоть и неуклюже. А вот когда псалмопевец восклицает: «От прещения Твоего, Боже Иакова, вздремали и колесница и конь», — тут уже и не поймешь вообще ничего. А речь идет о том, что достаточно Богу сказать одно слово — оцепенеет грозное вражье войско (по-видимому, тут есть и намек на исход израильтян из Египта, когда египетские колесницы, пустившиеся за ними в

погоню, были смыты морскими водами, и наездники уснули вечным сном вместе с конями).

Возникали вопросы и с текстами положенными в основу перевода. Синодальный перевод, как мы уже говорили, в ветхозаветной части делался в основном с еврейского Масоретского текста, но со значительными поправками и вставками из греческой Септуагинты. Греческий текст традиционно пользовался огромным авторитетом у восточных христиан, но этого не скажешь про иудеев — поэтому специально для них в Лондоне в 1866-1875 годах, то есть практически параллельно с Синодальным, был издан перевод В. А. Левинсона и Д. А. Хвольсона. Его было дозволено распространять и в России, но только «для употребления евреям», как гласила надпись на титульном листе. И это было не единственное издание для них: можно упомянуть издания, подготовленные Л. И. Мандельштамом (выходили в Берлине в 1860-е и 70-е годы) и О. Н. Штейнбергом (Вильна, 1870-е годы). Такие издания, как правило, выходили с параллельным древнееврейским текстом, иногда перевод сопровождался комментариями, эта традиция продолжается и по сей день. По стилю все эти переводы, впрочем, схожи с Синодальным и сегодня они практически забыты. Как нетрудно угадать, Нового Завета в этих иудейских Библиях просто не было.

Но и среди христиан переводческая деятельность продолжалась. Синодальный перевод казался тогда многим возмутительным новшеством, слишком далеким от церковнославянского текста (впрочем, и сегодня есть немало таких ревнителей). И для них был в 1905 году издан в С.-Петербурге Новый Завет в переводе обер-прокурора Синода К. П. Победоносцева. В нем Иисус с апостолами плывал по Галилейскому озеру не в прозаической лодке, словно простой рыбак, а на целом *корабле*, и исцелял не каких-нибудь больных на прозаических постелях, а *недужных на одрах*. Его основной

принцип: чем ближе к славянскому, тем лучше, ведь всякий новый перевод для него есть не самостоятельное предприятие, а некоторое улучшение существующего текста. Старые слова заменяются новыми, и каждая подобная замена таит в себе опасность. «Заменяя слово другим, ходячим в разговоре, мы рискуем изменить или ослабить смысл употребляемого в священном тексте термина, — так, например, ставя *узнал* вместо *уразумел*, *делать* вместо *творить*, *примут* вместо *обрящут*, *знал* вместо *ведал*... И во множестве случаев нет никакой нужды в этой замене, от которой речь нисколько не становится понятнее, а только вульгаризируется», — пояснял Победоносцев.

Кроме того, делались переводы Ветхого Завета с греческой Септуагинты. В 1870-е годы выходили отдельные книги в переводах епископа Порфирия Успенского, а затем и П. А. Юнгера (Казань, 1882-1911 годы). Из всех этих переводов наибольшую известность получил юнгерский перевод Псалтири, переизданный в 1996 году. Он довольно академичен и предназначен, прежде всего, для самостоятельного разбора трудных мест славянского или греческого текста. Для самостоятельного чтения такой текст плохо подходит, а уж для молитвы он и вовсе непригоден. Сразу отмечу, что продолжения эти труды так и не имели — сегодня Ветхий Завет переведен с греческого на основные европейские языки и на украинский, а вот на русском мы довольствуемся перепечатками старых и к тому же неполных переводов.

Выходили вплоть до 1920 года также переводы отдельных книг, выполненные самыми разными авторами, стремившимися передать красоту и глубину, которые открылись им в любимых книгах Библии. Это, к примеру, Послания к Галатам и Ефесянам в переводе А. С. Хомякова; Притчи Соломоновы в переводе епископа Антонина (Грановского); Песнь песней и Руфь в переводе А. В. Эфроса.

Отдельно стоит сказать о переводах Евангелий Л. Н. Толстого. Точнее, это были не переводы — ну разве мог Толстой просто переложить евангельский текст, ничего в нем не исправив? Его «Соединение и перевод четырех Евангелий» вышло в Женеве в 1891-1894 годах и, в сокращенном виде, в России в 1906 году. Это вольный пересказ отдельных страниц Евангелия, проповедующий собственное вероучение писателя. Разумеется, в нем не нашлось места ничему, что противоречило бы его воззрениями: нет в нем места чудесам, включая и Воскресение Христово. Христос Толстого — моралист, вроде самого Льва Николаевича, и никак не более того. А стиль этого текста — полная противоположность победоносцевскому:

«И стал Иисус им толковать про царство Бога, и толковал он это примерами. Он сказал: Бог Отец сеет в мире жизнь разумения, все равно как хозяин сеет семена на своем поле. Он сеет по всему полю, не разбирая, какое куда попадет. И вот попадают одни зерна на дорогу, и прилетят птицы и поклюют. А другие на камни, и на камнях хотя и прорастут, да повянут, потому что укорениться негде. А еще иные попадают в полыни, и полыни задавят хлеб, и взойдет колос, да не нальет. А иные попадут на хорошую землю, те всходят и наверху выставляют за пропащие зерна и выколашиваются и наливаются, и какой колос дает сам-сто, какой сам-шестьдесят, какой сам-тридцать». И немного дальше, про малую закваску: «Как баба пустит в дежу закваску и смешает с мукой, она уж не ворочает ее, а ждет, чтобы она сама закисла и поднялась».

То есть в России и за ее пределами происходило примерно то же самое, что и в остальном христианском мире: при существовании единого национального текста возникали его варианты (протестантские издания Синодального перевода с исключением, насколько это вообще было возможно, вставок из Септуагинты) и новые переводы отдельных книг и

больших частей Библии. Одного текста на всех просто не хватало, потому что у людей были разные ожидания и представления. Ну не мог Толстой видеть в Евангелии то же самое, что и Победоносцев, а Победоносцев не мог согласиться с прочтением Толстого. К тому же никакой, даже самый совершенный, перевод не может передать всех оттенков и тонкостей оригинала.

Именно по этим причинам уже ко времени создания Синодального перевода на основных европейских языках существовало по несколько переводов Библии, и новые продолжали появляться. Более того, уже существующие тексты тоже могли редактироваться и обновляться. Раздавались и вполне отчетливые голоса в пользу ревизии Синодальной Библии. Высказывание Евсева, с которого мы начали этот рассказ, было призвано не уничтожить Синодальный перевод, а ясно заявить о необходимости его скорейшего исправления.

Это был один из вопросов, стоявших перед Всероссийским Поместным собором 1917-1918 годов — именно к нему и готовил Евсеев свой отзыв и свои предложения о ревизии текста. Но судьба этого собора оказалась слишком похожей на судьбу многих других начинаний в нашем Отечестве. Пока существовала империя, собор так и не созвали, хотя проблем церковной жизни было много и они активно обсуждались: двенадцать лет перед его открытием заседало «предсоборное присутствие»! Но до самого собора дело дошло только в 1917 году, он открылся в августе.

Дальнейшее понятно. Многие вопросы собор просто не успел подробно рассмотреть и принять по ним конкретные решения (к числу таких вопросов относилось и редактирование Синодального перевода), а те решения, которые были приняты, исполнить не было уже никакой возможности. До сих пор нет единого мнения о том, какова же была историческая роль этого самого представительного, самого подготов-

ленного и квалифицированного собрания русских православных людей за всю нашу историю. Для одних это был запоздалый и упущенный шанс на возрождение церковной жизни в России, а для других — абстрактное прожекторство.

Как бы то ни было, дальше началось в стране государственного атеизма для кого выживание, а для кого — житие. И если у православных был, по крайней мере, еще и славянский перевод, читавшийся в церкви, то для многих протестантов именно этот текст и стал боговдохновенным, тождественным оригиналу. Издания Нового Завета и целой Библии отбирали и рвали следователи на допросах (о такой истории из своей жизни рассказывал адвентист М. П. Кулаков), их привозили из-за границы под одеждой смелые христиане (с Б. Линдстром из Швеции, которая занималась этим в советские годы, мы долго потом работали вместе в Институте перевода Библии). И всё это был Синодальный перевод. Он разделял судьбу мучеников и исповедников и потому для многих выглядел единственно возможным, единственно правильным текстом. Мученика канонизируют, не рассуждая о его ошибках.

Но когда прошла пора мученичества, стало возможно задуматься и об исправлении ошибок.

8. Время самоучек

Впрочем, это не значит, что в советское время не появилось никаких новых библейских переводов. Ближе к закату Союза стало возможным печатать такие опыты в виде научных или научно-популярных публикаций. Тут можно привести два примера, и оба связаны с самой трудной и спорной книгой Ветхого Завета — книгой Иова. Ее перевел в качестве приложения к своей монографии «научный атеист» М. И. Рижский (издание 1991 года), но еще задолго до того, в 1973 году перевод С. С. Аверинцева был напечатан в «Библиотеке всемирной литературы», в ее самом первом томе, посвященном Древнему Востоку. Туда же входили переводы некоторых других ветхозаветных книг, выполненные С. К. Аптом, И. С. Брагинским, И. М. Дьяконовым.

В этом издании библейские тексты вернулись в тот контекст, в котором они были некогда созданы: словесность древнего Ближнего Востока. Читатели могли сравнить Песнь Песней с египетской любовной лирикой, а книгу Бытия — с вавилонскими сказаниями о Сотворении мира и о потопе. Когда создавался Синодальный перевод, эти тексты не были переведены, а по большей части даже не найдены. Коммунисты не оставляли верующим возможности пойти и купить себе Библию в книжном магазине или в церковной лавке, зато теперь перед вдумчивым читателем Библия представала как часть единой культурной истории человечества. И еще не известно, какое из двух этих обстоятельств вызывало к ней больший интерес.

Когда настали времена религиозной свободы, всё наше общество в каком-то смысле вернулось к тем вопросам, обсуждение которых было прервано в начале века. В том числе и к вопросу о необходимости новых переводов Библии.

За последние два десятилетия на русском языке вышло несколько таких переводов, и эта работа продолжается. Теперь к ней уже не имеют никакого отношения официальные церковные структуры, это инициатива отдельных людей и целых организаций, причем понять происходящее в России можно только в общемировом контексте. Библия остается самой печатаемой и переводимой книгой в мире. Вторым номером по совокупному тиражу за ней следует, с огромным отрывом, цитатник Мао Цзедунa, но его уже больше не печатают и не переводят даже китайские товарищи, в отличие от Библии.

Зачем столько? С одной стороны, в России, пусть и с запозданием, происходит всё то же самое, что и на Западе. На английском языке существует более двухсот полных переводов Библии, но продолжается работа над новыми. Конечно, нужно чем-то занять профессоров со всех библейских кафедр, но дело далеко не только в этом, и даже не в том, что наука не стоит на месте и значение многих отрывков постоянно уточняется, и не в том, что вариантов английского языка на самом деле много, и носители одного не всегда понимают носителей другого.

На месте не стоит не только наука, но и сам язык. Даже очень хорошо известные слова ветшают и меняют свои значения. В нашей речи, например, слово «жертва» утратило всякое религиозное значение, так называют пострадавших во время стихийных бедствий или войн. А ведь библейская жертва означает не разрушение, а созидание отношений между Богом и человеком. Как тогда поймет наш современник выражение «мирные жертвы» (оно встречается в Синодальном переводе)? Скорее всего, как указание на погибших мирных жителей. Но речь идет о праздничном жертвоприношении и радостном пире.

Или взять слово «искушение»: в Библии это нечто, способное сбить человека с верного пути, а в языке современной

рекламы — что-то очень приятное и желанное. По сути, вместо отрицательного значения у слова появилось положительное. Такое происходит постоянно, уже в языке Пушкина «прелесть» (особо сильное искушение) стала синонимом красоты и изящества. Кстати, когда толкиновский Горлум в русском переводе называет кольцо «моя прелесть», обыгрываются оба значения этого слова. Но слышит ли эту игру читатель или зритель?

И новые переводы нередко ставят своей целью «освежить восприятие» библейского текста. Во многих языках мира слово «фарисей» давно стало означать «циник и лицемер», поэтому все евангельские обличения фарисеев выглядят банальными. Чтобы достичь желаемого эффекта и показать всю остроту евангельских обличений, современные проповедники или даже переводчики иногда передают это слово как «духовный наставник, набожный человек».

Есть и более серьезная причина: ни один перевод не может выразить всех возможных тонкостей оригинала. Перевод можно сравнить с фотографией: мастерски выполненный снимок даст хорошее представление о натуре... но все-таки неполное. Можно снять тот же предмет или пейзаж при другой освещенности, другой оптикой, с другой точки — и новый снимок окажется совсем другим, хотя не обязательно он будет хуже или лучше первого.

И ведь не всем подходит одно и то же. Сегодня на том же английском множатся переводы, предназначенные для специфических аудиторий: молодежи, феминисток, малограмотных иммигрантов, которым надо всё изложить на предельно упрощенном языке, и т.д. Но в то же время появляется все больше переводов, «снятых» с определенной точки: они могут передавать особенности поэтики оригинала или его профессиональное прочтение, например.

Но была в этом процессе и наша, российская специфика. За годы советской власти у нас была создана великолепная школа литературного перевода — достаточно сказать, что наши лучшие поэты обычно зарабатывали переводами. И если Гёте и Шекспира переводил Пастернак, можно было не сомневаться, что русский текст не уступает оригиналу. Кроме того, литературные переводы библейских книг (а только они и могли пробить себе дорогу, но зато уж тогда и привлекали всё внимание читателя) видели в этом собрании книг явление мировой культуры в его культурном и историческом контексте, а не религиозный текст для богослужения и воскресной школы.

В то же время получить сколь-нибудь серьезное богословское или библеистическое образование было просто невозможно. Практически все, кто обратился к библейским переводам в постсоветское время, самоучки. Тот же самый М. П. Кулаков, работая в среднеазиатской глубинке на каких-то случайных должностях, изучал библейские языки дома в свободное время. И если С. С. Аверинцев, кумир русской интеллигенции, получил отличное образование на кафедре классической филологии МГУ то это образование касалось исключительно античной литературы. Всё остальное, включая древнееврейский, ему приходилось добирать самостоятельно. Для нас, студенчества конца восьмидесятых, он открывал двери в мир раннехристианской культуры с ее библейским наследием, но когда он уехал в Вену, его пригласили преподавать русскую литературу, ведь профессоров по византистике и библеистике там хватало и без него.

Мы изо всех сил бросились догонять тогда Запад, наверстывать упущенное, но там наши усилия мало кому были заметны и интересны, на Россию многие западные проповедники смотрели примерно так же, как на Папуа Новую Гвинею.

Итак, начало девяностых, советская власть растворилась, духовность в моде, книг не хватает... В Россию приезжают иностранцы с чемоданчиками долларов (не шучу), собранными западными христианами на помощь их российским собратям. Одна из самых неотложных задач — перевести Библию заново, чтобы всем всё стало понятно.

Американский библеист Б. Мецгер однажды сказал: «Перевод — искусство правильно выбирать, что терять». Либо мы утрачиваем ясность, либо отказываемся от буквального следования оригиналу — это понятно. Существуют и другие развилки, как в сказке: налево пойдешь — коня потеряешь, а направо — голову. Например, насколько архаичным и торжественным (а следовательно, малопонятным и напыщенным) должен быть язык перевода? Или насколько однозначным (а значит, и произвольным) должен быть перевод многозначных или сложных для понимания мест (примеры будут ниже)?

Но тогда об этом думали мало. Самый простой и быстрый способ создать перевод — найти первых попавшихся людей, раздать им доллары из чемоданчика и попросить как можно скорее сделать работу. Примерно по этому пути пошли создатели так называемого «Современного перевода Библии», изданного в 1993 году «Всемирным переводческим центром» на серой бумаге без особых разъяснений, кто, как и зачем этот перевод сделал. Вот два стиха из 87-го псалма: «Друзья меня оставили, Ты меня страшилищем для всех них сделал, я в доме заточён, не выйти мне. От слез болят глаза. Господь, к Тебе взываю, и мои руки подняты к Тебе». Даже размер чувствуется и шекспировские интонации, но все же не Пастернак, совсем не он. Возникает стойкое ощущение, что переводили в основном с какого-то английского текста.

В другом случае откровенно так и сделали, причем из принципиальных соображений. Речь идет о выполненном

свидетелями Иеговы «переводе Нового мира». Эта религиозная община некогда решила, что существующие переводы Библии плохо согласуются с их вероучением и надо подготовить свой собственный. Он и был сделан — сначала английская версия, а потом она была локализована на разных других языках, в 2001-м вышел вариант и на русском. Это перевод откровенно предвзятый, достаточно привести только один пример: в послании Колоссянам 1:16 о Христе говорится «Им создано всё», но в этом переводе мы читаем «посредством его сотворено всё остальное» (то есть Христос оказывается тоже сотворенным). Как ни крути, а получилась натуральная ересь, если подходить с точки зрения традиционного христианства, но для свидетелей Иеговы именно так и будет правильно.

Впрочем, есть и другие переводы. Самую большую, хотя и несколько скандальную известность получили переводы «смысловые», призванные донести до читателя основной смысл текста. Прежде всего, это новозаветный перевод «Радостная весть», издаваемый Российским библейским обществом с 2001 года (единственной переводчицей была В. Н. Кузнецова, затем ее труд был отредактирован целой комиссией). Этот перевод сознательно отталкивается от синодальной традиции. Вот как звучит в нем начало 3-й главы от Матфея: «В те дни в Иудейской пустыне появляется Иоанн Креститель. Он возвещает: „Обратитесь к Богу! Ведь Царство Небес уже близко!“... Они признавались в грехах, а он омывал приходивших в реке Иордане» (3:1-6). С точки зрения Кузнецовой, в современном русском языке слова «проповедать, каяться, креститься, исповедовать» (мы находим их в Синодальной Библии) обозначают только церковные обряды, поэтому следует найти иные слова, чтобы передать внутренний смысл этих действий: «возвещать, обратиться к

Богу, омываться, признаваться в грехах». Разорвать связь с традицией — значит передать смысл, так решила Кузнецова.

В ее переводе появилось немало резких выражений и даже грубых слов (брюхо, проститутка и т. д.). Критику вызывает даже название перевода: действительно, по-русски было бы естественнее сказать если не «благая», то хотя бы «добрая весть». И вместе с тем нельзя не признать, что перевод звучит яснее и ярче Синодального, он намного понятнее.

«Радостная весть» в отредактированном виде стала новозаветной частью перевода Российского библейского общества, впервые увидевшего свет в 2011 году (новая редакция вышла в 2015 году). А его ветхозаветная часть готовилась целым коллективом под руководством М. Г. Селезнева (мне довелось участвовать в этом проекте, правда, недолго), причем по иным принципам — здесь переводчики ориентировались на передачу не только смысла, но и художественности, и это им в целом удалось. А дальше началась еще одна очень российская история... Создатели перевода не слишком-то хотели видеть его под одной обложкой с «Радостной вестью», имея в виду создание совершенно иного Нового Завета. В результате внутренней борьбы в РБО сменилась значительная часть руководства, но книга была издана под одной обложкой. Именно это издание сейчас широко продается и рекламируется.

Но швы между двумя частями по-прежнему заметны. Например, многих читателей кузнецовских переводов смущало слово «дурак». В новом издании это слово встречается в Новом Завете несколько раз: «... не принимайте меня за дурака! А если принимаете, то дайте мне еще побыть дураком и чуть-чуть побахвалиться!» (2 Кор. 11:16). Зато в Ветхом его нет ни разу: «Глупец не знает, невежда не понимает их» (Пс. 91:7); «Мудрый страшится и чурается зла, зато глупец буйнит, ничего не боится» (Притч. 14:16).

Я упоминал М. П. Кулакова, который при Сталине отсидел пять лет за религиозную проповедь (следователь прямо в кабинете рвал и топтал его личный экземпляр Синодального перевода), а потом, в более вегетарианские времена, стал руководителем адвентистской церкви в СССР, сначала неформальным, а затем и вполне официальным. Но в начале девяностых ушел с этого поста, чтобы целиком и полностью посвятить себя... подготовке нового перевода Библии на русский язык. В 2000-м вышло первое издание «Нового Завета в современном русском переводе», затем к нему добавился целый ряд ветхозаветных книг. Сам Михаил Петрович ушел из жизни в 2010 году. Новый Завет под его редакцией был опубликован за десять лет до того, полная Библия вышла в 2015 году — работу продолжил его сын, Михаил Михайлович. Мне тоже довелось поработать в этом проекте переводчиком большинства пророческих и многих исторических книг Ветхого Завета, хотя в конечной версии они вышли в сильно отредактированном виде.

В 2015 году «Заокская Библия» (неофициальное название) вышла из печати целиком. Перевод вполне консервативен (иной раз доходит до стилистической манерности), но при этом достаточно ясен. Есть одна особенность: лишь в этом переводе из всех современных курсивом выделены слова, добавленные «для связности и ясности», как это делали в XIX веке, и добавлений этих, на мой вкус, слишком много.

Еще одна разновидность смысловых переводов — миссионерские переводы для мусульман. В их основе лежит та идея, что читателей-мусульман не надо сразу отпугивать книгой, которая выглядит как христианская. В 2003 году в издательстве «Стамбул» вышла книга в зеленой обложке с золотыми восточными узорами под названием «Священное Писание. Смысловой перевод Таурата, Книги Пророков, Забура и Инджила». Как нетрудно убедиться, это Библия на рус-

ском языке, в которой арабизированы все имена (Иисус Христос, например, там зовется Иса Масих), к тексту даны примечания миссионерского характера. Этот перевод предназначен для протестантской миссии среди мусульман Средней Азии. Вот как обращается к галатам апостол Павел в этом переводе: «Глупые галаты! Кто вас сглазил, вас, которым ясно было представлено значение жертвенной смерти Исы Масиха? Ответьте мне на один вопрос: вы получили Духа благодаря соблюдению законов Таурата или же по вере в Радостную Весть, которую вы услышали?»

Но не могли в России не появиться и другие переводы, которые соответствовали бы именно нашей традиции переводов литературных, призванных передавать не только смысл оригинала, но и его красоту и глубину, насколько это вообще возможно.

Только люди нашего племени — они не только самоучки, они обычно еще и одиночки. Когда в 1997 году в С.-Петербурге был издан сборник из четырех книг Нового Завета (от Марка, от Иоанна, Римлянам, Откровение), подготовленный, помимо С. С. Аверинцева, тремя другими переводчиками (они пожелали остаться неизвестными), то оказалось, что они основаны на разных базовых текстах: критическом и традиционном — и следуют разным переводческим принципам. В результате не получилось у них ни команды для полного перевода Нового Завета, ни четырех разных Новых Заветов.

Еще один полный перевод Библии, который приближался к литературности, был издан в 2009 году Международным библейским обществом. Для Нового Завета взяли один из «смысловых» переводов девяностых, «Слово Жизни», отредактировали его, избавив от радикальности, и добавили самостоятельный перевод Ветхого Завета. Работала над этим группа людей, но имена их не указаны, а труд их практически

неизвестен и нигде не распространяется. Как же всё это порусски...

Если говорить о западных примерах, то можно было бы ожидать еще одного направления работы — ревизии традиционного текста, то есть Синодального перевода, с целью исправить его ошибки и осовременить. Но этого не произошло. Единственная работа такого рода — перевод, выполненный за рубежом под редакцией епископа Кассиана Безобразова в 1953 году. Он был издан Британским библейским обществом только в 1970 году, стилистически он весьма близок к Синодальному, но выполнен с современных (на тот момент) критических изданий новозаветного текста.

На самом деле, за такую ревизию могла бы взяться та организация, которая и выпустила Синодальный перевод — православная церковь. Она, однако, сейчас занимается другим. Работа с библейским текстом остается в основном частным делом чем-то вроде экстравагантного хобби.

А теперь подробнее поговорим о том, как это делается.

9. Притчи и розги

Мой опыт работы над русским переводом Библии начался с ветхозаветной книги Притчей, автором которой (или ее большей части) традиционно считается царь Соломон. Это был перевод для Российского библейского общества, мы делали его совместно с Е. Б. Смагиной и Е. Б. Рашковским, потому он был включен в полную Библию РБО. Некоторыми примерами (а лучше сказать, загадками) из этого перевода и хочу теперь поделиться.

Книга Притчей, строго говоря, сборник пословиц и поговорок. Пословицы на чужом языке не просто бывает понять — слишком они краткие, слишком большую роль в их понимании играет общность культурного знания. Невозможно объяснить, что такое «любишь кататься — люби и саночки возить» человеку, который никогда не мчался на санках с заснеженной горки. То есть объяснить-то можно, но пока будешь объяснять, он успеет соскучиться.

Когда мы имеем дело с пословицами древнего народа, мы часто даже не догадываемся, что у них там за саночки были, а если догадываемся — не всегда находим эквивалент в нашей собственной культуре. Приходится или объяснять, или домысливать, и эти домыслы, как водится, говорят о переводчике не меньше, чем об оригинале.

Вот, например, 12:9, в оригинале, если перевести буквально, сказано: «...лучше пренебрегаемый и слуга для него/себя, чем славящийся и недостаток хлеба». Общий смысл понятен: нечего кичиться своей славой и знатностью, если тебе хлеба не хватает. Но с кем сравнивается такой голодный аристократ? С человеком простым, презираемым, у которого есть слуга... или который сам себе слуга? Еврей-

ский текст допускает то и другое толкование. И церковнославянский, и Синодальный перевод понимают этот стих во втором смысле: «муж в безчестии работай себе», «простой, но работающий на себя». Но не вписывается ли таким образом в текст христианская аскетика, в Ветхом Завете еще не очень известная? Конечно, образцовому монаху надлежит быть в пренебрежении у братии и при этом заниматься ручным трудом, никаких слуг ему не положено.

А вот на древнем Ближнем Востоке все-таки было не так. Представляя себе какого-нибудь мелкого торговца того времени, так и видишь, как он довольно оглаживает бороду: ничего, что не знатен, зато на стол мне раб подает, не то что вон тот обедневший потомок знатного рода, ему не то что раба, себя нечем прокормить... Так что мы перевели: «Лучше в простоте, да со слугой, чем со спесью, да без крошки хлеба». Но при окончательном редактировании текста (редактором был Л. В. Маневич) все же было решено вернуться к традиционному аскетическому пониманию этого места, и в напечатанном переводе полной Библии мы читаем: «Лучше в простоте и быть самому себе слугой, чем со спесью, да без крошки хлеба». Кстати, правка сразу стала заметна, она разбила наш энергичный «пословичный» стиль и даже синтаксис оригинала. Тогда бы уж лучше сказать «в простоте, сам себе слуга».

Зато наш вариант поддержан среднеазиатским переводом для мусульман: «Лучше быть в унижении, но иметь возможность нанять слугу, чем притворяться знатным, не имея и куска лепешки». Только и тут вышло осовременивание: речь идет все же не о слуге-наемнике, а о рабе, да и знатными в те времена не притворялись, а просто были. Что же до лепешки — местный среднеазиатский колорит, вполне созвучный и жизни на Ближнем Востоке.

А вот еще одно изречение из области экономических отношений (22:16), в оригинале оно звучит так же непонятно:

«притесняющий бедного для прибыли ему/себе, дающий для богатого только для разорения». Понятно, что бедных притеснять нехорошо. А как с этим связано наделение богатого еще большим богатством? И причем тут разорение? Церковнославянский перевод понимает всё в житейском плане: «Обидяй убогаго многая себе зла творит, дает же богатому во оскудение себе». Ну, понятно: давать богатому — только самому разоряться, и в этом с церковнославянским согласен Синодальный. Но он связывает первую половину со второй: «Кто обижает бедного, чтобы умножить свое богатство, и кто дает богатому, тот обеднеет». Так поняли этот стих и мы: «Что угнетать бедняка для корысти, что богачу давать — лишь убыток». В результате речь идет не просто о том, что бедняка обижать нехорошо, но и о том, что оба таких действия, в конечном счете, ведут к разорению: отнимать у голодного и пичкать сытого (как это, кстати, актуально!).

Но самая известная тема книги Притчей, конечно, воспитание детей. Всем, даже не раскрывавшим Библии, известно, что царь Соломон велел их обязательно пороть розгами. Вроде как велел, но что именно он сказал? Чаще всего цитируют стих 12:25, в церковнославянском варианте: «Иже щадит жезл свой, ненавидит сына своего: любяй же наказует прилежно». Примерно так поступил и Синодальный перевод: «Кто жалеет розги своей, тот ненавидит сына; а кто любит, тот с детства наказывает его». Да и мы постарались сказать примерно то же самое, только несколько более афористично: «Кому жалко розгу, не жалко сына, а кто любит сына, не забудет вразумить». Современный перевод 1993 года забывает про розги, но уточняет другие педагогические моменты: «Родители, искренне любящие своего ребенка, не воздерживаются от наказания его, любящие родители тут же наказывают его». То есть наказание должно следовать немедленно.

А что сказано в оригинале? Почти то и сказано... почти. Буквально: «...берегущий жезл свой, ненавидящий сына своего и любящий его стремление его наставление». Во-первых, никакого «детства», как в Синодальном, тут нет. Вообще вся книга Притчей — наставления отца сыну, только уже юноше или старшему подростку, ведь в ней говорится о выборе жены, об опасностях, которые подстерегают юношу у распутной женщины и т. д. Совсем не детские сюжеты.

Далее, насчет розог. В оригинале стоит слово **שֵׁטֶט** (*ше-вет*), которое в церковнославянском верно переведено как «жезл». Так может называться любая палка, но чаще всего мы встречаем его именно как жезл, символ власти и авторитета. Например, в псалмах: «Твой жезл и Твой посох — они успокаивают меня» (22:4); «Престол Твой, Боже, вовек; жезл правоты — жезл царства Твоего» (44:7). Тут жезл — символ высшей власти Бога над верующим, его непререкаемого авторитета... и примерно таким же в идеале Библия видит авторитет отца по отношению к своим детям. Да, в те времена этот авторитет реализовывался в том числе и через телесные наказания, никто даже не спрашивал, допустимы ли они, — в том обществе их не ставили под сомнение, как и многое иное (многоженство, к примеру, или рабство). А библейский стих говорит, по сути, о том, что отец, пренебрегающий должным воспитанием и наставлением своего сына, на самом деле его просто не любит. А что отцовский жезл в таких случаях иной раз и по спине пройдет, так это само собой, это как те самые саночки, в которых всякий катался, тут и уточнять ничего не надо было древним.

Та же тема присутствует и в стихе 19:18, в буквальном переводе с оригинала: «...исправляй сына твоего, ибо есть надежда, и к умерщвлению его не стремись душой твоей». В общем, понятно, что делать (заниматься воспитанием) и чего не делать (стремиться к гибели). Но как одно связано

с другим? Можно понять так, что пренебрежение воспитанием сына приведет его рано или поздно к гибели. А можно и попроще: усердствуя в воспитании при помощи жезла, смотри, не зашиби насмерть, как Иван Грозный. И что там насчет надежды? Видимо, заниматься воспитанием имеет смысл лишь до определенного возраста, пока еще есть надежда, а потом уже будет поздно. Именно так и поняли этот стих мы, причем постарались сохранить двусмысленность оригинала в отношении «не погуби». Наш перевод звучит так: «Вразумляй сына, пока не поздно, смотри не погуби его».

Но существует и иное прочтение насчет надежды: ты можешь на что-то надеяться в отношении своего сына только в том случае, если занимаешься его воспитанием. Современный перевод 1993 года разъясняет это со всевозможными подробностями: «Учи сына своего и наказывай, если он неправ. Это единственная надежда. Если отказываешься делать это, помогаешь его разрушению».

На сей раз новые, неожиданные прочтения встретятся нам как раз в традиционных текстах. Церковнославянский: «Наказуй сына твоего, тако бо будет благонадежен: в досаждение же не вземлися душою твоею». С одной стороны, речь идет о воспитании благонадежного члена общества, но вот что значит «в досаждение не вземлися», понять труднее. Впрочем, на помощь приходит греческий текст, с которого и переводился церковнославянский, там мы читаем $\epsilon\iota\varsigma\ \delta\grave{\epsilon}\ \upsilon\beta\epsilon\rho\iota\nu$ $\mu\grave{\eta}\ \acute{\epsilon}\tau\alpha\iota\rho\nu$ — здесь вводится важнейшее для греков понятие $\upsilon\beta\epsilon\rho\iota\varsigma$ (*гюбрис* — непомерная гордость, надменность, превозношение, которые навлекают на человека гнев свыше). Дескать, воспитательные усилия не должны становиться поводом для собственной гордости — и современные психологи подробно прояснят, как это бывает, когда родители реализуют с помощью детей свои застарелые амбиции.

Почему же греческий текст здесь не совпадает с еврейским, с которого делались остальные переводы? Если говорить кратко, то тайна сия велика есть, они просто разнятся, и никто уже не может с уверенностью сказать, как выглядел самый первый текст книги Притчей и что точно говорил по этому поводу царь Соломон. Есть просто две текстуальных традиции, и переводчик неизбежно выбирает одну из них.

А самым оригинальным оказывается здесь Синодальный перевод: «Наказывай сына своего, доколе есть надежда, и не возмущайся криком его». Откуда взяли переводчики этот самый крик? Видимо, из собственной педагогической практики, но не из еврейского, греческого или славянского, это точно.

Впрочем, проблемы с переводом возникают и там, где смысл оригинала предельно ясен. Вот, например, 25:2, в буквальном переложении: «...слава Бога скрывать дело, слава царей расследовать дело». Это яркий случай антиномического параллелизма, при котором два явления или понятия противопоставляются: Божья слава открывается в том, как таинственно и вместе с тем мудро устроено мироздание, а вот царская слава (как и слава самого Соломона) происходит от умения вывести тайное на свет. Да, но как сказать это кратко и емко?

Церковнославянский, следуя за греческим, просто потерял всякий параллелизм: «Слава Божия крывает слово, слава же царева почитает повеления его». Зато благочестиво: царь почитает повеления Божьи. Синодальный перевод верен еврейскому, но утрачивает динамизм оригинала и звучит несколько по-канцелярски: «Слава Божия — облекать тайною дело, а слава царей — исследовать дело». Нам, полагаю, удалось найти более удачный вариант: «Славен Бог, тайное сокрывший,- славен царь, тайное понявший».

И в заключение еще одна наша находка. В 20:10 оригинал говорит: «...камень и камень, ефа и ефа — отвращение Господа тоже оба они». Нет, это не знаменитая поговорка про

то, как строился мавзолей Ленина («камень на камень, кирпич на кирпич»), тут говорится о двойных стандартах: у продавца есть гири (то есть камни) разного веса, и точно так же и две разных ефы (мера сыпучих тел в двадцать с небольшим литров). Одним стандартом, точным, он измеряет и взвешивает товар для себя, а другим, уменьшенным, для покупателя.

Но как перевести это, чтобы было ясно: не два камня сами по себе противны Господу, не две меры, а подход нечестного торговца, будь то взвешивание или продажа по объему (например, зерна)? Церковнославянский перевод потерял эту мысль: «Вес велик и мал, и мера сугуба, нечиста пред Господем обоя». Что же плохого в том, чтобы пользоваться большими и маленькими гирями одновременно? Иначе товар и не взвесить. Синодальный перевод не намного яснее, хотя уже можно догадаться: «Неодинаковые весы, неодинаковая мера, то и другое — мерзость пред Господом». Перевод для мусульман еще яснее: «Неверные весы и неверные гири — то и другое мерзко для Вечного». Но этот перевод начисто утратил второй вид обмана, когда занижают не вес товара, а его объем.

Современный перевод 1993 года всё разъясняет, но утрачивает при этом афористичность, а также и упоминание объема: «Господь ненавидит тех, кто обманывает других, пользуясь неверными весами». Нам, полагаю, удалось нарисовать портрет вороватого торговца, а вместе с тем сохранить эту игру слов, при которой повторяются слова в первой половине этого стиха: «Взвесил, да обвесил; отмерил, да обмерил — мерзость все это для Господа».

Впрочем, притчи — сравнительно легкий материал. Даже если исказишь поговорку в переводе, этого, как правило, никто не заметит. Но есть такие места, перевод которых влияет на понимание библейского богословия в целом, о которых ревностно спорят меж собой представители разных конфессий и школ. В особенности это касается Нового Завета.

10. Зло или злой?

Всем наверняка известно учение Льва Толстого о непротавлении злу — оно основано на цитате из Нагорной проповеди (от Матфея 5:38-42). В пересказе самого Толстого она звучит так: «В прежнем законе сказано, что кто погубит душу, должен отдать душу за душу, око за око, зуб за зуб, руку за руку, вола за вола, раба за раба и еще многое другое. А я вам говорю: злом не борись со злом и не только не бери судом вола за вола, раба за раба, душу за душу, а вовсе не противься злу. Если кто хочет судом взять у тебя вола, дай ему другого; кто хочет высудить у тебя кафтан, отдай и рубаху; кто выбьет у тебя из одной скулы зуб, подставь ему другую скулу. Заставят тебя сработать, из себя одну работу, сработай две. Берут у тебя имение — отдавай. Не отдают тебе деньги — не проси».

Это уже целая развернутая программа действий, в Синодальном переводе всё намного короче: «Вы слышали, что сказано: око за око и зуб за зуб. А Я говорю вам: не противься злomu. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую; и кто захочет судиться с тобою и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду; и кто принудит тебя идти с ним одно поприще, иди с ним два. Просящему у тебя дай, и от хотящего занять у тебя не отвращайся». Прямо скажем, Толстой немало тут домыслил от себя... Но что все-таки было в оригинале?

Ключевое выражение тут «не противься злomu» в Синодальной версии и «вовсе не противься злу» у Толстого. Смысл разный: одно дело злой человек как личность, а другое — зло как действие или даже как общая нравственная категория. Что в оригинале? Там форма дательного падежа (как и в русском): τῷ πονηρῷ. Проблема в том, что в дательном со-

впадают мужской и средний род греческих прилагательных. Если род мужской, то речь идет о человеке (злой), а если средний — то о явлении или понятии (зло). Можно понять и так и так.

Ближайший контекст, пожалуй, подсказывает, что речь идет все-таки о человеке, который бьет по щекам или отнимает одежду. Но стоит посмотреть и на глагол «противиться», по-гречески *ἀντιστήναι* — буквально это «противостоять», часто так говорят о войне или о суде (кстати, о суде говорится чуть выше, в стихах 25-26 той же главы: лучше бы ни с кем не судиться, а то не известно, выйдешь ли сам оправданным). Вот, собственно, откуда Толстой взял про суд.

В Новом Завете этот глагол встречается еще несколько раз, в основном в значении активного противодействия: «А Елима волхв ... противился им, стараясь отворотить проконсула от веры» (Деян. 13:8). То есть не просто возражал, но предпринимал контрмеры — и потерпел поражение. Интересную параллель можно найти в Рим. 13:2, где этот глагол использован целых три раза: «Посему противящийся власти противится Божью установлению. А противящиеся сами навлекут на себя осуждение». Что же, надо безропотно исполнять любые повеления властей? А если они расходятся с ясно выраженной в заповедях волей Божьей? Что же тогда христианские мученики отказывались принести жертву идолам по первому требованию законных властей? Но не противостоять еще не значит соглашаться. Мученики отказались выполнять требования своих правителей, но они не поднимали восстаний, не устраивали дворцовых переворотов. Иными словами, они не старались победить дракона, чтобы самому стать драконом. К сожалению, в истории церкви далеко не всегда выходило именно так, но мы еще вернемся к этой теме.

В Послании Иакова мы находим выражение с тем же самым глаголом, которое как будто противоречит евангельской

заповеди: «Итак покоритесь Богу; противостаньте диаволу, и убежит от вас» (4:7). Но сходство мнимое: да, диавол есть самое высшее проявление зла, так что злу противостоять можно и нужно, а вот бороться со злом методами зла, как указывал и Толстой, для христианина недопустимо.

Другое дело, что Толстой пошел намного дальше и в результате стал отрицать вообще всякую возможность самозащиты. Он умер на самой заре века революций и концлагерей и не успел увидеть, к чему приводит предложенная им тактика умиротворения агрессора... Но мы-то это знаем хорошо, так что сегодняшние переводы спорят с Толстым, стараются заведомо исключить его понимание. «Современный перевод» 1993 года: «Не сопротивляйтесь дурному человеку»; перевод Российского библейского общества: «Не мсти тому, кто причинил тебе зло». Только и это, конечно, суженное толкование, особенно во втором варианте. Только мстить нельзя? А превентивные удары наносить? А, скажем, восстанавливать конституционный порядок или насаждать демократию — эти действия мы ведь не называем мстью?

Вообще, бытовая, повседневная религиозность обычно бывает заиклена на зле во всех его проявлениях: нечистая сила, грехи и пороки занимают в ней главное место, а задача верующего понимается как противостояние вселенскому злу с помощью особых правил и ритуалов. Так это может выглядеть абсолютно во всех традициях, а евангельский взгляд предлагает радикальный отказ от всего этого. Не бороться со злом и не покоряться ему, а заняться чем-то более важным и осмысленным — выстраивать свои отношения с Богом, например. Даже если за это бьют.

Евангельские цитаты неудобны, они выглядят экстремистскими, по ним никак не хочется жить, а значит, надо их как-то разъяснить, перетолковать, желательно в переносном смысле. Один из самых плодovitых и известных экзегетов

древности, Ориген, читая эти слова Нагорной проповеди, тоже никак не мог принять призыв подставлять при ударе по правой щеке левую. Он решил, что это надо понять иносказательно, ссылаясь на то, что бьют-то обычно правой рукой и, стало быть, по левой щеке. Другое популярное объяснение — что речь идет не просто об ударе, а об ударе символическом, внешней стороной ладони, потому он и приходится не по той щеке. Дескать, речь идет о ситуации, когда не просто бьют, а когда наносят оскорбление: надо его стерпеть и даже подставить «правильную» щеку.

В общем-то, понятно: когда дают по физиономии, хочется или сдачи дать, или убежать. А подставляться и дальше странно как-то даже с точки зрения естественного отбора. Ведь не может же Евангелие противоречить его принципам? Да вот похоже, что может... И слова «правая» и «левая» здесь не указывают на две конкретных стороны, а просто идут в привычном порядке: «день и ночь, небо и земля, муж и жена, право и лево» (а не «ночь и день, лево и право»).

Допустим даже про пощечину — это иносказательно. А как про рубашку, которую надо отдавать? Как про поприще, которое надо пройти? Как про просящего (к нам ведь постоянно обращаются с просьбами)? Евангелие реалистично — оно требует от человека невозможного. Давай каждому просящему всё, что попросит, — через пару недель останешься голым.

Пример еще одной такой парадоксальной фразы — «удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царство Божие» (Мф. 19:24). Уж как только не объясняли это место! Еще от Кирилла Александрийского идет объяснение: вместо ^{κάμηλος} «верблюд» в тексте стояло **κάμιλος** — очень редкое слово, означающее «канат». Канат в качестве нитки — все-таки понятнее верблюда.

Ну и, разумеется, есть теория, что верблюд все-таки может протиснуться сквозь это самое ушко, если, конечно, очень постарается и сбросит лишний вес. Предполагалось, что «игольным ушком» называлась небольшая калитка в стене Иерусалима, через которую груженный верблюд действительно не пройдет, а тощий, да еще и налегке, может попытаться.

Только, к сожалению, не упомянута калитка с таким названием ни в каких древних источниках, а современные раскопки не могут нам подсказать, как называлось то или иное отверстие в стене, да большинство из них не сохранилось до наших дней. Так что получается, что теория с калиткой скорее поздняя выдумка, чем реальное объяснение. Кстати, и в вавилонском Талмуде говорится о пролезавшем в игольное ушко слоне как о примере невозможного (Брахот 55b). Будем доказывать, что и слоны сквозь ту калитку пролезали, только низенько-низенько?

Главное, что такие объяснения отбрасывают как ненужный следующий далее диалог: «Услышав это, ученики Его весьма изумились и сказали: так кто же может спастись? А Иисус, возрев, сказал им: человекам это невозможно, Богу же всё возможно». То есть не спасется вообще никто — если своими усилиями. А Бог может спасти каждого.

Но это Евангелие, действительно экстремистская литература. В Посланиях мы встречаем куда более практичные и реалистичные советы, только и там не обходится без разнотолков. Вот, скажем, в 7-й главе 1-го послания к Коринфянам апостол Павел разбирает разные социальные роли, в которых может оказаться христианин. И в стихе 21-м речь заходит о рабстве. Прочитую четыре перевода.

Церковнославянский: «Раб ли призван был еси? да не печалишия; но аще и можеша свободен быти, больше поработи себе».

Синодальный: «Рабом ли ты призван, не смущайся, — но если и можешь сделаться свободным, то лучшим воспользуйся».

Под редакцией епископа Кассиана (Безобразова): «Рабом ли ты призван, — не беспокойся, но если и можешь сделаться свободным, лучше воспользуйся».

Под редакцией М. П. Кулакова: «Был ли ты рабом, когда призвал тебя Бог? Пусть это тебя не тревожит. Если же представится возможность стать свободным, воспользуйся этим наилучшим образом», и другой вариант перевода дан в примечании: «лучше используй свое нынешнее положение».

Так что конкретно советует Павел рабам, которым выпала возможность освободиться: еще больше себя поработить ради смирения (так в церковнославянском) или воспользоваться этой замечательной возможностью (так у Кассиана)? А может быть, как в Синодальном, он предлагает им самим выбирать, как будет лучше?

По-гречески там два слова, *μᾶλλον χρῆσαι*, их, к сожалению, можно перевести всеми тремя способами: «лучше воспользуйся», «лучшим воспользуйся» или даже «больше поработись». И никаких пояснений, прямо в духе Дельфийского оракула, где людям нарочно давали уклончивые указания.

А ведь это в каком-то смысле вопрос о социальной политике церкви: должен ли христианин стремиться к личной свободе или, напротив, она только помешает его духовному совершенствованию?

В древности об этой загадочной фразе практически не рассуждали, всем это и так казалось понятным. Игнатий Антиохийский писал, хоть и без ссылок на Павла: «... пусть рабы еще больше подчиняют самих себя, ради славы Господа, с тем, чтобы обрести от Бога лучшую свободу». В результате именно такое толкование многие современные православные богословы (например, диакон Андрей Кураев) отстаивают как единственно православное. «Молчи, смиряйся и таи...»

С этим легко согласиться в те времена, когда рабство было привычным социальным институтом, одной из пресловутых «традиционных ценностей». А вот в наши дни уже мало кто к этому готов, и потому множатся переводы, в которых апостол Павел призывает рабов освобождаться мирным и ненасильственным путем, если это возможно.

И похоже, что такой перевод имеет больше прав на существование, если исходить из оригинала. Дело, прежде всего, в союзе «но», который подразумевает контраст: «не смущайся, но, если можешь...» — тут логичнее добавить «освободись». Да и форма глагола подразумевает скорее однократное действие: воспользоваться возможностью освобождения можно только один раз, а вот «еще больше поработать себя» или «пользоваться нынешним положением к лучшему» явно придется изо дня в день, всю оставшуюся жизнь.

Что же тогда получается? Павел написал нечто не очень понятное, но, скорее всего, он советовал рабам не пренебрегать возможностью обрести свободу, если она представится (в любом случае, он не призывал к восстаниям наподобие спартаковского). В конце концов, до нас дошло его послание к Филимону, где он откровенно просит и даже требует от Филимона принять назад беглого раба Онисима, а потом... отослать его обратно к Павлу, потому что Павлу он нужен. То есть фактически простить беглеца и даровать ему на законных основаниях ту самую свободу, которую он хотел присвоить себе незаконно.

Но прошло некоторое время, церковь стала вписываться в социальную структуру общества, притом общества рабовладельческого, и для этой эпохи актуальным и значимым стало совсем иное толкование: оставайся тем, кто ты есть, даже если есть возможность подняться по социальной лестнице, все равно в глазах Бога все люди и так равны. Именно это

толкование было нормативным вплоть до недавнего времени, в частности, Феофан Затворник, уже знакомый с альтернативой, сурово возражает ей: «...такая мысль была бы совершенно противна намерению Павла; утешая раба и доказывая ему, что рабство не причиняет никакого вреда, он не стал бы повелевать ему искать свободы». Впрочем, не повелевает, а делает уступку (как в той же главе позволяет вступать в брак, хотя считает безбрачную жизнь лучшей).

А в наши дни актуальным становится иное толкование, открывающее перед человеком возможность личной свободы — и, вполне вероятно, именно оно приближает нас к изначальной мысли Павла, хоть и на ином витке спирали, в иных исторических условиях. Павел писал так, потому что рабство было данностью — мы читаем так, потому что считаем его преступлением против человечества.

Истолкование текста, как водится, говорит о толкователе не меньше, чем о самом тексте. Как и история переводов и толкования Библии в нашей стране говорит об этой стране не меньше, чем о Библии, и история эта еще очень, очень далека от своего завершения...

В последнее время я предпринял собственный проект по переводу новозаветных посланий на русский язык — я просто убедился, что нет такого русского перевода, который бы меня полностью удовлетворял.

Об этом — дальше.

11. Прислушиваясь к апостолу

Наверное, это нескромно — говорить о собственной работе, которая к тому же далека от завершения. Но здесь после разговора о разных переводах Библии на русский я хочу представить собственные опыты перевода Посланий (прежде всего Павловых), которые в настоящее время размещены на сайте bogoslov.ru (вы найдете их в меню «проекты»), хотя бы для того, чтобы приоткрыть секреты мастерства и показать, как именно делаются переводы и почему они делаются так.

Прежде всего, надо объяснить, почему я взялся переводить именно Послания, и прежде всего Павловы. Послания — двадцать одна из двадцати семи книг Нового Завета, из них четырнадцать так или иначе связаны с именем апостола Павла. Евангелия рассказывают нам об основах нашей веры, Деяния — о возникновении церкви, Откровение повествует о таинственном будущем, но, по сути, только Послания описывают нам подробно и на конкретных примерах, что такое церковь и как она живет.

Но при этом Послания у нас в основном остаются непрочитанными, в том числе и людьми искренне верующими и благочестивыми. Дело даже не в том, что традиционный Синодальный перевод содержит трудные слова и выражения, их при необходимости можно посмотреть в словаре. Он слишком буквально копирует греческий синтаксис оригинала, и в Посланиях такая калька оказывается порой непроходимой стеной для читателя. Емкий, энергичный, афористичный текст оригинала превращается во что-то тягучее и невнятное.

Есть и терминологические проблемы. Например, одно из ключевых для апостола Павла понятий (в особенности для

Послания к Римлянам) **δικαίωσις** переведено как «оправдание». Но в современном русском языке «оправдание» — это не очень убедительные объяснения школьника, опоздавшего на урок. Понять, что именно имел в виду Павел, непросто, об этом и по сю пору спорят богословы, но в любом случае это надо выразить как-то иначе.

Каждый из существующих переводов чем-то меня не устраивал и я решил сделать свой, по собственной инициативе. Будет ли он востребован, покажет время, но сейчас, полагаю, время для частных инициатив, которые, кстати, сыграли огромную роль при подготовке Синодального перевода — в царствование Николая I только так и могла осуществляться переводческая работа.

Замысел состоит в том, чтобы предложить современному русскому читателю перевод новозаветных Посланий (самой трудной части Нового Завета и в то же время очень актуальной для христианской жизни), который:

- следует традиции Синодального перевода, не копируя его недостатков;
- соответствует современному уровню науки (как библейской, так и переводоведческой);
- пригоден для использования православными читателями, но не ориентирован исключительно на них;
- понятен современному читателю без специального образования и при этом обходится без лишних упрощений, анахронизмов и вульгарности;
- по возможности передает динамизм и риторическую насыщенность оригинала, не копируя его синтаксическую структуру;
- по возможности сохраняет традиционную терминологию;
- способен стать основой для разного рода комментариев.

Сразу стоит заметить: мой перевод делается не для того, чтобы «заменить» Синодальный, церковнославянский или любой другой текст Библии. Основных задач две — помочь тем, кто интересуется текстом Посланий, и собрать отклики, которые помогут понять, куда двигаться дальше.

Обычно сам разговор о таком переводе порождает множество вопросов по принципу «или — или»: взять за основу традиционный византийский текст или критический, составленный учеными по древним рукописям уже в новое время? Переводить так, чтобы всем стало понятно, или так, чтобы передать все тонкости оригинала? Но в XXI веке, когда информация распространяется по сетям в электронном виде, а бумажные издания выходят в разных версиях, нет необходимости жесткого выбора «или — или». Перевод может существовать в разных вариантах, при этом, какой конкретно будет представлен читателю, зависит от его выбора: это могут быть программы, содержащие разные версии текста, и бумажные издания с такими же версиями.

Этот перевод предлагается выполнить в двух тесно связанных вариантах: традиционный (или филологический) и общедоступный (или миссионерский). Их объединяют общая ключевая терминология, общие экзегетические решения, стремление сделать текст литературным и понятным.

Отличия прежде всего — в степени доступности текста для неискушенного читателя. Традиционный перевод по возможности сохраняет формальные черты оригинала, оставляя необходимые пояснения для комментариев, а общедоступный проясняет больше в самом тексте перевода. Первый ориентирован скорее на человека с высшим гуманитарным, второй — на человека со средним или высшим техническим образованием.

Сначала я делаю перевод традиционный, причем в двух вариантах: один с самого распространенного в научных кру-

гах критического текста (Nestle-Aland 28), другой — с византийского, близкого к текстуальной базе Синодального перевода и самого распространенного среди православных греков (Антониадис 1904-1912 годов с исправленными опечатками, но об этой версии мы говорить сейчас не будем). Его приоритеты: сохранение культурно-исторической дистанции без искусственной архаизации, сохранение традиционной терминологии, литературность без манерности и вычурности. А дальше этот перевод немного редактируется, чтобы сделать его более понятным для читателя, не владеющего серьезными знаниями о Библии и ее мире, — так возникает общедоступный вариант.

Ключевая проблема, с которой я борюсь в этих переводческих опытах, — невразумительность и вялость синтаксических калек с греческого оригинала. Чтобы яркий и сочный текст Павла звучал по-русски, надо не просто заменить греческие слова русскими, выстроив их в грамматически правильные конструкции, нужно найти синтаксические и даже риторические аналоги в русском языке, которые прозвучат понятно и в то же время энергично.

Теперь рассмотрим один конкретный пример в традиционном Синодальном переводе, в двух опубликованных новых Библиях (РБО и Заокской), а также в двух вариантах моего собственного перевода (традиционном и общедоступном, причем отличия общедоступного перевода от традиционного выделены подчеркиваниями). И так мы, собственно, и увидим, с какими проблемами сталкивается переводчик и как он их решает.

Итак, Колоссянам 2:20-23. Для тех, кто знаком с греческим, приведу оригинал:

Εἰ ἀλεθάνετε σὺν Χριστῷ ἀπὸ τῶν στοιχείων τοῦ κόσμου, τί ὡς ζῶντες ἐν κόσμῳ δογματίζεσθε; Μὴ ἄψη μηδὲ γεύση μηδὲ θίγης, ἃ ἔστιν πάντα εἰς φθορὰν τῇ

ἀποχρήσει, κατὰ τὰ ἐντάλματα καὶ διδασκαλίας τῶν ἀνθρώπων, ἅτινά ἐστιν λόγον μὲν ἔχοντα σοφίας ἐν ἐθελοθησκίᾳ καὶ ταπεινοφροσύνη ἀφειδίᾳ σώματος, οὐκ ἐν τιμῇ τινι πρὸς πλησμονὴν τῆς σαρκός.

Синодальный перевод дает нам, по сути, кальку этого выражения и тут начинается много непонятного:

Итак, если вы со Христом умерли для стихий мира, то для чего вы, как живущие в мире, держитесь постановлений: «не прикасайся», «не вкушай», «не дотрагивайся», что все истлевет от употребления, по заповедям и учению человеческого? Это имеет только вид мудрости в самовольном служении, смиренномудрии и изнурении тела, в некотором небрежении о насыщении плоти.

«Стихии этого мира» — точный перевод слов оригинала **τὰ στοιχεῖα τοῦ κόσμου**, но мы скорее назовем так воду, огонь, воздух и нечто подобное. И что это «истлевет от употребления»? А ведь в общем и целом смысл оригинала здесь понятен: правила Моисеева закона касаются материальных вещей, которые уничтожаются в процессе использования, будь то пища или одежда. Они, разумеется, противопоставляются вечному. И как же описать то, что с ними происходит?

Большая проблема в этом отрывке — слово **ταπεινοφροσύνη**, которое традиционно переводится как «смиренномудрие». В современном христианском словаре это слово обозначает безусловную добродетель, но в данном контексте это явно не так. В результате Синодальный ставит в один ряд совершенно разные понятия. И что, собственно, «имеет вид мудрости», остается неясным.

Наконец, здесь есть настоящая экзегетическая проблема. Что означает стоящее в самом конце выражение **τιμῇ τινι πρὸς πλησμονὴν τῆς σαρκός**? Одни толкователи (как в Синодальном) видят здесь пренебрежение к телесным потребностям, другие (мы увидим их мнение ниже, в переводе

РБО), напротив, некую пресыщенность и разнузданность. Но в любом случае речь тут идет о телесной стороне жизни: эти люди не заботятся о духовном, а лишь о пище и тому подобных вещах. Ударяются ли они в разгул или в строгую аскезу, уже вторичный вопрос, важно, что для них еда и питье оказываются важнее всего остального.

Собственно, речь здесь идет о том, что смерть Христа освободила христиан от привязанности к ритуальным правилам Ветхого Завета, которые касаются вещей временных и исчезающих. Им надо заботиться о вечном, а не о том, что именно есть или пить. Но едва ли кто, прочитав Синодальный перевод, придет к такому выводу.

Заокский перевод разъясняет многие из этих вопросов, давая дополнительную информацию курсивом:

Если в самом деле умерли вы со Христом и отрешились от архаичных представлений этого мира, зачем, как живущие жизнью Его, следуете вы установлениям: «не прикасайся, не ешь, не трогай!», имея дело со всем тем, что и предназначено к уничтожению при использовании? Человеческие это заповеди и учения человеческие. Все это только кажется мудрым, а в жизни надуманная набожность, самоистязания [и] изнурение тела не ведут к обузданию чувственности.

Конечно, «архаичные представления уже ближе к смыслу оригинала, но все же звучит довольно непонятно. И что плохого в том, чтобы иметь дело с вещами, уничтожающимися при употреблении, и как это связано с архаичными представлениями? Вот что касается «смиренномудрия», оно в этом тексте стало «надуманной набожностью», и это, пожалуй, хорошее решение.

Перевод РБО разъясняет это несколько иначе:

И если вы умерли вместе с Христом и теперь свободны от стихий мира, зачем же вы позволяете им уста-

навливать для вас всякие предписания, словно вы всё еще живете в этом мире? «Не прикасайся!» «Не ешь!» «Не трогай!» Да все эти запретные вещи для того и существуют, чтобы быть уничтоженными при употреблении! Все это – человеческие заповеди и учения! Такие предписания, с их самодеятельным благочестием, смирением и умерщвлением плоти конечно же создают видимость какой-то мудрости, но грош им цена. Они ведут лишь к потворству плоти!

Здесь сохраняются «стихии мира» (что необычно для перевода РБО, который обычно отказывается от традиционной терминологии). Но как это стихии мира могут устанавливать предписания? Вообще-то их установил Моисеев закон, а не стихии. Далее, «запретные вещи для того и существуют, чтобы быть уничтоженными при употреблении», но ведь запретные вещи существуют как раз для того, чтобы их уничтожали, не употребляя (вспомним судьбу санкционной продукции)!

Что касается «смиреномудрия», оно стало тут просто «смирением», но все равно не понятно, почему вдруг это понятие стало резко отрицательным.

Теперь приведу два своих варианта.

Традиционный:

Если вы умерли вместе со Христом и избавились от стихий этого мира, что же вам теперь следовать правилам тех, кто живет по-мирскому? «Не касайся, не пробуй, не трогай!» Всё это человеческие установления и учения про то, что потребляется и исчезает; мудреные слова о добровольном служении, смиреномудрии и телесном воздержании – только всё это ни к чему, плотская это пресыщенность.

Общедоступный, где разъяснено еще больше (отличия от традиционного выделены подчеркиваниями):

Вы умерли вместе со Христом и больше неподвластны элементарным и материальным правилам этого мира, так что же вам теперь следовать указаниям тех, кто живет по ним? «Не касайся, не пробуй, не трогай!» Всё это человеческие установления и учения, они касаются вещей, которые уничтожаются при употреблении. Мудреные слова о добровольном служении, показное смирение и телесное воздержание — всё это ни к чему, это жизнь исключительно по законам плоти.

Традиционный сохраняет и «стихии», и «смиренному-дрие», но, поскольку выше упомянуты «мудреные слова», читатель может понять, что здесь это слово употребляется иронично. Общедоступный расшифровывает всё полностью.

Что касается последней фразы, то здесь тоже сказано по-разному: «плотская это пресыщенность» (более буквально) или «жизнь исключительно по законам плоти» (более понятно). Такой выбор, как можно надеяться, сохраняет двусмысленность экзегетически сложного места: идет ли речь о распущенности или, напротив, о крайностях излишней аскезы, это все равно касается лишь плотской стороны жизни.

Можно привести и другие примеры, но многое, надеюсь, уже понятно. По сути, русский читатель только начинает знакомиться с Посланиями, и можно быть уверенными, что переводческий процесс не закончился — нам явно не хватает переводов хороших и разных, по слову поэта.

А вот что начинается, когда мы прочитали библейский текст и как нам дальше с этим жить, об этом мы поговорим во второй части книги.

В ПОИСКАХ ГЛАВНОГО

Когда человек принимает Христа и приходит в церковь, его окружает множество самых разнообразных людей, вещей, событий и текстов. Неофит старательно попробует перенять и применить к себе все из них... ну ладно, не все, а какие попадутся на глаза. И очень скоро обнаружит, что они зачастую не совпадают друг с другом, а то и прямо друг другу противоречат. Как их сочетать или как выбрать самое главное и нужное?

Однажды он обязательно обнаружит, что старательно копирует внешние формы, не понимая, зачем они, собственно, нужны и как связаны с самой сутью христианской веры. И годятся ли рецепты, составленные много веков назад, для нашего мира, который так сильно изменился? А если не вполне годятся, что с этим делать дальше? Я знаю, как это сложно, это ведь и моя история.

Такие вопросы обычно забалтываются благочестивыми фразами, настолько же правильными, насколько и общими, а потому бессодержательными. Уже в книге Иова показано, что этот метод не работает ни с людьми, ни с Богом.

Надо долго и осторожно разбираться с главным, выстраивать дорогу от сверхценностей к стратегиям и от них к тактическим решениям, что мы, собственно, и попробуем сделать здесь. Окончательных ответов не ждите, все это скорее приглашение к дискуссии. И еще попытка поделиться собственным опытом, с чего мы и начнем.

12. Глас хлада тонка

Когда меня спрашивают о моей профессии, я отвечаю: «филолог», иногда добавляю «библейст». А когда меня представляют другим как библейста, приходится напоминать: я еще и просто человек, муж, отец, гражданин России... наконец, христианин. А что же это значит: изучать и переводить Библию профессионально, получать за это деньги и ученые степени, и в то же время обращаться к ней как к Слову Божьему вместе со всеми остальными христианами? Я попробую рассказать о своем опыте.

К вере я пришел в семнадцать лет, студентом-первокурсником. Только что Генеральным секретарем ЦК КПСС был избран М. С. Горбачев, но перестройка еще не началась, «за религию» могли выгнать из университета: не то чтобы строго следили, но если попадешься комсомольскому патрулю около церкви в пасхальную ночь, будут серьезные неприятности. Но люди все же приходили в храмы и на молитвенные собрания, читали книги, переданные из рук в руки в метро, официально ведь их было не достать... Одна Библия была в университетской библиотеке, на дом ее вообще не выдавали, а в читальном зале можно было ей пользоваться только тем студентам, которые оформляли особый допуск: они писали курсовые и дипломные работы по истории или литературе Средних веков, им требовалось «работать с источниками».

Было в нашем интересе что-то от моды и от фрондерства, но тогда мы обращались к христианству прежде всего в поисках смысла. Было понятно, что человек тем и отличается от животных, что важны ему не только физиологические потребности: еда, питье, отдых, размножение, — жить надо ра-

ди чего-то большего. Но ради чего? В строительство коммунизма не верил уже никто, включая самих коммунистических агитаторов. Кто-то шел в науку, кто-то в искусство, самые смелые — в правозащитное движение. Но все эти вещи, прекрасные сами по себе, не давали ответа на главные вопросы: зачем мы живем? что будет с нами после смерти? Об этом говорили только религии, и говорили по-разному.

Не скажу, чтобы мой поиск был очень долгим: чуть-чуть познакомился я с буддизмом, а точнее, с той эзотерической кашей на его основе, которая была в те годы популярна, но основной мой интерес был направлен на веру предков — христианство, прежде всего православное. Но я очень четко понимал, что ищу не конфессию, не обряд, не национальную традицию, а Истину. И помню момент, когда понял, что нашел.

Мы разговаривали с моим школьным другом, уже верующим, у него дома, и он говорил мне о вере, и я вдруг ощутил, что в комнате, кроме нас двоих, незримо, но явственно присутствовал кто-то третий. И с тех пор я так и понимаю суть христианства: это встреча людей со Христом и друг с другом ради Христа и в Его незримом присутствии. Будда или Сократ тоже говорили мудро и прекрасно, но они не шли за меня на смерть, они не предлагали мне помощь здесь и сейчас. Все это открывал мне только Христос.

Новый Завет я начал читать в Синодальном переводе (дома нашлось еще дореволюционное издание, купленное родителями за трояк у кого-то с рук), и хотя Евангелия были понятны, но на Посланиях я совершенно увял. Когда через пару лет одна француженка подарила нам с женой полную Брюссельскую Библию на папиросной бумаге (она и сейчас стоит у меня на книжной полке, сильно потрепанная), я взялся и за Ветхий Завет... но мало что в нем осилил.

Кстати, в 1988 году, когда я служил в Советской армии, старшина обнаружил и конфисковал у меня карманный Но-

вый Завет, грозился страшными карами. А замполит полка книгу вернул, добродушно сказав: «Теперь можно». Старшина был в шоке! Это был год тысячелетия Крещения Руси — верить разрешили.

Понять эти сложные тексты мне помогли книги священника Александра Меня. Он писал о Библии и ее героях достаточно просто и в то же время подробно, а главное, он представлял персонажей библейских историй как живых людей, показывал их отношения с Богом и друг другом, и становилось ясно: это не просто «дела давно минувших дней», а нечто живое и настоящее, и оно помогает тебе найти свой путь в этом мире.

А еще мне помогала понять эту Книгу учеба в университете: мы изучали древние языки и античную литературу. Она далеко не во всем была похожа на Библию, но нас учили видеть за текстом совершенно другой мир древности, населенный точно такими же людьми, как и мы. Они совсем иначе одевались и вели себя, мыслили иными категориями, по-другому выражали свои мысли, но они испытывали те же самые чувства и потребности.

Древний текст позволял прикоснуться к этому миру, понять этих людей, но только надо было не торопиться, не переносить на них своих стереотипов и учитывать разницу в культуре и мировосприятии. Это касалось и Гомера, и Вергилия, и библейских авторов, которых мы почти не читали; замечательное исключение — спецкурс А. Ч. Козаржевского по Новому Завету, который в целях конспирации назывался западно-ионийским койнэ.

Я закончил университет в 1992 году, но заниматься библеистикой я совершенно не собирался. Меня привлекал мир византийской поэзии, которая отчасти сохранилась в современном православном богослужении, а отчасти была незаслуженно забыта. Но вышло так, что я «выиграл в лотерею

по трамвайному билету»: оказался в нужное время в нужном месте и получил приглашение поехать в Амстердам учиться библейскому переводу. Если хотите, можно считать это случайностью. Приглашение я принял.

Это были курсы, организованные специально для людей из бывшего СССР. Это было ярко, интересно и востребованно... и с тех пор я больше всего занимался именно переводом Библии в качестве переводчика, редактора, консультанта, методиста и преподавателя.

Но как же сочетается обращение к Библии как к Слову Божьему с сухим научным анализом этого текста? Для многих это большая проблема. Одним кажется, что верующий христианин обязательно должен принимать каждое выражение Библии в буквальном и прямом смысле. Другие, напротив, находят в библейском тексте множество несогласованностей, позднейших исправлений, и на этом основании начинают редактировать содержание текста.

Эти споры бывают нескончаемыми и беспощадными, но для меня, как ни странно, они никогда не были особенно значимыми. Может быть, здесь помогла университетская выучка: я не ждал от текста больше того, что он может дать, и прекрасно понимал, что любой текст отражает реальность не напрямую. Мы говорим: «солнце встало» и «солнце село», хотя прекрасно знаем: это не Солнце движется по небу, а Земля вращается. Придавать таким внешним чертам текста статус непреложной истины просто неразумно.

С другой стороны, меня не смущают и данные науки, например, свидетельства о расхождениях между разными рукописями, порой весьма значительных. Четыре евангелиста не обо всем одинаково рассказали, потому что жизненный опыт каждого человека уникален и неповторим, и его личная встреча со Христом тоже окажется особенной, не такой, как у прочих. Не случайно первые христиане сохранили и приняли как

Писание именно четыре Евангелия в их полноте и разнообразии. И точно так же множество рукописей, доносящих до нас слова оригинала, составляют Библию, но никакая рукопись по отдельности Библии не равна. Сами по себе они не приближают к Богу, и их изучение не приближает. Текст Библии — пространство для Встречи, но еще не сама она.

На что похожа сама Встреча? Есть в Библии один красивый образ, который нечасто вспоминают: он теряется за другими образами, куда более звучными и красочными. Илия, великий пророк, в тяжелое для себя время, когда израильтяне преследовали его и поклонялись идолам, попросил Господа, чтобы Тот Сам явился ему. Ответ ему был дан такой: «... выйди и стань на горе пред лицом Господним, и вот, Господь пройдет, и большой и сильный ветер, раздирающий горы и сокрушающий скалы пред Господом, но не в ветре Господь; после ветра землетрясение, но не в землетрясении Господь; после землетрясения огонь, но не в огне Господь; после огня веяние тихого ветра, и там Господь». По-славянски заключительные слова звучат еще ярче и загадочней: «Глас хлада тонка и тамо Господь» (3 Цар. 19:11-12).

Илия весь был — пламя и буря. Он обличал царя и истреблял языческих пророков, низводил огонь с неба и сам был вознесен на небо в огненной колеснице. Именно такому пророку Господь и показывает самым наглядным образом, что Он входит в человеческую жизнь не в вихре, не в землетрясении, не в пламени, а в чем-то тихом и неприметном. Как же так, ведь Закон на горе Синай был дарован народу как раз в землетрясении и в трубном гласе, и даже Иову ответил Господь из бури?

Но сам Ветхий Завет — он не про бури, а про то, как Господь избрал неприметный и ничем не знаменитый народ. У египтян были великие пирамиды, у вавилонян — каналы, шумеры изобрели первую письменность, а финикийцы —

первый алфавит. Все эти народы создали великие и славные государства, могучую культуру, распространили свое влияние по окрестным странам, а вот древним евреям нечем было хвалиться, кроме Бога. Даже своим заклятым врагам филистимлянам и тем уступали они в культурном развитии: позже них научились обрабатывать железо.

Назначение избранного народа в этом мире — не в славе и силе, не в государственном величии и не в культурном и технологическом превосходстве, а в чем-то совсем другом. То же самое касается и Нового Израиля, церкви. Ведь всё самое главное, что мы находим в Новом Завете, дается не в буре и пламени, а именно что «в глазе хлада тонка». Рождение Младенца в вертепе, беседы с рыбаками на берегу озера, Вечера с учениками в горнице частного дома — разве сравнится всё это с царскими праздниками Ирода, с великолепием храмовых обрядов, с мощью римского войска и многоученостью книжников и фарисеев?

Сегодня, как и во времена Илии, как и во времена Христа, внешний, языческий или атеистический мир поражает многим, но прежде всего своим блеском и шумом. Включаешь телевизор, открываешь новостной сайт в Интернете — на тебя обрушиваются и вихри, и землетрясения, и пламень. О рекламе уж и не говорю...

Сильные стимуляторы вызывают привыкание и перестают действовать, приходится придумывать всё новые, увеличивать дозу. Так компания подогретых пивом подростков кричит всё громче, размахивает руками всё шире — каждому надо перекричать остальных. Что нельзя прокричать, они уже не могут выразить: «Ну это... я, типа, такая... а он ваще, блин, короче...»

Этому вихрю бессмыслиц нельзя подражать, с этим мозготрясением нельзя соревноваться. Всё равно проиграешь, а если вдруг даже выиграешь, сам тому не обрадуешься.

Но христиане нередко пытаются. Ничего, если потом не всё сказанное окажется честным и уместным, по крайней мере внимание привлечь удалось. Но перекричать рекламистов и «новостников», равно как и подростков с пивасиком, нам все равно не удастся. С тем же успехом мог бы Моисей взяться за строительство пирамид выше фараоновых или апостолы — за соби́рание империи обширней Римской. Впрочем, их преемники нередко пытались...

Вот почему я не люблю богословских дискуссий и обычно стараюсь от них уклоняться. В этих спорах я почти без исключений вижу одно и то же: разные и очень при этом пристрастные люди начинают объяснять друг другу, как устроен Бог. Как правило, каждый из них при этом кричит всё громче, ведь он точно знает: самые правильные схема действия и инструкция по пользованию находятся у него в кармане. Все остальное — только аргументы, которые подбираются под этот тезис.

Принципиальная схема такого спора всегда одинакова: «Бог на нашей стороне, и сейчас я всем это докажу». В лучшем случае начинается пинг-понговый обмен избранными цитатами, в худшем — бездоказательными обвинениями и пафосными восклицаниями, но все равно спор напоминает ссору малышей в песочнице: «А мой папа твоего побьет! Нет, мой сильнее!» И в роли папы здесь — Отец Небесный, а еще точнее, удобный идол, занявший Его место.

Всё это, конечно, не ново, было уже и в Ветхом Завете. И может быть, самое главное Откровение, которое принесли израильтянам пророки, в том, что Бога надо не использовать в качестве дубинки-аргумента, а... искать.

Что ж, соблюдая правила нашей богословской игры, приведем побольше цитат. Вот слова из книги пророка Исаяи (55:6): «Ищите Господа, когда можно найти Его; призывайте Его, когда Он близко». Из книги пророка Амоса (5:14):

«Ищите добра, а не зла, чтобы вам остаться в живых». И у Софонии: «Взыщите Господа, все смиренные земли, исполняющие законы Его; взыщите правду, взыщите смиренномудрие; может быть, вы укроетесь в день гнева Господня» (2:3). Хватит, пожалуй?

Пятикнижие, то есть Моисеев Закон, разве недостаточно точно и полно расписывает, как нужно жить? Как же это — «искать Бога»? Вот Его храм, вот священники, которые приносят Ему положенные жертвы и рассказывают о Нем народу, вот дарованный Им закон... Давайте лучше поспорим, какие жертвы самые угодные, какие слова самые правильные, какие священники самые духоносные.

Но Дух дышит, где хочет, правила и рамки установлены для нас, а не для Него. Собственно, это и пытались объяснить израильтянам пророки, призывая их искать Бога. А что это значит? Полагаю: сознавать в каждый момент своей жизни, как далеки мы от Него, как туманны наши представления о Нем... и в то же время стремиться приблизиться к Нему хоть на шаг.

Вчерашние правильные ответы и успешные методики не обязательно будут такими же правильными и успешными сегодня хотя бы потому, что меняемся мы и меняется окружающий мир. В общении с любимым человеком мы постоянно открываем что-то новое, мы ищем этого общения, не довольствуясь старыми письмами и фотографиями, которые нам бесконечно дороги, но они не заменяют собой живого. Тем более верно это о Боге. Пожалуй, единственное, о чем тут можно осмысленно говорить, — это о своем опыте поисков, находок, а иногда и потерь. Говорить, заранее признавая, что у каждого этот опыт разный, а общих рецептов нет.

Я понимаю, что эти мои слова можно понять как проповедь полного релятивизма: дескать, Бог у каждого в душе, все религии говорят об одном и все дороги ведут к нему. Я этого

совершенно не имею в виду и так не считаю. Ошибки, грехи, отпадения, — все это безусловно существует, и если есть Истина, необходимо существует и ложь как ее отрицание и искажение. Я сейчас о другом.

Опыт христианина и вообще любого человека никогда не бывает безоблачным и безошибочным, но в этом и состоит его ценность. Христианство понимает путь святости не как постепенную «прокачку добродетелей до 80-го уровня», как в тех же самых компьютерных играх, а как поиск своего уникального пути, поиск трудный, полный проб и ошибок. Святой — не тот, кто не падал и не уставал, а тот, кто поднимался и шел дальше. И путь часто казался другим скандальным, неправильным, немислимим. Но это всегда был его путь.

Наш мир, оглушенный криком, ослепленный фальшивым блеском, все-таки вспоминает иногда: да ведь было же и еще нечто важное, полузабытое, давнее, детское... И мы, может быть, сумеем ему об этом напомнить словами древней нашей Книги: веяние тихого ветра, глас хлада тонка — и там Господь.

13. Храмовое благочестие

Приближается очередной Великий пост и с ним ощущение какого-то долга, который надо бы отдать Богу и этой весной. Ограничить себя в пище и развлечениях, больше молиться, а главное, почаще ходить в храм, выслушать Великий канон, исповедаться, причаститься. Мы ведь православные, мы обязаны это делать, так надо. Кому надо? Ну, наверное, Богу... И тут же мы сами одергиваем себя: но ведь Он не нуждается ни в чем, уж менее всего в наших рассеянных мозгах и усталых ногах. Так, может, не ходить?

Сдается мне, когда мы так рассуждаем, мы просто неверно расставляем приоритеты. Мы исходим из слова «надо». Кому-то обязательно должно быть надо, чтобы мы пришли в определенное место и выполнили ряд действий — то ли Богу, то ли нам самим, то ли окружающим. Ну заведено так, в конце концов. И тут же мы ловим себя на «ветхозаветном отношении»: дескать, мы исполняем определенные обряды просто потому, что они предписаны свыше, вот просто ради послушания. Вроде как в Ветхом Завете постоянно приносили в храме положенные жертвы.

Их, конечно, приносили, и мы знаем (хотя бы из Евангелия), что к новозаветным временам и в самом деле для многих, слишком многих они стали связываться с какой-то «обязаловкой», зачастую утомительной: вот исполнил, что положено, и свободен. В результате одни (условно назовем их фарисеями) подходили к делу слишком формально и приправляли это свое благочестие изрядной долей гордыни, а другие (условные мытари) и вовсе оставляли всё это в стороне и шли заниматься бизнесом и развлечениями.

Только не для этого строил царь Соломон в Иерусалиме самый первый храм, не таким было его отношение. Я проци-

тирую здесь молитву Соломона при освещении храма из 8-й главы 3-й книги Царств в собственном переводе с краткими комментариями. Итак, закончена колоссальная, сложная, дорогостоящая работа — воздвигнут храм, чтобы возник в Иерусалиме единый и постоянный центр поклонения Единому Богу, свидетельство Его величия и неизменного присутствия среди Своего народа. Впервые в мире! И что же говорит царь? Что само по себе это место — лишь символ (привожу его речь в собственном переводе):

«Жить ли Богу на земле? Если небеса и даже небеса небес не вместят Тебя — уж тем менее этот храм, построенный мной. Но снизойди к молитве раба Твоего и к просьбе его, Господи, Боже мой! Выслушай смиренную мольбу, которую обращает к Тебе ныне раб Твой. Да будет пред взором Твоим этот храм денно и ночью — место, на котором обещал Ты наречь Собственное имя, чтобы слышать молитвы, которые будет обращать к Тебе в этом месте раб Твой. Выслушай просьбу раба Твоего и народа Твоего Израиля, которую обратят к Тебе в месте этом — а Ты услышь там, где пребываешь на небесах, выслушай и помилуй».

Но это не просто лекция по богословию, о трансцендентности и вездесущии Бога. Соломон дальше переходит к практическим случаям, которые будут происходить именно в этом месте:

«И если кто согрешит против ближнего своего, и прибегут тогда к клятве, и придут совершать клятву к Твоему жертвеннику в этот храм — тогда Ты услышь с небес и рассуди рабов твоих, обвини виновного и обрати зло его на его же главу, но оправдай правого и воздай ему по правоте его.

Когда потерпит народ Твой Израиль поражение за грех перед Тобой, но вернется к Тебе и восхвалит имя Твое, обратившись к Тебе с молитвой в этом храме, Ты услышь на небесах и прости грех твоего народа Израиля, возврати их в землю, которую Ты дал их праотцам. Когда затворятся небеса и

не будет дождя за грех их, но помолятся они в этом месте и восхвалят имя Твое и отвратятся от греха своего, ибо Ты смирил их, тогда услышь на небесах и прости грех рабов Твоих и народа Твоего Израиля. Тогда научи их благому пути, по которому им ступать, и даруй дождь для земли, которую ты дал Своему народу в наследие.

И если будет в стране голод, или чума, или пагуба и болезнь на растениях, или саранча нападет, или враг приступит к городским воротам — какая бы то ни была беда и погибель — то на всякую молитву и просьбу, кто бы с ней ни обратился из народа Твоего Израиля, когда сознает он беду, что на сердце у него, и прострет ладони в этом храме, тогда услышь его на небесах, где Ты пребываешь, сотвори прощение и воздай каждому по путям его. Ведь Тебе открыто его сердце — Тебе единственному открыты сердца всех сынов человеческих, чтобы боялись они Тебя, покуда живут на земле, которую дал Ты праотцам нашим».

В беде человек обращается к Богу, это вполне естественно. Но не просто обращается — сначала ему предстоит осознать всю трагичность собственного положения и понять, что причиной стали его собственные грехи. И одной просьбы будет мало, ведь Господь воздаст каждому «по путям его». Если не изменить собственного поведения, то можно ходить в храм хоть каждый день, можно мозоли на коленях натереть — и при этом ничего в твоей жизни не изменится. Соломон это ясно понимал!

И еще он понимал, что храм — святыня для всего мира, а не только для израильского народа, пусть даже весь остальной мир оставался в то время языческим. Но и для израильтян он был не просто символом национальной гордости и идентичности, а зримым свидетельством о Боге, местом встречи с Ним — и точно тем же он должен был стать и для иноплеменников:

«Если и чужеземец не из Твоего народа, Израиля, придет из дальней страны ради имени Твоего — ибо и там прослышат об имени Твоем великом и о мощи простертой Твоей руки, — и придет он помолиться в этом храме, тогда услышь его на небесах, где Ты пребываешь, и поступи с чужеземцем по его обращению к Тебе. Так да узнают все народы земли имя Твое, чтобы бояться тебя, как и народ Израилев, и узнают, что имя Твое наречено на этом храме, построенном мной».

Впрочем, далеко не всегда из дальних краев приходили для того, чтобы помолиться — гораздо больше под стенами Иерусалима оказывалось завоевателей. Казалось бы, царь должен был просить о даровании победы над врагом, но он прекрасно понимал, что жизнь не состоит из одних побед. И в поражениях и даже национальных трагедиях он видел, прежде всего, средство Божественной педагогики, призванное вернуть заблудший народ к Богу:

«Когда выйдет народ Твой на битву с врагом по пути, указанному Тобой, то помолятся они Господу, обратившись к городу, избранному Тобой, и к храму, построенному мной во имя Твое, и тогда услышь на небесах молитву и прошение их и воздай им по правде их. Если же согрешат они пред Тобой, ибо нет человека, который бы не согрешил, то прогневаешься Ты на них и выдашь их врагам, чтобы пленили их и увели во вражескую страну, будь она близко или далеко. Но придут они в разум, и обратятся к Тебе с мольбой в земле их пленения и скажут: „согрешили мы, творили зло и нечестие“, и обратятся к Тебе от всего сердца и от всей души в стране врагов, пленивших их, и помолятся к тебе, повернувшись к стране, которую ты дал праотцам их, и к избранному Тобой городу, и к храму, построенному мной во имя Твое. И тогда услышь на небесах молитву и прошение их и воздай им по правде их. Прости народу Твоему, в чем согрешил он пред Тобой, все

совершенные ими пред Тобой преступления, и возбуди сострадание к ним в угнетателях их, ибо они народ Твой и наследие Твое, ведь Ты вывел их из Египта, из печи железной».

И заключает свою молитву Соломон такими словами:

«Да будут очи Твои благосклонны к просьбе раба Твоего и к просьбе народа Твоего Израиля, чтобы выслушать слезное моление их, ибо Ты отделил их из всех народов земли Себе в наследие, как обещал Ты через раба Своего Моисея, когда вывел их из Египта, Владыка Господь!»

Нигде здесь не говорит он «мы должны», но всюду только «мы можем». Храм становится местом встречи Бога и человека, местом, куда прибегают люди во всякой нужде и беде, чтобы, исправив свою жизнь, восстановить разрушенное доверие Творца и получить исцеление. Каждый из них выбирает сам, пользоваться ли этим средством, и народ как единое целое тоже делает свой выбор и несет за него полную ответственность.

Сегодня это мало кем осознается. Зато спрашивают батюшек: обязательно ли быть на всенощной накануне литургии? Или: обязательно ли поститься три дня и прочитывать все каноны и последование перед причастием? Ну, и еще про воздержание от супружеской близости и креветок в пост конечно же и про многое иное.

Если батюшка строгий, он ответит: да, обязательно, этому нас учит церковь, и мы обязаны ей доверять. Впрочем, и добавит: но если у вас особые обстоятельства, посоветуйтесь с духовником, потому что суббота для человека, а не наоборот.

Если батюшка нестрогий, скажет почти то же самое, только начнет с другого конца: все случаи индивидуальны, общих шаблонов быть не может, посоветуйтесь с духовником, а церковь дает нам общие ориентиры. Может добавить: вообще-то все эти правила писались для монахов в давние времена, жизнь нынешних горожан сильно отличается от жи-

тия византийских подвижников, и мы часто просто не можем им полностью соответствовать.

Я попробовал представить, как ответил бы на вопрос о всемогущей Христос Своим апостолам или апостолы новообращенным христианам, — и не смог. Не только потому, что всемогущих в нашем понимании тогда просто не было, а еще по одной причине. Они говорили о чем-то другом.

Ведь и в те времена существовало налаженное храмовое богослужение, в полном соответствии с требованиями Моисеева Закона люди молились, постились, приносили жертвы и совершали разные обряды. Христос и сам многократно с самого детства посещал Иерусалимский храм на праздники и участвовал в богослужениях. Так делали и апостолы, пока христианство и иудаизм окончательно не разошлись в разные стороны.

Но Христос приходил к людям вовсе не для того, чтобы напомнить им о ценности богослужений, призвать народ посещать их или чтобы внести в них мелкие обрядовые изменения. Он, признавая всю их ценность и правильность, говорил о другом. И сурово обличал тех, кто думал, что соблюдение обрядов — самоценная и самодостаточная вещь, способная обеспечить нам место в Царствии Небесном вне зависимости от того, как протекает остальная часть нашей жизни. А уж как подробно писал об этом апостол Павел, излишне и напоминать.

Богослужение — средство, а не цель. Отличное, проверенное временем, необходимое средство, но все-таки не цель. Иначе не прославляли бы мы Великим постом преподобную Марию Египетскую, которая вообще на него не ходила в своей пустыне.

Как сообщает «Толковый Типикон» М. Скабаллановича 1913 года издания, однажды в Киеве решили отслужить всемогущую в соответствии со всеми требованиями богослу-

жебных книг, без малейших сокращений. К этой службе студенты Духовной академии готовились несколько месяцев, а служили ее восемь часов. Больше никто не рисковал повторять этот опыт.

Да и без Типикона ясно: если мы постоянно служим утрению вечером, а вечерню на Страстной утром, на практике мы вносим в богослужебный устав довольно существенные изменения, никакими книгами не предусмотренные. И собственно, почему бы нам этого и не делать, если суббота для человека, а не наоборот?

Ведь формы и раньше не раз менялись. Апостол Павел в 11-й главе 1-го Послания к Коринфянам дает нам, по сути, первый сколь-нибудь подробный рассказ о Евхаристии в раннехристианских общинах. Обычно все прекрасно помнят мелкое замечание из той же главы насчет необходимости женам покрывать голову во время молитвы, но слова о главном как-то проходят мимо нас. А ведь Павел сурово обличает коринфян за то, как недостойно они совершают Евхаристию.

Что же, коринфские христиане не ходили накануне ко всенощной? Или не вычитывали всех положенных канонов? Или не постились три дня, не исповедовались, чистили утром зубы или что там еще у нас служит препятствием?

Евхаристия тогда совершалась вечером, после дня, полного трудов и забот. По сути, она была частью братского ужина местной христианской общины. И вот апостол пишет: «... вы собираетесь так, что это не значит вкушать вечерю Господню, - ибо всякий поспешает прежде других есть свою пищу, так что иной бывает голоден, а иной упивается».

Отчасти именно поэтому Евхаристия очень скоро была отделена от застолья и стала совершаться не за накрытым столом, а в храме. Но принцип не изменился. Евхаристия, или Господня вечеря, — это собрание церкви как Божьего народа, наивысшее зримое проявление ее единства в Господе.

И Павел сетовал на отсутствие именно этого единства: христиане приходили со своей едой, каждый стремился побыстрее съесть свой личный лакомый кусочек...

А сегодня православные нередко приходят на литургию (само это слово переводится с греческого как «общее делание»!) за удовлетворением личных религиозных потребностей, не более того. Не похоже ли это на проблему коринфян?

Но вернемся к нашей всенощной. Конечно, проблема в нехватке времени и усталости, но далеко не только в них. Попасть на литургию они мешают куда меньшему количеству людей. Ведь Евхаристия ощущается как самый центр христианской жизни, без нее никуда, а вот «выстаивать» пусть даже самые уставные богослужения, понимая в них разве что отдельные слова...

Я бы сформулировал вопрос о всенощной иначе: а что делать, чтобы всенощная, или лучше вечерня вечером и утренняя утром, становились частью этого общего делания, были бы подлинным местом, где собирается народ Божий, чтобы по возможности приготовиться к участию в вечере Господней?

Вот лишь одна догадка. Смысловый центр утрени — *канон*, каждый раз разный, а в некоторые дни соединяются по два-три канона. Каноны составлялись в то время, когда большинство верующих было неграмотно, а книги были редки и дороги. И вот канон был, по сути, такой богословской лекцией в поэтической форме, из которой молящиеся могли узнать основной смысл наступающего праздника.

Сегодня, если они хотят не «выстаивать» канон на полупонятном языке, а действительно уловить его смысл, им нужно сначала его прочесть, желательно с комментариями. Грамотность теперь поголовная, книги доступны, всё выложено в Сеть. Ситуация изменилась, и прежнее средство перестало достигать той цели, для которой было создано. Напротив,

оно стало превращаться в цель, для достижения которой нужны новые средства.

Здесь приведу небольшую историческую справку. Канон как богослужебный жанр возник только в VII веке. То есть множество великих Отцов и Учителей Церкви за всю свою жизнь не слушали на утрени ни одного канона! А что же было вместо них? Да много чего, например, *кондаки* — так называлась не одна строфа, подобная тропарю, как сегодня, а целая поэма, в которой описывались (как правило, в драматической форме) основные события наступающего праздника — очень удобно для людей, не обремененных богословским образованием. И казалось бы, отчего не вернуть кондаки в богослужение сегодня, прежде всего прекрасные творения св. Романа Сладкопевца?

В нашей гимнографической и литургической традиции есть множество сокровищ, известных только узким специалистам в этой области. У нас есть явная потребность в том, чтобы просвещать народ и привлекать его к участию в богослужении. И у нас, очевидно, есть возможность это делать, подходя к службе не как к застывшей навсегда форме, но как к жизни церкви — народа Божьего.

14. Исповедь и чувство ВИНЫ

«Покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное» — с этого призыва начинается евангельская Весть (Мф. 3:2). Легко сказать, а вот как это сделать? Но сначала — зарисовки из собственной жизни.

Мне лет восемнадцать, я прихожу на одну из первых в жизни исповедей. Всё очень серьезно и торжественно, я зачитываю по памяти список (очень краткий) своих грехов, от которых конечно же я обязательно через год-два избавлюсь и стану святым. Батюшка слушает с чувством и остро реагирует: «Грех, грех! Не смей! Вот если бы по дороге сюда под машину попал — прямо бы в ад! Прямо в ад!» И я вдруг задумываюсь, так ли это всё механистично, да и каковы вообще мои перспективы, если я пока еще иногда грешу, а на исповедь выбираюсь в лучшем случае раз в неделю. Разве что попасть под машину сразу после исповеди?

Мне лет тридцать, я зачитываю по памяти список, который с тех пор едва ли сократился — скорее вырос за счет совсем других вещей, которых я тогда не замечал или не придавал им значения. Священник внимательно выслушал его и спросил: «Скажи, какой свой грех ты считаешь самым главным?» Я ответил, ведь «градация» была мне прекрасно известна. «Нет, — улыбнулся он, — отсутствие любви намного хуже». В моем списке такого даже не было, а в жизни — через край.

И в эти же примерно годы стою перед аналоем и сомневаюсь: услышит ли меня вот этот, впервые увиденный мной священник? Поймет ли? Готов ли я ему довериться? И, подойдя, вместо привычного «батюшка, я согрешил...» говорю: «Господи, грешен пред Тобой...»

Только ленивый в последнее время не отметил: исповедь часто превращается в допуск к причастию, она формальна, да и не выходит всерьез каяться раз в неделю или даже раз в месяц, если всё одно и то же вот уже который год. Словно бы напоминаешь Богу: да, человек я несовершенный и сам о себе это знаю. А Он что, не в курсе?

Но я сейчас вот о чем: об исповеди и чувстве вины. И для начала — еще две истории. Деревенский храм в середине девяностых, воскресная литургия, перед ее началом — общая исповедь с подробным перечислением грехов. Священник долго и с чувством говорит об абортах, прихожанки крестятся: «Грешна, прости Господи». Только ведь они за редчайшим исключением — пенсионерки, этот грех они могли совершить десятилетия назад, и с тех пор вспоминают его перед каждой литургией. Не верят, что прощены?

Или в те же годы литургия в московском храме, параллельно народ исповедуется в боковых пределах. Выходит проповедовать священник и говорит... о том, как это ужасно! Вот, говорит он, приносится жертва за грехи мира, ангелы невидимо нам сослужат, а мы стоим тут и бубним: «Я раздражаюсь, я обидчив, я необязателен, я сплетничать люблю... » Вот и остаемся такими, потому что ничего другого не видим! Да оторвись ты от своих грехов, взгляни на Спасителя, припади к Нему! И с тех пор не исповедовал этот священник после начала литургии верных, принципиально.

Наша культура, как и любая культура с христианскими корнями, придает огромное значение чувству вины. В церковь человека часто приводит именно это чувство и желание что-то с ним сделать. И это совершенно справедливо, в том же Новом Завете мы найдем, особенно у Павла, множество рассуждений о том, что всякий человек грешник, заслуживающий погибели, и все мы нуждаемся в прощении, которое обретаем только во Христе.

Но что делать с этим чувством дальше? Казалось бы, церковь вообще про то, как человеку виновному и грешному стать праведным не по заслугам, но по благодати. А на практике — вот эти вот бабушки, до сих пор исповедующие грехи молодости. Не верят, что прощены? А может быть, не готовы разбираться в своих нынешних грехах и потому приносят Богу давнишние?

Чувство вины каким-то парадоксальным образом сочетается с чувством непогрешимости: я же был на исповеди! Я тебя, конечно, оскорбил, но я в этом покаяться на исповеди, так что я-то теперь чист, а ты — такой же гад, каким всегда и был.

Похоже, православные люди бывают грубы, необязательны, обидчивы и далее по уже знакомому списку отчасти и потому, что им есть куда девать свое чувство вины. Вот пропустил ты срок сдачи работы, подвел партнера, нагрубил соседу. Неверующий просто извинится, если, конечно, порядочный человек, и постарается не повторять. А у человека церковного есть возможность всю эту «мелочевку» спрятать в глобальном «от них же первый есмь аз». Ну я вот в мшелоимстве регулярно каюсь, а эти ваши дедаины даже в молитвослове не обозначены, чего вы хотите от первого из грешников?

Если к чувству вины привыкнуть, оно перестает работать. Или начинает работать избирательно, «затачивается» под определенные интонации и ситуации. Кто же не знает этой чудной, а точнее, чудовищной манеры семейного общения, когда всё, буквально всё сводится к теме «кто тут виноват перед кем». Есть даже такой анекдот: «Наша семья держится на хорошем аппетите и чувстве вины». Если любви нет, то, конечно, и это сойдет, но... не совсем тогда это семья. И не совсем церковь.

С другой стороны, иногда задумаешься: ну что, Богу очень интересно, что каждый из нас обидчив, завистлив, злопамятен и так далее, это для Него нечто новое и удивительное? И что съедена была в среду сосиска второпях, и что молитвенное правило не прочитано в который раз... В зависимости от этого — в ад, если не успел на исповедь, или не в ад, если успел. Это точно о Боге? По-моему, это проекция образа недалекой и злобной воспиталки из детсада, которая в угол ставит и сладкого лишает за всякую мелочь.

А вот отсутствие любви, да еще когда о нем не задумываешься, легко становится «нормой». Если община кающихся грешников — это толпа индивидуалистов, занявших очередь за отпущением грехов? Кто ж не видел этих благочестивых скандалов в очереди к исповеди: «Вас здесь не стояло, простихосспади...»

Мы ведь часто говорим, что исповедь — таинство примирения с церковью. Новое вхождение в общину. Если так, это точно не про сосиску в среду, а про что-то такое, после чего ты действительно не можешь назваться христианином. Недавно довелось читать рассказ про батюшку, которому накануне исповеди некий человек сообщил, что отправляется воевать на чужую войну за высокие идеи. Батюшка ему ответил примерно так: «Ты собираешься воевать с теми, кто тебе не причинил зла, и при этом ты не воин, связанный присягой. Это выходит убийство, и я не могу отпустить тебе грехов, пока ты не откажешься перед Богом от своего замысла».

Как? Воевать за правое дело — грех? А не сосиска, не раздражительность, необязательность? Переворот сознания.

Может быть, корень проблемы в том, что огромное число людей у нас пребывают как бы на пороге церкви: то ли христиане, то ли нет. Исповедь становится своеобразной регистрацией, check in, способом удостовериться, что человек действительно церковный хотя бы на данное время и потому может приступать к Чаше.

А такое покаяние? Для кого-то это биение в грудь «яхужевсах», для кого-то бесконечное перечисление неприглядных подробностей, для кого-то отказ от дурных привычек. И уж все наверняка слышали, что буквально означает это слово на библейских языках: греческое *μετάνοια* — «переосмысление», еврейское *שבֿיבֿ* (*шува*) — «возвращение». Переосмысление, переоценка того, что случилось, и возвращение в ту точку, где ты пошел неверным путем. То есть осознанное изменение своего поведения.

И здесь невозможно обойти вниманием еще одну тему, которая то и дело поднимается в частных и публичных разговорах: нужно ли нам «всенародное покаяние»?

Я давно слышал этот вопрос, но никогда его не понимал, если честно. Это что, мне надо на исповеди перечислять «исторические грехи» русского народа? Или только грехи моих непосредственных предков? Или собственное участие в деяниях безбожной власти — что вступил в комсомол и экзамены по истмату-диамату в университете сдавал?

Не так давно москвичи обсуждали, нужно ли оставить на карте города станцию метро «Войковская», названную в честь убийцы царской семьи, и решили все-таки ее оставить. Оказывается, тут есть о чем спорить, и спорить можно только об имени мелкого исполнителя — имя вдохновителя и организатора красного террора В. И. Ленина прочно прописалось на карте столицы и споров о нем не предполагается. Зато мы наследники великих побед, красный флаг над Рейхстагом, Гагарин в космосе — это все наше навсегда.

Так не бывает. От наследства можно отказаться, его можно принять, но тогда ты принимаешь и все издержки, все обременения, все долги покойного. В данном случае — долг памяти, груз страшного прошлого и необходимость его осмыслить. Пока этого не произошло, у нас как у общества нет иммунитета от повторения этой мерзости.

Примерно то же самое касается и опыта девяностых годов. Их принято рисовать либо черной, либо белой краской. Только очень редко удается услышать от тех, кто считает их проклятыми, а откуда же взялись нынешняя стабильность и духовность, если не оттуда? А от тех, кто называет благословенными, и куда же испарилось это благословение, кто и какие ошибки совершил?

Мы как народ, как общество похожи на детей, которые вдруг начинают играть в пиратов или космонавтов и так же внезапно бросают игру, так что за ужином ничего не остается ни от фрегата под черным флагом, ни от межпланетного крейсера. А завтра будет новая игра, и послезавтра еще одна, и никто уже не вспомнит, во что там играли позавчера.

Коллективная ответственность — это когда один солдат попался в самоволке, и вот всей роте отменены увольнения. Это просто, это у нас умеют. Солидарная — это когда мы думаем и решаем вместе, что и когда пошло у нас не так и что можно изменить. Да, при этом мы часто спорим, не сходимся в оценках — это, конечно, сложно и порой неприятно. Покаяние нужно не для галочки, не для осуждения отдельных виновных (конечно, не себя самих), а ради признания простой вещи: все, что происходило и происходит с нашей страной — не результат действия таинственных жидомасонов или отдельных негодяев, а естественное следствие поступков нашего собственного народа, в том числе и нас самих.

Я хочу привести только один личный пример. В 2015 году я впервые участвовал в акции «Возвращение имен» — прочитал у Соловецкого камня имена двух расстрелянных и совершенно неизвестных мне граждан. К ним я добавил имя бригадного комиссара А. М. Круглова-Ланды, мужа моей двоюродной бабушки, расстрелянного в октябре 1938 года и реабилитированного в 1956-м. Я давно знал, что он жил на

свете и был убит, но только в этом году я дал себе труд разобраться, кем же на самом деле он был, как и когда погиб.

Это оказалось совсем легко, информация есть в Сети. Круглов-Ланда перед арестом исполнял обязанности начальника Политуправления РККА, да и вообще его биография — образцовая биография комиссара-большевика. Наверное, я потому и не торопился ее узнать, что примерно такое себе и представлял... Мне куда больше нравилась биография моего родного деда — урожденного дворянина, профессионального военного, ветерана-орденоносца.

И все-таки Круглова-Ланду убили по ложному обвинению, у него не осталось потомков, хранить память о нем — моя обязанность, о которой я забыл. Он устанавливал этот строй в нашей стране, он наверняка так или иначе содействовал Большому террору, и он же пал в конце концов его жертвой. А мог бы повоевать, как мой родной дед, и встретить победную весну в Берлине, Вене, Будапеште, в больших чинах и с боевыми наградами.

В те самые тридцатые годы вымарывали из семейных альбомов фотографии дворян и офицеров, сегодня старательно стирают из семейной памяти имена сотрудников НКВД и комиссаров. А ведь их были миллионы, они оставили много потомков. Где они все? Или как спрашивал С. Довлатов: «Мы без конца ругаем товарища Сталина, и, разумеется, за дело. И все же я хочу спросить — кто написал четыре миллиона доносов?»

Имею ли я право помнить лишь ту часть личной или семейной истории, истории моего народа, которая смотрится красиво и обещает почести и выгоды? Имею ли право не делать выводов на будущее? Риторические вопросы, конечно. Но без настоящего ответа на них, без подлинного переосмысления и возвращения на верные пути так и будем кружить в потемках из поколения в поколение, повторяя прежние ошибки, тоскуя по вчерашним миражам.

15. «Аще бабы слышала еси...»

Самое первое произведение греко-римской античности, в котором упомянута Библия (еще только Ветхий Завет) — это трактат «О возвышенном», написанный неизвестным автором около 50 года н. э. Среди прочих примеров возвышенного стиля там приводилась и книга Бытия. Можно, конечно, удивляться, почему о Библии греки и римляне впервые заговорили с точки зрения стиля, а не содержания, но ведь это не так уж и странно, если разобраться. Вникнуть в суть этой книги, услышать весть о Едином Боге и о сотворенном Им мире — это достаточно сложно и ответственно. А вот оценить стиль, его величавость и красоту — для этого не нужно особого труда, да и не обязывает это ни к чему. Сказать «книга Бытия проповедует нам Единого Бога», значит встать перед самым важным выбором: поверить в этого Бога и изменить свою жизнь, или отвергнуть эту весть. А вот сказать «язык ее возвышен» можно без таких серьезных последствий.

Нечто подобное происходит и сегодня. Нередко люди ценят в церкви и во всем, что к ней относится, прежде всего возвышенность, неотмирность. Когда заходит речь о возможности перевода богослужения на русский язык, единственный, по сути, аргумент, который выдвигается против, — это как раз необходимость сохранять для общения с Богом особый язык, который сам по себе включал бы молящихся в церковную традицию и не был «испорчен» повседневным употреблением. Аргумент всего один, но для тех, кто его выдвигает, он побеждает любые другие соображения.

Примерно то же самое и с переводами Библии на русский и другие языки: их допустимость признают сегодня все (еще полтора-два века назад было не так, и об этом мы говорили в первой части этой книги), но главная и зачастую единственная претензия, которая выдвигается ко многим новым переводам, касается обыденности языка. Писание не должно звучать как обычное художественное произведение, ему подобает свой, священный стиль, говорят критики.

Насколько справедливы подобные утверждения? Трудно сказать однозначно. С одной стороны, всё, что относится к области священного, всегда и у всех народов отличалось от обыденного. Собственно, в Библии слово «святой» изначально и значило «избранный, отделенный для Бога». Вполне естественно, что и священные тексты непохожи на повседневную речь.

Но бывает и как в музее: церковная утварь, облачения или архитектура могут оказаться настолько ценными, что их просто перестают употреблять по прямому назначению, чтобы они не испортились и не обветшали. Они уже отделены не от повседневности, а вообще от жизни.

А есть люди, которым хочется услышать на богослужении и прочитать в Библии, как жить и что делать здесь и сейчас, и не вникать при этом в грамматические и стилистические тонкости. В конце концов, говорят они, ко Христу мы приходим или к плюсквамперфекту? А Христос говорил с апостолами на самом простом, разговорном языке. Да нет же, отвечают им охранители, молился Он уж, во всяком случае, на особом, священном языке, и Евангелие написано возвышенно...

Не вполне правы тут обе стороны. В Библии, и в Евангелии в частности мы найдем примеры очень разного стиля — к сожалению, мало какие переводы обращают на это внимание. Евангелист Марк писал предельно просто, порой даже с грамматическими ошибками (если судить по строгим меркам

школьных правил), он и был простым человеком, а вот Лука получил хорошее образование, и в своем Евангелии он употребил самые разные стили. Точно так же и в нашем богослужении мы можем найти тексты предельно простые и мощные именно в этой своей простоте (например, Трисвятое) и одновременно сложнейшие богословские построения, практически непонятные человеку без специального образования.

Но было бы неверно связывать сложность предмета с возвышенностью стиля. Как раз тот самый анонимный античный автор говорил о суровой простоте первых слов Бытия: «В начале сотворил Бог небо и землю». Возвышенно могут звучать очень разные тексты: и витиеватое плетение словес, и предельная лаконичность. Более того, возвышенность не является принадлежностью какого-то одного языка, например церковнославянского. Как любой намагниченный кусок железа имеет два полюса, и если его разрубить пополам, то каждая из половинок сохранит оба полюса, так и любой язык с литературной традицией имеет свое просторечие и свой высокий стиль. И эти два полюса распознаются людьми почти бессознательно, как магнитное поле действует на металлические предметы.

В конце концов, язык классической русской литературы для наших современников уже есть язык возвышенный. Можно переводить на него... но и это устраивает далеко не всех. Часто можно услышать: если что непонятно, поможет «неукоснительное посещение богослужений».

Что вообще должен делать в жизни христианин, чем отличается он от других людей? Тем, что ходит в храм, постится и молится дома. Как поступить в сложной ситуации, как найти верный выход? Сходить в храм, поститься и молиться. А что делать, если само богослужение бывает для кого-то непонятным и утомительным? Ну, надо чаще (вы уже поняли!) ходить в храм, да и дома тоже поститься и молиться.

Об этом невольно начинаешь задумываться на великолепных службах Страстной. Вот буквально наугад из службы Двенадцати Евангелий: «Столп злобы Богопротивныя Божественнии отроцы обличиша; на Христе же шатающееся беззаконных соборище советует тщетная, убити поучается живот Держащаго дланию»... из всего этого ухо выхватывает только отдельные слова, создающие торжественное настроение. И без споров ясно, что церковнославянский понятен нашим современникам лишь отчасти и что в идеале всякий молящийся должен ясно понимать смысл молитвы, а древний язык хотят и могут выучить не все.

Но споры о богослужебном языке ведутся так упорно и горячо как раз потому, что речь здесь скорее о месте церкви в нашем обществе и в этом мире, и применительно к российским реалиям начала XXI века я бы сформулировал их так.

1. Чем мы вообще руководствуемся в своей богослужебной практике? Наступает пост, достается с полки Триодь... и вот мы служим вечером утреню, утром вечерню (в том числе и литургию преждеосвященных), а часы либо не служим вообще, либо «приклеиваем» их все разом к той самой утренней вечерне. Это что угодно, но это не устав. Но насколько можно, насколько нужно перерабатывать устав? И насколько железобетонным и нерушимым является этот нынешний порядок, который мы привычно называем словом «обиход»? И, соответственно, кто и как вправе всё это менять и ради каких целей?

Я был один раз в монастыре, где служили действительно по уставу, семь раз в день: утреня утром, часы в положенные часы, литургия, вечерня, полунощница... монахам до церкви было не больше пяти минут ходу, и это действительно была жизнь, наполненная молитвой. Но каждая служба при этом была совсем не длинной и не утомительной и вполне уставной — по бенедиктинскому уставу. Это была обитель

св. Мартина в Лигюже, во Франции. Понятно, что в приходских церквях и во Франции никто не служит семь раз в день, и вообще горожане даже единожды в день до храма не добираются. Вот и возникает желание отслужить разом всё, что положено, «залпом». А прихожане уж на что попадут, уж сколько выстоят, столько им и достаточно. И соответственно, что сумеют понять, то и поймут, и хватит с них.

2. Но тогда для кого сберегается всё это богатство византийской гимнографии? Когда писались наши прекрасные каноны, тропари и стихиры, большинство населения было неграмотным, книги были редки и дороги. Для простого человека была одна возможность ликвидировать свою богословскую безграмотность: прийти на службу и выслушать, что читается и поется. Именно поэтому многие ключевые песнопения повторяются по два или три раза, в них постоянно раскрываются одни и те же догматы веры. Но сегодня всё поменялось: богослужение понимается плохо, и прихожанам советуют, наоборот, прочитать сначала дома текст службы, желательно с переводом и комментарием, чтобы его понимать.

Так для кого всё это читается или поется? Для прихожан? Но они понимают плохо, если заранее сами не прочитали текст. Для Бога? Он вряд ли нуждается в наших напоминаниях. Для священника, чтеца и хора? Или просто для порядка?

3. А отсюда возникает следующий принципиальный вопрос: кто у нас за богослужением прихожане — клиенты клира или полноправные участники? Многих вполне устраивает пассивная позиция: в храме совершается положенное священнодействие, там знают, как надо, наше дело — просто прийти и отстоять службу. Если получится вникнуть в текст, хорошо, а если нет, тоже не страшно. Главное, чтобы богослужение состоялось и мы на нем присутствовали.

Нельзя не увидеть ущербность этой позиции... но с другой стороны, а что еще можно предложить человеку, от кото-

рого, собственно; ничего и не требуется; кроме внутреннего настроения? Несколько раз довелось мне бывать в храмах, где прихожан запросто приглашали почитать канон на утрени, или часы, или молитвы. Люди сбивались, некоторые читали прямо по книге «Слава, и ныне» или «Господи, помилуй сорок раз». Люди становились из зрителей соучастниками, зато страдали плавность и величье богослужения. Что важнее?

4. Соответственно, надо ли вообще прихожанам вникать в богослужение, или пусть «душа с Богом беседует напрямую», как нередко говорят? Тогда как раз малопонятный, но торжественный фон очень полезен: настраивает на соответствующий лад, но в то же время оставляет простор для такого вот собеседования. Неважно, что человек не понимает смысла прочитываемых слов, важно, что он проникается их настроением. И в самом деле, если в слова вдумываться, придется как-то реагировать на них, что-то менять в своей жизни. Настроенческое собеседование, конечно, проще, потому что никого ни к чему не обязывает.

5. Но если все же вдумываться в тексты, то возникнет следующий вопрос: должна ли византийская образность и обрядность в своей культурно-обусловленной части сохраняться для всех и навсегда? Догматы веры не меняются, но меняется мир, в котором мы живем. Когда-то образы и подобию, взятые от византийского двора, объясняли невыразимое, сегодня они сами нуждаются в объяснении (классический пример — выражение «ангельскими невидима дориносима чинми», изображающее ангелов в виде дворцовой стражи). Пока эти образы прикрыты полупрозрачной занавесью славянского языка, пока они способствуют созданию торжественного настроения, всё в порядке. Но как только мы захотим понять их смысл и выразить его на современном русском языке, мы увидим, что понимание тут невозможно без какой-то серьезной

культурной адаптации. Что же делать: обучать прихожан тонкостям византийского придворного ритуала (но тогда и славянский выучить им будет нетрудно) или заменить византийские реалии какими-то другими (но тогда уже потребуются не перевод, а создание новых текстов)?

И принятие любого решения, в конечном счете, требует от нас какого-то внятного ответа на вопрос, что есть Православие, как сочетаются в нем византийские ризы с евангельской простотой, средневековые обряды с вечной актуальностью, особые культурные формы с вселенским призыванием. И как сочетаемся со всем этим мы, такие разные, с такими несхожими потребностями и запросами...

Говорили многие и не раз, что нынешний «обиход» ориентирован в основном на немолодых женщин без высшего образования, которым нужно не точное понимание, а возвышенное настроение, которые склонны довериться в богословских вопросах клиру и удовлетвориться решением бытовых вопросов. Конечно, так сложилось исторически: в советское время именно пенсионеркам не мешали ходить в храм, вот они и вынесли всё на своих плечах, вымолили новую свободу, сберегли огонек веры для будущих поколений. Но есть и другая причина: с такими женщинами клиру намного проще, чем с другими категориями прихожан. Вот, видимо, главное, почему воспроизводится этот образец и в наши дни.

Кстати, о женщинах. Кто бывал во вторник первой седмицы поста в храме на каноне св. Андрея Критского, мог запомнить этот отрывок из пятой песни: «Аще бабы слышала еси, убивающыя иногда безвозрастное мужское, душе окаянная, целомудрия деяние, ныне, яко великий Моисей, сси премудрость». Каждое слово тут выглядит знакомым, но общий смысл безнадежно ускользает, и это типично для церковнославянской гимнографии.

И в самом деле, кто же не слышал про баб, которые иногда убивают всё мужское? Чем такие, уж лучше целомудрие, это точно. Только при чем тут Моисей? И что предлагается делать с премудростью? Что-то неприличное, кажется?

Есть, конечно, выход — стоять в храме с книжечкой в руках, с параллельным русским переводом, или прочитать его дома. Нетрудно будет найти в Сети такой перевод (авторство мне неизвестно): «Если ты слышала, несчастная душа, о повивальных бабках, некогда умерщвлявших новорожденных младенцев мужского пола, то теперь, подобно Моисею, млекопитайся мудростью». Сразу видно, что с «целомудрия деянием» переводчик не справился и просто его опустил, а может быть, даже и не понял, к чему оно относится.

Глядя на такой перевод, сразу соглашаешься с теми, кто говорит: переводить богослужебные тексты на русский не стоит — торжественность теряется, а понимания прибавляется немного, да и вообще не всё удастся передать. Вот и целомудрие потеряли.

Всё верно, только здесь перед нами — не перевод, а скорее подстрочник: буквальная, неуклюжая передача смысла стихотворного оригинала. К тому же подстрочник неполный, с пропуском. Если бы так переводили Гёте или Шекспира, мы бы тоже сказали, что их по-русски не передашь, что надо учить язык оригинала.

Разбираться с церковнославянским проще всего через греческий оригинал, и это тоже как раз такой случай:

Εἰ τὰς μαῖας ἤκουσας
 κτεινούσας ποτὲ
 ἄνηβον, τάλαινα,
 τὴν ἀρρενωπόν, ψυχὴ,
 τῆς σωφροσύνης πράξιιν
 νῦν ὡς ὁ μέγας Μωσῆς
 τιθηνοῦ τὴν σοφίαν.

Церковнославянский обычно точно копирует греческий, но здесь даже он отошел от следования точному порядку слов оригинала, иначе было бы совсем трудно понять: «безвозрастное окаянная мужское душе». Так уж устроена классическая греческая поэзия: слова могут располагаться едва ли не в произвольном порядке, определения могут перемешиваться меж собой, и лишь артикли и падежные окончания четко показывают, что к чему относится, а в церковнославянском артиклей нет, связи нарушаются.

Например, **σωφροσύνης πράξις** «целомудрия деяние» стоит в том же винительном падеже, что и **ἀνηβον... ἀρρενωπόν** «безвозрастное мужское», и значит, оба они суть прямые дополнения при причастии «убивающих». А главное, перед «мужское» стоит артикль женского рода **τὴν** и значит, надо ждать существительного женского рода в винительном падеже, прилагательные могут относиться только к нему.

Попутно заметим, что Андрей писал свой канон на очень архаичном греческом языке, для его современников он тоже звучал наподобие церковнославянского. Просто в ту пору это был единственный литературный греческий — другой возник только в новое время. Поэтому язык канона был понятен всякому человеку, ходившему в школу, он привык к разбору и пониманию подобных конструкций, даже если в быту их не употреблял. Примерно так наши школьники способны понимать длинные предложения Толстого и необычные обороты Пушкина, хотя меж собой общаются, разумеется, совсем на ином языке.

Итак, что же делать, чтобы превратить подстрочник в перевод? Для начала — привести его в соответствие с нормами литературного русского языка — не жаргона, как иногда иронично предлагают противники перевода, а языка Толстого и Пушкина, благо, он всем нам прекрасно известен. Вот перевод о. Амвросия Тимрота: «О повивальных бабках ты

слышала, несчастная душа, что должны были некогда убивать младенцев мужского пола — действие целомудрия; но теперь, как великий Моисей, пей молоко премудрости».

Это уже действительно перевод... но и в нем не всё понятно. Прежде всего, к чему относится «действие целомудрия»? Если не смотреть в греческий, не понятно, более того, несведущий может подумать, что так названо убийство младенцев (в конце концов, есть же псалом «на реках вавилонских», где избивание младенцев упомянуто как нечто весьма желанное)! Надо бы уточнить: убийству младенцев уподобляется убийство едва возникшего «деяния целомудрия», именно то, в чем кается грешник в Великий пост. И виноваты в этом, конечно, не повитухи, а он сам, потому и напоминает он об этом своей душе.

Кстати, о повитухах... А разве они кого-то убивали? Речь, конечно, идет об истории из первой главы библейской книги Исход: египетский фараон велел повивальным бабкам убивать новорожденных еврейских мальчиков. Однако Библия говорит ясно: «Но повивальные бабки боялись Бога и не делали так, как говорил им царь Египетский, и оставляли детей в живых».

А Андрей Критский ясно говорит: убивали (греческое слово **κτείνουσας** не оставляет никаких сомнений). Именно потому Тимрот и переводит «должны были некогда убивать», пусть неточно, но в соответствии с текстом Писания. Вот, кстати, еще один пример для тех, кто утверждает, будто Отцы до нас и за нас уже истолковали Библию и мы можем лишь повторять за ними: толкование здесь напрямую расходится с текстом. Примем только его — должны будем внести правку в Библию, и таких примеров немало.

Почему, кстати, Андрей так «неаккуратен» с текстом? Да просто потому, что он вовсе не рассказывает нам историю про повивальных бабок в Египте времен Моисея. Он берет

этот образ, чтобы поведать о злоключениях собственной души. Важен не столько факт, сколько сама возможность такой ситуации: повитуха, призванная оберегать и принимать новую человеческую жизнь, может, оказывается, оборвать ее в самом начале, повинувшись приказу жестокого правителя. И точно так же поступает порой моя душа с самыми добрыми начинаниями, уничтожая их в зародыше.

Это вполне типичная для гимнографии ситуация, когда библейские образы используются в отрыве от своего исторического контекста, просто для иллюстрации совсем иных идей, и невозможно ждать от таких ссылок точности.

И все же, — думаю, что современному человеку недостаточно одного упоминания Моисея ближе к концу этой трудной фразы — он просто не поймет, о каких повитухах идет речь в тексте. Но у переводчика есть право подсказать ему, добавить в перевод информацию, которую автор текста однозначно имел в виду, но которую читатель или слушатель, скорее всего, не вспомнит. Конечно, кто не читал книгу Исход, не поймет в любом случае, о чем идет речь (и это, кстати, к вопросу о том, нужен ли православным Ветхий Завет — да без него они в собственном богослужении ни за что не разберутся!). Но можно дать хотя бы небольшую ссылку на Египет, чтобы напомнить тем, кто Исход читал.

И наконец, необходимо прояснить, почему тут целомудрие сравнивается с младенцами, особенно если учесть, что в повседневном языке целомудрие давно стало синонимом безбрачия и никаких младенцев вообще не предполагает. Предложу собственный перевод:

«Слышала ли ты, несчастная душа: некогда египетским повитухам велено было убивать новорожденных мальчиков, и так же ты губила целомудрие в зародыше — но теперь, как великий Моисей молоком материнским, питайся молоком премудрости».

Возможно, перевод не идеален, но важно другое: поэзия, в том числе литургическая, принципиально переводима, только не надо путать перевод с подстрочником.

И чтобы завершить этот разговор, приведу еще один практический пример. Во время православного отпевания звучит много удивительных молитв — по сути, вся эта служба становится для многих наших современников едва ли не единственной возможностью услышать нечто самое важное о Боге, о человеке, о его земном пути и о том, что будет после него, да еще и в такой момент, когда об этом невольно задумывается и самый бесчувственный.

И, может быть, вершина поэтического творчества — это стихиры, авторство которых приписывается св. Иоанн Дамаскину. «Кая житейская сладость пребывает печали непричастна; кая ли слава стоит на земли непреложна; вся сени немощнейша, вся соний прелестнейша: едином мгновением, и вся сия смерть приемлет. Но во свете, Христе, лица Твоего и с наслаждением Твоя красоты, егоже (юже) избрал еси, упокой, яко человеколюбец».

Понятно ли это? Вполне... если человек привык к церковнославянскому. Но чтобы это зазвучало по-русски, нужно иногда переставить слова местами, иногда подобрать другой синоним... И тогда это будет действительно перевод. Вот моя версия:

Какая житейская радость непричастна печали?
 Какая земная слава останется неизменной?
 Всё здесь слабее тени,
 обманчивей сновидений —
 лишь миг, и смерть всё поглотит.
 Но свет лица Твоего, Христе,
 и счастье видеть Твою красоту
 подай тому, кого Ты возлюбил,
 упокой его по любви Твоей к людям!

Цветок увядает, и сон исчезает,
и так любой человек погибает.
Но раздастся глас трубный, земля задрожит,
и тогда восстанут все мертвецы,
Христе Боже, для встречи с Тобой —
и тогда, о Владыка, дух раба твоего,
который ныне от нас отошел,
посели в тех шатрах,
где святые Твои, о Христе!
Увы, как тяжел для души моей
будет час расставания с телом!
Сколько будет рыданий тогда,
и никто не утешит ее.
К ангелам очи она возведет
в мольбе своей безуспешной, —
к людям руки протянет она,
но никто не придет к ней на помощь.
Братья любимые! Вспомним мы, как
кратка наша жизнь, и попросим Христа
дать покой — от нас отошедшему,
нашим душам — милость великую.
Суетно всё, что есть у людей,
что смертной черты не пересечёт:
богатство с тобою туда не пойдёт,
и слава твоя останется здесь.
Смерть настанет — всё это исчезнет.
Так воззовем ко Христу, Бессмертному Царю:
отошедшего от нас упокой
там, где дом всех ликующих.
Как же страшно таинство смерти,
когда душа из тела исторгается,
гармония их силой разрушается,
и прирожденный их союз

по воле Божьей распадается!
Потому и молим мы Тебя:
отошедшего от нас упокой
в шатрах праведников Твоих
по любви Твоей к людям,
о Дающий нам Жизнь!
Где же к мирскому привязанность?
Где же мечты о временном?
Где серебро и золото?
Где множество слуг хлопчущих?
Всё тень, всё прах, всё пепел!
Так воззовем же к Бессмертному Царю:
Господи, вечных Твоих благ
удостой отошедшего от нас,
дай ему блаженство и покой,
которые не обветшают.
Я вспомнил, как зывал пророк,
говоря «я земля и прах!»;
и в гробницах я тоже увидел
обнаженные кости и сказал:
«Где же тут воин, а где царь,
где богач и где бедняк,
праведник и грешник где?»
Но с праведными, Господи, упокой
раба Твоего по любви Твоей!
Начало бытия моего -
в созидательном повелении Твоем,
ибо Ты пожелал во мне сочетать
видимое начало с невидимым:
Ты от земли мое тело сотворил
и душу мне даровал
живительным дуновением Твоим.
Так упокой, Христе, раба Твоего

в стране живых, в шатрах праведных!
По образу и подобию Своему
изначально Ты человека сотворил
и поставил его в раю
Твоими творениями повелевать.
Но дьявол по зависти его прельстил,
и плода запретного он вкусил,
и заповеди Твои преступил.
Потому Ты судил ему вернуться
в землю, от которой он был взят,
Господи, чтобы упокоение у Тебя испросить.
Плачу и рыдаю,
едва о смерти вспомню,
едва во гробе увижу
прекрасный лик человека,
сотворенный по образу Божьему —
но без образа и без славы,
и прежнего вида лишенный...
Как же над нами таинство
свершается непостижимое?
Как побеждает нас тление,
как со смертью мы сочетаемся?
Не иначе, как Божьим повелением,
как написано, и да подаст Он
упокоение от нас отошедшему.

16. Что такое библеистика?

Меня часто называют библеистом — что же она такое, эта самая библеистика? И зачем она нужна верующему христианину?

В общем-то, не нужна — подавляющее большинство христиан без нее совершенно спокойно обходилось, и некоторые даже становились святыми. Не знаю, честно говоря, сколько в наших святцах библеистов и кого к ним причислять. Например, митрополит Филарет Московский, приложивший немало усилий к созданию русского Синодального перевода Библии, явно мой коллега. Но называл ли он себя библеистом? Не думаю.

Казалось бы, всё очевидно: библеистика — наука о Библии. Но ведь науки бывают разными, и библеистика на самом деле тоже целый набор достаточно разных дисциплин. Рассказывают, как некогда на заседании Академии наук СССР вице-президент Академии физик Владимир Стеклов заявил: «Науки делятся на естественные и противоестественные». А историк Сергей Платонов на это ответил: «Нет, на общественные и антиобщественные». Так «физики» и «лирики» обменялись любезностями, заодно в очередной раз убедились, что науки у них неодинаковые.

Образцовыми считались всегда науки естественные, вроде геологии, или точные, вроде математики. В них достижимы абсолютная устойчивость и повторяемость результатов: дважды два всегда будет четыре, молекула воды всегда будет состоять из двух атомов водорода и одного кислорода. На этой устойчивости основана вся современная технология: мы твердо знаем, что нажатие той или иной кнопки на нашем мобильном телефоне или, допустим, в кабине сверхзвукового

самолета приведет к ожидаемому результату, и только это позволяет нам пользоваться данной техникой. Если вдруг какой-то самолет ведет себя непредсказуемо (что, как правило, приводит к аварии), немедленно запрещают полеты всех самолетов этой модели до тех пор, пока отклонение не будет объяснено и устранено.

Науки, посвященные живой природе, например биология, точны в гораздо меньшей степени. Живые организмы ведут себя не всегда по шаблону: можно изучать маршруты миграции перелетных птиц, но невозможно утверждать, долетит ли до конечного пункта данная конкретная птица и на каком конкретно дереве она совет себе гнездо. А иногда бывает и так, что стая просто никуда не улетает — в Москве на Воробьевых горах который год подряд зимуют утки, неожиданно ставшие неперелетными.

Кстати, примерно так же устроена лингвистика, наука, которая изучает человеческие языки (мы поговорим о ней в 18-й главе). Они тоже подчиняются определенным законам, но каждый конкретный носитель каждого языка то и дело отклоняется от нормы или даже нарушает эти законы, да и сами они со временем изменяются, как и живые организмы.

Но всё это намного усложнится, если мы заговорим о поведении разумных существ, людей, или начнем задумываться не только над грамматическим строением фраз, но и над тем, что эти люди друг другу хотят сказать. Даже самый всеохватный социологический прогноз при самых честных и прозрачных выборах никогда не предсказывает результата этих выборов с точностью до долей процента — а что говорить о решениях куда менее формализуемых и гибких, которые каждый из нас принимает ежедневно? Поэтому социальные науки — еще один шаг прочь от незыблемости математических формул.

Но социолог, по крайней мере, имеет неограниченный доступ к объекту своего исследования и может опросить

столько людей, сколько пожелает. Любому из них он может задать дополнительные вопросы, у любого может уточнить, что тот имел в виду. А что делать историку? Все люди, чьи голоса он слышит, уже мертвы, и ни о чем переспросить их нельзя. Если речь идет о недавней истории, например о Второй мировой войне, это компенсируется, по крайней мере, огромным количеством самых разнообразных свидетельств. И то не утихают споры о разных гипотезах: собирался ли Сталин напасть на Гитлера первым, допускал ли такую возможность? Верил ли в нерушимость договоров с ним или сам тайно готовился к войне?

Но если мы обсуждаем события, произошедшие несколько тысячелетий назад и отраженные всего в одном или двух источниках, наши затруднения вырастают до небес. Мы не только не можем повторить никакого результата, мы даже не в состоянии установить множество разнообразных деталей: а как оно там на самом деле происходило? Впрочем, ведь и астрофизики вынуждены судить, к примеру, о том, как устроены далекие светила, по косвенным данным, а взять пробу или провести эксперимент не могут. Всякая наука имеет предел, которого не может перейти, но вместе с тем старается его отодвинуть, расширить сферу возможного и доступного для ученых.

Но мы еще не закончили наше мысленное путешествие от естественных наук к... противоестественным? Или сверхъестественным? Во многих европейских университетах традиционно существуют теологические факультеты, но... Бога невозможно изучать, как древнюю рукопись, или тропическую бабочку, или пусть даже самую далекую звезду. Следовательно, теология или богословие — не наука о Боге, а скорее наука о том, как люди о Боге говорят. Богослововедение, если угодно, как и литературоведение — не обучение гениальных литераторов, а изучение их наследия.

Примерно то же самое, кстати, касается философии как светского аналога богословия. Науки ли это вообще, или какие-то другие области человеческого знания — на этот счет нет единого мнения.

И где же на этой шкале — от наук антиобщественных к наукам противоестественным — расположилась библеистика? Да во многих местах — смотря, какая ее часть. Конечно, среди точных наук библейских дисциплин не обнаружишь, но вот текстология (исследование рукописей) и археология имеют нечто общее с науками естественными, хотя традиционно относятся к дисциплинам историческим. Они изучают то, что существует объективно: материальные объекты и рукописи, дошедшие до нас из древних времен. Зато эти дисциплины, по сути, самые «безопасные», в них не сделаешь еретического вывода: ну какая, по большому счету, разница, в каком веке был разрушен этот город или составлен этот манускрипт?

Лингвистическое изучение библейских языков и в особенности филологический анализ написанных на них текстов уже ставят вопросы об их сути. Что именно хотели нам сказать библейские авторы и как *они* это сказали? Как можно перевести это на современные языки, объяснить современному человеку? И это уже потенциально опасная наука: разве можно препарировать Священное Писание, словно обычный текст? Многие смущаются.

Но можно пойти еще дальше — в историю. Можно задать вопросом: а как всё сказанное соотносится с реальностью? Что там на самом деле было? И как оно было? Вот тут, на самом деле, лежит область, в которую большинство верующих ступать опасаются, и, наверное, не зря. Реконструкций много, они друг другу обычно противоречат, проверить истинность каждой из них практикой невозможно. И любая реконструкция говорит больше о самом реконструкторе, нежели о том, что он старается реконструировать.

Главное при этом — не путать одно с другим и всегда осознавать степень точности, с которой мы можем говорить. Книга по библейскому переводу, изданная в 1969 году двумя американскими лингвистами, Ю. Найдой и Ч. Тейбером, начиналась со следующей истории: «Один специалист по устному и письменному переводу в области самолетостроения сообщил, что в своей работе он не посмел применить принципы, которым зачастую следуют библейские переводчики. „У нас, — сказал он, — есть полное понимание вопросов жизни и смерти“. К сожалению, переводчики религиозной литературы порой не испытывают такого же стремления к ясности выражений».

Иными словами, библейские представления о Боге должны излагаться с той же степенью точности, с которой авиаконструкторы обучают пилотов управлять своими творениями. Разумеется, это просто невозможно уже потому, что текст Библии — не техническая инструкция по пользованию Богом, а нечто совсем иное.

Итак, если библеистика — наука, то самое первое, что она должна для себя определить, — пределы своей компетенции. Это только «британские ученые» из желтой прессы доказывают всё на свете, и каждую неделю разное. А настоящие ученые (в том числе из Британии, где библеистика находится на высоте) прекрасно понимают, куда они могут и куда не могут лезть. Или... или не всегда единообразно понимают и даже зачастую спорят об этом.

«Наука мало что может сделать, но что она может, она может хорошо» — это определение, принадлежащее российскому лингвисту Я. Г. Тестельцу, мне кажется самым точным и верным. Вот простейший пример из области точных и естественных наук. В фантастике 60-70-х годов прошлого века наше нынешнее время рисовалось как время освоения дальнего космоса и колонизации далеких планет. Но наука

так и не предложила конструкции звездолета, способного долететь хотя бы до ближайшей звезды.

Зато она занялась другой сферой человеческого опыта — компьютерами и средствами связи. В этой области она добилась таких успехов, какие не снились самым радикальным фантастам прошлого: в их произведениях звездолет дальней галактической разведки был оснащен единственным компьютером в виде огромного железного шкафа с лампочками, питающегося перфокартами. У простеньких мобильных в наших карманах несравнимо больше возможностей.

Примерно так оно и в гуманитарной сфере: есть задачи, где мы настолько же далеки от хорошего решения, как и полстолетия назад, когда проблема была всерьез поставлена. Пример — машинный перевод. В 1960-х годах казалось, что скоро можно будет научить машины переводить художественные тексты, сегодня мы видим, насколько корявы и неуклюжи эти попытки, притом что мощность самих машин возросла неизмеримо.

Зато неожиданного успеха лингвисты добились в областях, о которых тогда никто и не думал. Они научились гораздо лучше и точнее описывать, как используются человеческие языки для общения и представления информации. Прикладное применение этих теорий — знаменитые поисковики, способные за доли секунды пересмотреть колоссальный объем информации и предложить грамотному пользователю страницы и изображения, которые ему действительно интересны. А полвека назад этой проблемы просто не существовало, как не было тогда общедоступных компьютерных баз данных.

Как мы видим, границы возможного для науки постоянно раздвигаются, а кроме того, происходит уточнение задач, перенаправление поиска. И в самом деле, зачем мне звездолет, мобильник куда полезнее! Зачем компьютерный перевод

Шекспира, когда уже есть пастернаковский, а вот Гугл или Яндекс исключительно полезные ресурсы. Наука многие задачи пробует на зуб, но не все умеет решить, да не все и нужно на самом деле решать.

А еще очень важно бывает распознать неочевидное... Однажды двое ученых развлекались, наклеивая липкую ленту на графитовые стержни и отлепляя ее так, чтобы оставшийся на ней слой графита был как можно тоньше. Так будущие нобелевские лауреаты А. К. Гейм и К. С. Новоселов подошли к идее создания графена, принципиально нового материала: графитовой пленки толщиной в один атом.

Но вернемся к библеистике. Какие же задачи ставила она перед собой, какие удалось решить? Они, конечно, были разными в разные времена и для разных исследователей.

Можно ли проверить достоверность, к примеру, повествований об Аврааме и других праотцах? Или об исходе из Египта и заселении Ханаана? Или даже евангельских повествований? Когда-то, полвека назад, многие библеисты были настроены на этот счет очень оптимистично, сегодня оптимизма сильно поубавилось. Но проверить, жил ли некогда человек по имени Авраам и по какому маршруту он прошел, практически невозможно.

Но зато можно очень хорошо проследить историю «авраамической идеи»: как устроены тексты об Аврааме, о чем они говорят читателю, как понимались, цитировались, истолковывались эти тексты на протяжении последующей истории, что они значат для нас сегодня? Вот тут, пожалуй, библеистика добилась куда более серьезных успехов, чем можно было представить себе полвека или век тому назад, и об этом пойдет речь в некоторых из глав этой книги. А пока поговорим о вещах попроще.

Самая простая и очевидная задача любой науки — описание и классификация наличного материала: например,

сравнение рукописей и содержащихся в них разночтений. И до сих пор мы читаем в русском Синодальном переводе 5-й главы Бытия: «Адам жил сто тридцать [230] лет и родил [сына] по подобию своему [и] по образу своему, и нарек ему имя: Сиф. Дней Адама по рождении им Сифа было восемьсот [700] лет». Слова, выделенные скобками, взяты из греческого текста, а те, которые стоят без скобок, — из еврейского (этот пример уже упоминался в 6-й главе).

Какой вариант изначальный, какой более правильный? Мы точно не можем сказать, у нас нет достаточных данных — оригиналы библейских книг до нас не дошли, равно как и параллельные жизнеописания Адама, независимые от Бытия, которые могли бы позволить проверить фактическую сторону. Уже стало немного неуютно? Что ж, дальше сомнений будет еще больше.

Раскроем 20-ю главу книги Судей. Там описан небольшой эпизод ранней израильской истории — сражение венимитян с прочими коленами или племенами Израиля у города Гива. Со стороны прочих колен в битве участвовало 400 000 человек. Со стороны венимитян выступило всего 26 700 воинов. Сравним: в Бородинском сражении со стороны Наполеона принимало участие 138 000 солдат, с российской стороны чуть меньше. В самой грандиозной битве наполеоновских войн, сражении под Лейпцигом, французская армия насчитывала около 200 000 солдат, им противостояли объединенные силы союзников числом до 350 000, и получается, битва при Гиве Вениаминовой оставалась самым грандиозным сражением в мировой истории вплоть до 1813 года, но она не упоминается нигде, кроме Библии!

Попробуем разобраться. Для начала посмотрим, как описаны там потери сторон: «Воины племени Вениамина вышли из Гивы, напали на них — и перебили в тот день двадцать две тысячи израильтян... и в этот день вышли из Гивы,

напали на израильтян — и перебили еще восемнадцать тысяч воинов; вооруженных мечами... Они, как и прежде, стали убивать израильтян, гнались за ними вдоль дороги, соединяющей Бет-Эль и Гиву. Они убили около тридцати израильтян» (20:21, 25, 31 перевод РБО).

Сначала цифры буквально наполеоновские — десятки тысяч убитых в день. И вдруг особо оговаривается потеря тридцати бойцов! Да что они значат на фоне десятков тысяч? И дальше точно такая же нелогичность: «В тот день израильтяне перебили в их войске двадцать пять тысяч сто человек, вооруженных мечами... Воины племени Вениамина убили уже около тридцати человек и думали: „Израильтяне разбиты, как и в первом сражении"... Они потеряли восемнадцать тысяч человек — и все это были могучие воины!» (20:35, 39, 44). Гибель тридцати человек выглядит как явная победа — и это на фоне многотысячных потерь!

А исход боя решила засада, которую устроили израильтяне: когда войско вениамитян увлеклось преследованием, эти воины неожиданно напали на город. И было их... 10 000 человек (20:34). Как можно было спрятать в укромном месте целую дивизию?

Здесь напрашивается простое предложение: убрать слово «тысячи». Тогда все выглядит очень логично и реалистично: в сражении участвовало 400 израильских воинов, а со стороны Вениамина было только 26 бойцов, зато к ним присоединились еще 700 пращников (20:15) — может, именно потому израильтяне и несли тяжелые потери, пока пращники обстреливали их с городских стен, оставаясь неуязвимыми. Эти потери составляли 22, 18 и, наконец, 30 человек — действительно, существенный урон для отряда в 400 бойцов! Ну, а в засаде тогда могли быть всего лишь десять самых умелых воинов, которые в нужный момент нанесли решающий

удар в тыл вениамитянам. Им было нетрудно спрятаться на пересеченной местности.

Есть гипотеза, что вместо слова «тысяча» в оригинале изначально стояло некое другое слово, означающее вооруженного воина (в отличие от ополченцев-пращников). Проверить, так это было или нет, мы едва ли можем, но звучит достаточно убедительно.

А могли ли вкрадываться подобные ошибки в священный текст? Безусловно, и мы видим тому ясные свидетельства. Вот что сообщает нам 2 Цар. 24:1-9: «Снова разгневался Господь на израильтян и стал подстрекать Давида действовать против них. Он дал такое повеление Давиду: „Иди, пересчитай Израиль и Иуду!“... Иоав предоставил царю данные переписи народа: в Израиле было восемьсот тысяч мужчин, носящих меч, и в Иудее — пятьсот тысяч».

А вот параллельный рассказ о той же переписи из 1 Пар. 25: 1-5: «Сатана напал на Израиль и стал подстрекать Давида устроить в Израиле перепись... Иоав предоставил Давиду данные переписи народа: в Израиле было миллион сто тысяч мужчин, носящих меч, и в Иудее — четыреста семьдесят тысяч». Здесь есть одна интересная проблема: в первой версии все происходит по воле Божьей, во второй — по наущению Сатаны. Мы бы сказали сегодня, что это было одновременно Божье попущение и искушение от Сатаны, но мы сейчас не об этом, а только о цифрах.

Итак, сколько там было человек? По одной версии — 800 000 и 500 000 взрослых мужчин, по другой — 1 100 000 и 470 000. Эти цифры невозможно свести воедино, они различаются, и различаются сильно. Единственный разумный вывод — в одну из версий вкралась при переписывании ошибка. В какую? Неизвестно.

А может быть, в обе? Итак, в Израиле при Давиде проживало около полутора миллионов взрослых мужчин, что да-

ет нам общее население (включая женщин, детей и стариков) минимум в пять миллионов. Когда в 1922 году в британской Палестине провели перепись населения, там проживало всего 750 000 человек. К моменту провозглашения независимости государства Израиль в середине века это число выросло почти до двух миллионов, и им уже было довольно тесно на этой земле. Сегодня, разумеется, в государстве Израиль и на арабских территориях проживает еще больше людей, но прокормить и, главное, напоить себя они могут только с применением современных технологий.

Согласно приблизительным оценкам археологов, традиционные методы сельского хозяйства в Ханаане позволяли прокормиться примерно одному миллиону человек — кстати, примерно столько жило там во время Второй мировой войны, когда подвоз продовольствия извне прекратился, а хозяйство велось достаточно примитивными методами. Еды хватало, но в обрез.

Так что же, оба варианта неточны? Видимо, да. Может быть, слово «тысяча» (и это еще одна гипотеза!) обозначало здесь вовсе не 1000 человек, а некий военный отряд, ведь и считали не просто население, а бойцов, способных держать оружие. Вряд ли переписчики ходили по домам и лично считали каждого взрослого мужчину, тем более что днем все они были на работе, а ночью подсчетами заниматься неудобно. Скорее всего, они приходили к старейшинам каждого селения и спрашивали, сколько бойцов сможет селение выставить в случае необходимости.

«Тысячу!» — отвечал старейшина, и это могло быть хвастовством, столь привычным на Ближнем Востоке. А может быть, это было обозначением воинского отряда вроде казачьей сотни — в ней же не обязательно было ровно 100 казаков. В начале XX века казачья сотня в России насчитывала 120 штатных единиц в мирное время и 135 в военное, но это

максимальный состав, конечно. В походе, неся потери убитыми, ранеными и больными, сотня сокращалась в размерах, но не переставала называться сотней.

Может быть, и «пятьсот тысяч» надо понимать не как 500 000 бойцов в едином строю, но как пятьсот отрядов, каждый из которых назывался «тысячей», но насчитывал значительно меньше человек? Опять-таки, тут мы можем только догадываться. Единственное, что мы знаем точно, — понимать буквально эти огромные цифры израильского населения едва ли возможно с точки зрения науки.

Но ведь в древности и отношение к цифрам было другое. Вот контрольный вопрос: сколько было в Израиле колен или племен? Все, разумеется, ответят: двенадцать. А теперь давайте подумаем: у Иакова, он же Израиль, было двенадцать сыновей. От одного из них, Иосифа, произошло сразу два племени: Ефрем и Манассия, а от остальных по одному. Сколько это дает нам в сумме? Разумеется, тринадцать. Но тринадцать — не круглое число, «некрасивое», у него нет такого символического значения полноты, как у двенадцати. И вот Ефрем и Манассия засчитываются за одно «племя Иосифа» (которого в реальности не было), или же племя левитов, не имевших собственной территории, не входит в исчисление племен, и так сохраняется красивое число с символическим значением.

И последний пример. Как относится длина окружности к диаметру? Иными словами, чему равняется знаменитое число π ? Наверняка первое, что придет в голову, — 3,14. Но это приблизительный ответ, это число не может быть абсолютно точно выражено с помощью нашей десятичной системы: 3,1415926535897932 — и дробь можно продолжать дальше, за каждым знаком будет следовать новый. Надо полагать, что при изготовлении высокоточного оборудования в вычислениях оно учитывается до какого-нибудь десятого знака после запятой, а в быту нам и одного бывает много.

В библейские времена, если подходить буквально, это число равнялось трем. Вот как 3 Цар. 7:23 описывает огромный медный чан для омовений, стоявший у входа в Храм: «Хирам сделал Море — литое, круглое; в десять локтей от края до края; высота его — пять локтей; окружность, если померить шнурком, — тридцать локтей». Нетрудно посчитать, что диаметр этого чана равнялся десяти, а окружность — тридцати локтям.

И ведь мы даже не знаем точно, чему был равен локоть — около полуметра, на наш счет, но эталона локтя, одинакового для всех (подобного современным эталонам метра, килограмма и т. д.), в те времена не существовало. Локоть у каждого был при себе, и у каждого был разный. При такой точности измерений достаточно было определять число я с точностью до целого.

Цифры только выглядят одинаковыми во все времена. Их считают люди, а люди видят мир по разному, — и потому могут предъявлять к древнему тексту ожидания и требования, которые соответствуют нашей, а не древней реальности. Собственно, это и помогает нам понять библеистика.

17. Ловушка фундаментализма

Вопрос, который мне доводилось слышать не раз: можно ли заниматься библеистикой как наукой и оставаться при этом настоящим православным? Впрочем, еще чаще мне приходилось слышать ответ: нет, ни в коем случае нельзя. Неблагодарно. Часто слышал я и заявления о своеобразии и ценности православной библеистики, которая вполне совместима с традиционным благочестием, но, к сожалению, из конкретики в лучшем случае приводятся примеры дореволюционных русских библеистов. Они по-своему интересны, но спустя сто с лишним лет их достижения не выглядят актуальными.

Обычно сторонники такого подхода высказываются в пользу фундаменталистского прочтения Библии, и стоит разобратся, что это такое, фундаментализм в изначальном понимании этого слова, действительно ли он совместим с православной традицией и насколько помогает нам найти решения наших проблем.

Либеральная библейская критика, расцвет которой пришелся на вторую половину XIX — начало XX вв., интересовалась не столько текстом, который дошел до нас, сколько реконструкцией событий, лежавших в его основе. Из этой реконструкции заведомо исключалось всё чудесное, да и вообще всё, что в той или иной мере не соответствовало теориям реконструкторов. Вместо того Христа, в Которого верит церковь, на сцену выводился некий «исторический Иисус», причем у разных исследователей он получался неодинаковым.

Нет ничего удивительного в том, что для традиционных христиан любых деноминаций такой подход оказывался неприемлемым. Своеобразным «отрицанием отрицания» стал

фундаментализм — течение, зародившееся на рубеже XIX–XX вв. в США. Теперь это слово применяют к любой религиозной группе, которая настаивает на безукоризненном исполнении правил своей религии и навязывает ее всем остальным, но изначально фундаментализм родился среди протестантов, хотя эти воззрения разделяли и разделяют многие католики и православные.

Само название восходит к серии книг «The Fundamentals», опубликованной в 1910 году М. и Л. Стюардом. Как нетрудно понять из названия, сторонники этого движения настаивали на некоторых фундаментальных истинах христианской веры: девственном рождении Христа, Его телесном воскресении, достоверности сотворенных Им чудес. В принципе, это естественная позиция любой группы христиан, придерживающихся своей традиции. Чтобы исповедовать ее, не нужно писать отдельных книг — достаточно Символа веры.

Но есть в фундаментализме и нечто такое, что превосходит этот Символ, что разделяется уже далеко не всеми традиционными христианами — это, прежде всего, принцип *буквальной непогрешимости* Писания: поскольку оно есть Слово Божие, то каждое его высказывание истинно в прямом и непосредственном смысле. Писание следует толковать буквально, если только сам текст Писания не призывает к обратному (например, не называет повествование притчей). Эта позиция тоже кажется традиционной, но на самом деле для Отцов Церкви, да и практически всех средневековых толкователей аллегорический и иные не прямые смыслы Писания имели ценность никак не меньшую, чем смысл буквальный. Фундаментализм, напротив, настаивает на безусловном первенстве и непогрешимости именно буквы Писания.

В результате сторонники этого направления, например, категорически отвергают теорию эволюции на том основании, что в книге Бытия сотворение животных описывается

как единовременный процесс, не оставляющий места постепенному развитию (об этом мы подробнее поговорим в следующей главе). Да и сами шесть дней творения понимаются фундаменталистами обычно как шесть промежутков по 24 часа, а возраст Вселенной при таком подходе насчитывает примерно семь тысяч лет. Такой взгляд называется единственно соответствующим Библии, но, по-видимому, с тем же успехом можно было бы считать единственно библейским представление о плоской неподвижной Земле, над которой движутся Солнце, Луна и звезды, поскольку именно этим языком пользуются библейские авторы.

Российская библеистика до революции 1917 года была наукой достаточно молодой, оригинальной научной школы отечественные учение еще не успели сформировать, и основные их усилия сводились к тому, чтобы осмыслить и творчески перенять лучшие достижения библеистики западной. Собственно, в этом нет ничего нового — именно так обычно и начинался путь отечественной науки, в том числе и богословской, чтобы затем стать вполне самостоятельной и в некоторых областях даже превзойти западноевропейскую. Это удалось, например, с литургией, но с библеистикой такого не случилось ни до революции, ни, тем более, после. В результате российские библеисты и сегодня вынуждены так или иначе перенимать западные методы, пользоваться выводами западных коллег, — для православных вполне естественно при этом следовать наиболее консервативным образцам.

Именно поэтому фундаментализм — протестантское по своему происхождению течение — вдруг начинает восприниматься в России как некое чуть ли не святоотеческое учение. Но я глубоко убежден, что он скорее разрушителен, нежели полезен для российской библеистики, которая только начинает у нас складываться.

Когда около ста лет назад Н. Н. Глубоковский в эмиграции принялся с помощью историко-филологических методов доказывать, что Послание к Евреям было написано непосредственно апостолом Павлом, он взял на себя неразрешимую задачу. Можно сказать: «Я верю, что Послание написал сам апостол, поскольку об этом свидетельствуют многие церковные писатели», и это будет самодостаточное утверждение, ведь вера не требует доказательств. Но если уж прибегать к анализу стиля, композиции, манеры изложения, если смотреть на место этой книги в новозаветном каноне, то придется признать, что она сильно отличается от всех прочих посланий, носящих имя апостола Павла. Метод противоречит выводам, и, более того, научный анализ, направленный исключительно на доказательство заранее заданной точки зрения, перестает, по сути, быть научным. Исследователь здесь не столько разбирает разные аргументы, сколько отбирает те, которые ему потребны для доказательства, первичен у него не анализ, а вывод. Потому утрачивает смысл и дискуссия: если обе стороны имеют определенную и неизменную точку зрения, которая не может ничем быть поколеблена, то им и говорить меж собой не о чем.

Когда разразилась революция, отечественные библеисты во многом еще не определили своего положения на этой шкале, одним полюсом которой были либеральные критики, а другим — фундаменталисты. Понятно, что после 1917 года на повестку дня вышли совершенно другие вопросы, но много ценного было сказано, к примеру, А. В. Карташевым в его речи 1944 года «Ветхозаветная библейская критика». Он говорил о том, что прятаться от нее не нужно, что она позволяет уточнить многие детали человеческой стороны Библии, «ибо Библия есть не только слово Божие, но и слово человеческое в их гармоническом сочетании, точнее — слово бого-

человеческое». Много в той речи можно было бы уточнить, но этот принцип не потерял своей актуальности.

Однако в целом позицию Карташова разделяли немногие православные — я прекрасно помню, как еще недавно само выражение «парижская школа богословия» воспринималась чуть ли не как название ереси, и, похоже, эти времена возвращаются... Но что предлагается взамен?

Подход А. В. Карташова и других ученых и богословов, принадлежащих к этому «срединному» направлению, заключается в том, чтобы позволить себе свободу научного анализа, оставаясь в рамках церковных догматов. Эти рамки достаточно широки: в конце концов, вера в Воскресение Христово или в Сотворение мира Богом не может быть подтверждена или опровергнута наукой, поскольку наука изучает вещи естественные, а мы верим в сверхъестественное. Мертвые, по данным науки, не воскресают — именно поэтому для нас так значима вера в Воскресение, превосходящее законы естества. Если бы оно этим законам соответствовало, в нем не было бы ничего спасительного для нас.

А если исследователь пришел к выводу, что Послание к Евреям в его окончательном виде почти наверняка не писал апостол Павел, что это значит для него? Только одно: авторитет текста не связан с его человеческим авторством. Церковь приняла это Послание как богодухновенное, увидела в нем изложение своей веры и включила его в канон. Кем оно было написано — учениками Павла с его слов, или каким-то отдельным автором, — в данном случае никак не влияет на авторитетность самого текста, на истинность высказанных в нем идей.

Как и столетие назад, мы можем творчески перенимать сегодня западный опыт. В нашем отставании есть и свои положительные стороны: мы можем не повторять чужих ошибок, а сразу делать из них выводы. На Западе давно идет и

дискуссия о фундаментализме, я приведу сейчас только одно имя, хорошо знакомое российскому читателю: Дж. Данн. Я разделяю не все положения, высказанные Данном, но о фундаментализме он говорит замечательно верно.

Прежде всего отмечу, что здесь исключительно важен психологический фактор. Фундаменталист жаждет *уверенности*. Он должен точно знать, что некие важные для его веры положения остаются незыблемыми и никто не дерзает на них посягнуть. Казалось бы, такая уверенность напрямую связана с верой... но она на самом деле исключает еще одно понятие, названное словом от того же корня. Уверенность исключает *доверие*. Если я в чем-то уверен, это значит, я знаю всё наверняка, всё контролирую сам и никому не позволю на этой территории распоряжаться. Но если я доверяю человеку или Богу, я готов принять любой поворот событий, я ничего не предрешаю и всё поручаю заботам того, кому доверяю. Именно такой была вера Авраама и вера апостолов — они откликнулись на Божий призыв, еще ничего не зная, не будучи уверенными ни в чем конкретном.

А еще такая уверенность исключает возможность удивления. Если я твердо знаю, какие вещи обнаружу в своем платяном шкафу, то я уверен: там нет ничего незнакомого. Доверие, наоборот, всегда готово к открытию: с детской непосредственностью оно входит в прекрасный сад любящего Отца и не знает, какие именно цветы и плоды встретит в нем сегодня, но знает, что они будут прекрасны. Доверие готово бесконечно удивляться, а значит, расти, изменяться и жить. Уверенности это не дано, она ходит вокруг прекрасного сада, как сторож с колотушкой, и зорко следит, чтобы никто чужой туда не пролез. Но ей не до того, чтобы пользоваться дарами этого сада.

Данн говорит, что фундаментализм отказывается от трех вещей, и я с ним в этом согласен. Из них первая — это

представление об *ограниченности* человеческого слова, *условности* наших формулировок. Для святоотеческого подхода как раз всегда был значим апофатический подход: мы просто не в состоянии словесно выразить всю полноту Истины, мы можем лишь указать на нее, определить те пределы, за которыми ее нет. Но фундаменталист начинает претендовать на то, что словесные формулы вмещают всю ее полноту. Среди протестантов это приводит к так называемой библиолатрии, когда люди поклоняются тексту Библии, а не Тому, о Ком текст говорит. Поскольку православные текст читают намного реже, их в библиолатрии не упрекнешь, но все равно плоды получают не слишком добрыми.

Во-вторых, фундаментализм отказывается от *ситуативности* и *контекстуальности* текстов Писания. Мы видим в нем множество человеческих историй, и то, что говорится одному человеку в его ситуации, не обязательно может быть применено к другому в другой, но при фундаменталистском подходе текст бронзовеет в виде законченных догматических формулировок, изреченных единожды и на все времена. Из него уходит личное измерение, он уже становится не свидетельством о жизни людей, а правилами, по которым людям следует жить. Но не этот ли подход обличал Христос, споря с фарисеями?

Наконец, фундаменталист утрачивает *разнообразие* стилей и приемов, становится нечувствительным к *поэтичности* библейского текста. Все, что может быть понято буквально, должно для него пониматься буквально, а это приводит ко множеству несуразностей. Например, когда книга Исход повествует о том, что вода в Ниле превратилась в кровь, должны ли мы понимать это так, что она стала настоящей животной или человеческой кровью, а следовательно, содержала эритроциты и лейкоциты, была определенной группы? Едва ли. Но если быть последовательными фундаменталистами,

нам придется доказывать, что такое и только такое прочтение может считаться истинным.

Нетрудно убедиться, что Отцам Церкви такой подход все-таки не свойствен. Их обычно вообще мало заботило буквальное, историческое толкование, да это и не удивительно, они прекрасно сознавали, что живут в другой стране спустя века после этих событий, говорят не на том языке, что библейские персонажи, и не имеют достаточных средств и способов, чтобы прояснить детали тех или иных исторических событий. Поэтому, хотя духовное и нравственное толкование Библии Отцами выполнено на непревзойденном уровне, в отношении буквального понимания Писания у нас все же остается много пробелов. Они могут быть отчасти восполнены при помощи современной науки.

Так же Данн говорит о трех практических последствиях фундаментализма. Во-первых, это *отказ от интерпретации* текста, в православном варианте он может оформляться как «Отцы за нас уже всё сказали». В любом случае, это представление о том, что существует очень ограниченный набор правильных толкований, который уже исчерпывающим образом перечислен в немногих книгах, и нам достаточно их просто повторять. Но это значило бы сдать Библию в архив, перестать видеть в ней Слово Божие, обращенное не к древним толкователям, а к каждому из нас.

Второе последствие — *гомогенизация текста*, то есть его приведение «к виду, удобному для логарифмирования». В свое время примерно по тем же мотивам Татиан составил сводную версию четырех Евангелий, «Диатессарон», но церковь его отвергла — ей важно было сохранить свидетельства четырех евангелистов, пусть они в каких-то мелких деталях расходятся меж собой — это как раз говорит об их подлинности, поскольку никогда четыре человека не могут сооб-

щать совершенно одно и то же, если предварительно не стоворились меж собой.

А третье следствие — это *гармонизация*, стремление к устранению любой ценой всех формальных противоречий, не только между разными книгами Библии, но и, к примеру, между всеми ними и данными естественных наук. Книгу Бытия при таком подходе обязывают быть заодно учебником по космологии, астрофизике, геологии, палеонтологии, ботанике и десятку других дисциплин. Но зачем?

Шире говоря, фундаментализм приводит к утрате в Библии *человеческого элемента*. Она понимается как Слово Божие, и это кажется вполне правильным и благочестивым, но при этом отрицается, что она содержит в себе и нечто человеческое. И если принять этот подход, перед нами встанет ряд очень серьезных проблем. Снова назову, вслед за Данном, три.

Нам не избежать проблемы *научно-методической*: мы сами себя принудим доказывать то, что от имени науки доказать просто невозможно, например, Павлово авторство Послания к Евреям или Сотворение мира семь тысяч лет назад. Но нам придется всех убеждать, что именно такова и есть наша, правильная наука — хотя на самом деле она вовсе не будет являться наукой, а будет только заимствовать некие научные формы.

Вторая проблема — *педагогическая*. Мне доводилось видеть людей, которые были православными христианами, начинали заниматься библеистикой и... уходили из церкви, иногда теряя веру в Бога полностью, иногда отказываясь лишь от традиционной церковности. Можно сказать, что слаба была их вера, и что библеистика есть духовно опасное поприще, с этим я не буду спорить. Но ведь этим людям объяснили в свое время, что в церкви есть некий стандартный набор правильных ответов на все вопросы. Пока они не под-

вергали эти ответы самостоятельному анализу, они их устранивали. Но как только они постарались разобраться во всем с позиции разума, ответы перестали быть убедительными. Честность требовала отбросить либо доводы разума, либо постулаты веры — они решили последовать разуму.

Наконец, это *духовная* проблема. При таком подходе наша церковь, боюсь, рискует разделить судьбу Александрийской, некогда славнейшей и величайшей на всем Востоке. Александрийцы упорно держались формулировок своего великого Отца, св. Кирилла Александрийского, ни в чем не отступали от них, ничуть не умалили Божественного достоинства Христа, но впали сначала в ересь, а затем и в ничтожество. Сегодня коптская церковь по-прежнему хранит словесные формулировки св. Кирилла, хранит свои древние обряды, но это уже этнографический реликт, островок в мусульманском или светском море. Ее судьба — предостережение для нас.

Итак, настало время сделать вполне предсказуемый вывод. Фундаментализм нередко представляет себя как выход из того положения, в которое стремится завести христианство либеральная библейская критика. На самом деле, это не выход, а ловушка. Фундаментализм не тождествен здравому, творческому консерватизму, который гораздо больше подходит христианину. Здесь, разумеется, можно задать вопрос, в чем должен заключаться этот здравый консерватизм, но готового и простого ответа у меня нет.

В поисках ответа нам явно пригодится опыт католиков, творчески осмысливших новейшие научные открытия и интеллектуальные моды и постаравшихся определить отношение к ним церкви. Ключевую роль играли три официальных документа, вышедших с интервалом ровно в полвека.

Энциклика Льва XIII *Providentissimus Deus* (название, данное по первым словам энциклики, переводится как

«Предусмотрительнейший Бог») увидела свет в 1893 году. Единственным авторизованным текстом Библии эта энциклика называла латинскую Вульгату. При этом она поощряла изучение текстов на языках оригинала, но уже во вторую очередь. Она порицала за излишний рационализм и ложные философские предпосылки так называемую «высокую критику», то есть основное направление научной библеистики того времени, но оставляла место для второстепенной «низкой критики» (по сути, текстологических исследований разных рукописей). Энциклика принимала за непреложный принцип, что между верой и наукой не может быть настоящих разногласий, куда каждая из них говорит на своем языке и не выходит за пределы своей компетенции — весьма здравая идея. Основная идея энциклики такая: занимайтесь на здоровье теми научными дисциплинами, которые не могут привести вас к противоречию с верой. Но не более того.

Второй документ появился в 1943 году, это была энциклика Пия XI *Divino Afflante Spiritu* («По внушению Божественного Духа»). Она уже видела в Вульгате самый традиционный, но далеко не единственно аутентичный текст. Она признавала различные научные методы и объясняла расхождения некоторых библейских текстов с данными современной науки тем обстоятельством, что библейские авторы не обладали нашими знаниями об окружающем мире и говорили на языке своего времени (а значит, Шестоднев никто не обязан понимать буквально). И это уже совсем другая позиция.

С чем связана такая перемена? Может быть, с тем, что в разгар Второй мировой невозможно было далее охранять от опасных идей уютный мир старой Европы — он уже сгорел в огне двух великих войн, — и приходилось думать о том, как строить на пепелище нечто новое. Заметим, что речь Карташева была произнесена вскоре после появления этого документа и наверняка под его влиянием.

В 1965 году основные положения этой энциклики были подтверждены догматической конституцией II Ватиканского собора под названием *Dei Verbum* («Слово Божье»), где, в частности, подчеркивалось единство Писания и Предания для жизни церкви. Толкование Писания доверено Магистерриуму (грубо говоря, церковному епископату, имеющему право учить членов церкви), но и Магистерриум должен служить Писанию, а не стоять над ним.

И энциклика, и конституция ясно следовали тому же «принципу воплощения»: как Слово стало плотью в определенном месте и в определенное время, так и текст Писания, да и всякое иное проявление веры, возникает и живет внутри исторического процесса, а значит, его внешние, исторические формы могут быть изучаемы с помощью обычных научных методик.

Наконец, в 1993 году был выпущен в свет официальный документ Папской библейской комиссии под названием «*Интерпретация Библии в церкви*». Он подтвердил основные положения *Divino Afflante Spiritu* и *Dei Verbum*, отметив в то же время, что некоторые современные направления для католиков неприемлемы — речь шла в основном о «богословии освобождения» и «феминистской герменевтике», построенных на идеологиях, неприемлемых для католицизма. Но тем самым всё, что порицалось в *Providentissimus Deus*, окончательно выводилось из-под удара, ведь в XIX веке ничего подобного просто не существовало. Мы видим: за полтора столетия всё, что выросло из «высокой критики», было так или иначе освоено католиками, хотя, конечно, и современная библеистика очень далеко ушла от радикализма и всезнания былой «высокой критики».

Что же позволяет исследованиям католиков-ученых считаться католическими? С точки зрения последнего документа — то обстоятельство, что их работа сознательно ставится

в контекст живого церковного Предания. Современная герменевтика утверждает, что полностью объективное восприятие невозможно, и в данном случае осознанная субъективность вполне может быть церковной. Но этот официальный документ не ставит конкретных рамок, да их, вероятно, и не может быть на всякий случай жизни. И все же общий принцип понятен.

Документ папской комиссии предлагает рассматривать библейский текст на разных уровнях, например духовном, нравственном и историческом. Этот подход напоминает широко распространенное в Средние века представление о разных смыслах Библии, но возвращается к нему уже на новом, более глубоком и современном уровне. Сходное отношение, кстати, можно заметить и у современного православного автора, о. Теодора Стилианопулоса, чья книга недавно вышла и на русском под названием «Новый Завет: Православная перспектива. Писание, предание, герменевтика».

Словом, чем дальше шло дело, тем меньше было в католических официальных документах конкретных рекомендаций и списков. Зато тем больше конкретных достижений католической библеистики появлялось на практике: это и «Иеронимов комментарий» ко всем книгам Библии, и серия переводов на разные языки под общим наименованием «Иерусалимская Библия», и журнал «Библика», и папский институт библейских исследований в Ватикане, и многое другое. И что не определяется в официальных документах, уточняется на практике.

Разумеется, у православных с католиками немало различий в подходах к одним и тем же вопросам. Но так уж сложилось, что со времен Петра Могилы, если не ранее, русское богословие обычно брало за основу то, что было наработано католиками, вносило соответствующие коррективы и усваивало. В конце концов, и колокольный звон пришел на Русь из

Европы, так что не зазорно будет перенять и обычай всерьез заниматься библейскими исследованиями.

А вот насчет поправок, которые придется вносить, одна идея есть. Не обязательно принимать три документа, да еще с интервалом в полвека — вечно католики пытаются всё задокументировать! Одни границы ставила первая энциклика, *Providentissimus Deus*, другие — вторая, *Divino Afflante Spiritu*. В католическом мире есть люди, чье благочестие совместимо лишь с первой, и есть те, чье — со второй. Вероятно, есть и те, для кого благочестие принципиально не совместимо с библейской наукой, — ну так они ей и не занимаются.

Но подобные люди есть и в мире православном. Может быть, просто дать им свободу выбирать свой вариант и чтобы никто никому ничего не навязывал?

18. Умножение сложности

Итак, для многих искренне верующих христиан принятие эволюции стало прямо-таки догматом веры. Они полагают, что можно верить либо в Бога, сотворившего мир, либо в теорию Дарвина, согласно которой он возник случайным образом. И от меня нередко требуют определиться с позицией: так ты веришь в эволюцию или нет?

С моей точки зрения, эта теория вообще не является предметом веры, но такого ответа обычно не хватает. Попробую объяснить подробнее, и начну издалека, ведь я не биолог, а филолог. Хотел бы обратить внимание на еще одну историю, которая очень по-разному описывается в Библии и в современных научных трудах: развитие языков.

Всем очевидно, что языки с течением времени меняются. Мы с трудом разбираем древнерусские летописи, а когда пытаемся читать Шекспира на языке оригинала, убеждаемся: Гамлет говорил не так, как сегодня говорят в Лондоне или Нью-Йорке. Было время, когда эти изменения описывали как «порчу» изначально чистого языка: дескать, итальянский, испанский, французский и другие романские языки — это испорченная простонародная латынь. Действительно, в основе этих языков лежат народные говоры, но теперь, когда на каждом из них создана великая литература, никто так не назовет язык Данте или Сервантеса.

Очевидно, что языки развиваются, что от одного предка могут происходить разные потомки, что они могут влиять друг на друга, изменяться до неузнаваемости и умирать. Но если это происходит сегодня, вероятно, так было и в те времена, от которых письменные источники до нас не дошли? Реконструкцией таких изменений занимается сравнительно-

историческое языкознание. Оно подсказывает нам, например, что русские слова *начало* и *конец* произошли от одного корня с чередованием гласного: *кен/кон*. В слове *начало* была приставка *на-*, суффикс *-ло* (ср. *шило*, *мыло*), а корень неузнаваемо изменился. Но всем изменениям лингвисты могут привести точные параллели в других словах, это были регулярные процессы.

Более того, греческое слово *καινός* со значением «новый» и латинское *recens* со значением «недавний» произошли от него же. Естественно, это уже не русский и не славянский корень, а индоевропейский. Некогда предки славян и многих других народов Евразии понимали друг друга, потому что говорили на близких индоевропейских диалектах, и лингвисты, по данным современных языков, могут восстановить их основные черты. Когда в XIX веке лингвист А. Шлейхер реконструировал грамматику и словарь индоевропейского языка, он даже написал на нем басню, настолько он был уверен, что его реконструкция надежна. Но время шло, в его реконструкцию вносились серьезные изменения, сама возможность писать по-индоевропейски была поставлена под вопрос... Современная лингвистика делает более скромные, но и более надежные выводы.

Зато лингвисты сравнивают теперь совсем отдаленные языки: оказалось, что у индоевропейских языков есть общие корни с языками тюркскими, семитскими и многими другими. Эту макро-семью принято называть сегодня «ностратической», и на соответствующем языке (а точнее, на близких друг другу диалектах) наши предки, вероятно, говорили примерно 15 тысяч лет назад. Гениальный российский лингвист С. Старостин предполагал, что 40-50 тысяч лет назад человечество пользовалось одним языком, от которого и произошли все языки древности и современности. Его, правда, мы реконструировать не можем.

Не напоминает ли нам это утверждение нечто уже известное из Библии? Разумеется, рассказ 11-й главы Бытия о строительстве Вавилонской башни и о смешении языков. Только там говорится, что языковое единство было утрачено в один миг. А ученые утверждают, что языки отдалялись друг от друга постепенно, на протяжении тысячелетий, и мы видим доказательство этому в самом строении языков... Как тут быть?

В Средние века, до рождения современной лингвистики, существовала популярная теория о том, что изначальным языком человечества был древнееврейский, язык Ветхого Завета (нередко его отождествляли с арамейским или сирийским). На нем разговаривал Адам с Богом в раю, и при смешении языков только он остался неповрежденным, а остальные языки более или менее отдалились от него.

Мне рассказывали, что в Израиле в религиозных школах примерно так и описывают происхождение языков. И вот выпускник такой школы поступает в университет, начинает изучать лингвистику, и ему говорят, что на самом деле иврит — всего лишь один из семитских языков, сильно изменившийся по сравнению с праязыком, и что многие архаичные черты сохранились как раз не в иврите, а в... арабском! И языковой материал действительно подтверждает этот тезис.

Например, в древнееврейском языке есть слово יוֹם *йом*, которое переводится как «день». В семитских языках корень слова обычно (хоть и не всегда) состоит из трех согласных звуков, но здесь их только два: *й-м*. А вот в арабском то же самое слово يَوْمٌ звучит как *йаум*. Вероятно, в середине этого слова был еще один корневой согласный, неслоговой *у* (как английский *w*), просто в еврейском *йаум* стянулось в *йом*.

Или пример из грамматики: в классическом арабском существуют падежи: *арду* — земля (именительный), *арди* — земли (родительный), *арда* — землю (винительный, пишется

(ضرا). В еврейском все падежные значения передаются предложениями, а слово «земля» не изменяется и звучит как *эрец* (אֶרֶץ). Но существует странная наречная форма *арца* «на землю». Очень похоже на винительный падеж... Можно предположить, что когда-то и в еврейском были формы *арцу*, *арци*, *арца*, из них сохранилась только последняя, остальные утратили окончания, после чего неудобопроизносимое *арц* превратилось в *эрец*.

Если мы посмотрим не только на арабский, но и на другие семитские языки, наша догадка подтвердится: во многих из них слово «день» имеет три корневых согласных, и три падежа с соответствующими окончаниями тоже встречаются повсеместно. Выходит, что древнееврейский язык утратил эти общесемитские черты. И даже если предположить, что изначально языком человечества был не иврит, а прасемитский или даже ностратический язык, что делать с постепенностью изменений?

И тут у студента есть выбор: либо принять лингвистику как науку и попытаться прочитать текст книги Бытия другими глазами, трактуя его не так буквально, либо полностью отказаться от лингвистики. Он может сказать: да, Бог сотворил иврит таким специально, как будто этот язык уже прошел некий этап в своем развитии, но на самом деле никакого развития не было, а языковое разнообразие возникло в один момент необъяснимым образом. А лингвистика — это ересь.

Я бы не стал проводить прямые параллели между развитием языков и вопросом о биологической эволюции: это слишком разные процессы. Но стоит обратить внимание только на одну деталь: три тысячи лет назад не существовало ни современной лингвистики, ни современной биологии, и поэтому нелепо ожидать, чтобы Библия использовала соответствующую терминологию или излагала научные теории двадцать первого века (почему бы тогда не тридцать первого, кстати?).

На самом деле, никакая наука не всемогуща. Ученые решительно ничего не могут сказать о происхождении языка: на самой древней стадии, у самого первобытного племени, он уже существует как сложная система. Лингвистика может объяснить, как развиваются языки, но не может сказать нам, почему вообще человек обладает языком и как это началось. Собственно, примерно так же обстоит дело и с появлением жизни.

Может быть, нам стоит признать, что первые главы книги Бытия описывают «детство человечества» не языком современных учебников, а языком поэтических сказаний, на которых только и говорили о таких вещах тысячелетия тому назад? И говорит она не о науке — о вере.

Вера, по библейскому определению, есть «уверенность в невидимом» (Евр. 11:1): не воспринимаешь глазами, не можешь ни вычислить, ни доказать, но принимаешь как нечто самое главное в твоей жизни. А если можешь доказать или вычислить — тогда это уже никакая не вера, а наука! Она, в свою очередь, не задается вопросом «что мне делать, чтобы наследовать жизнь вечную?», она ищет наиболее логичные и непротиворечивые объяснения наибольшему количеству наблюдаемых фактов, и делает это с помощью собственного научного метода, где ничего, абсолютно ничего как раз не принимается просто на веру.

Вера говорит об абсолютном и пользуется языком вечных истин, наука — об относительном и временном, и язык ее крайне далек от всеохватности и неизменности. Любая научная теория сознает границы своей применимости и относительность своих выводов. В частности, теория эволюции описывает, строго говоря, происхождение видов и их изменчивость, но она ничего не говорит и не может сказать о происхождении жизни на нашей планете и о том, стоит ли за ней замысел Творца.

При этом наука сама постоянно развивается и изменяется. Научный труд начинает устаревать накануне своего выхо-

да в свет: когда ученый отнес рукопись в типографию, где-то уже были открыты новые факты, которые он не учел, где-то высказаны новые, более логичные объяснения для фактов уже известных и т. д. И каждый, кто будет писать на эту тему дальше, постарается уточнить, дополнить и исправить труды предшественников. Если ученый не говорит: «Все, кто были до меня, в таком-то и таком-то пункте были неправы, а я теперь объясню это лучше и точнее», ему вообще незачем садиться за письменный стол и вставать за университетскую кафедру.

Когда Дарвин высказывал свои предположения о происхождении видов, он не знал множества фактов, известных нам сегодня, — достаточно сказать, что тогда еще не были открыты гены! Еще при жизни его главный труд переиздавался несколько раз, в него вносились очень серьезные поправки, а сегодняшняя «синтетическая теория эволюции» очень многое уточнила и дополнила в первоначальных положениях. Так и автомобиль, на котором мы ездим сегодня, тоже очень сильно отличается от первых образцов, хотя ведет свое происхождение именно от них.

А как будет выглядеть нынешняя наука через сто или тысячу лет? Да может быть, так же смешно, как сегодня выглядят наивные представления людей Античности или Средневековья об окружающем мире. Часть из них, кстати, вошла в святоотеческие творения — почитайте «Шестоднев» Василия Великого, там много совершенно сказочных сюжетов, вроде рассказа о браках гиен с муренами. Просто тогда об окружающем мире знали мало.

И что же наша вера — она должна приспособливаться к донаучным представлениям того времени? Мы должны вносить в наши учебники биологии эти самые фантастические спаривания? Или, может быть, наша вера должна соответствовать научному уровню двадцать первого века? Тогда в

тридцать первом она будет выглядеть так же наивно и смешно, как сегодня — античные описания окружающего мира.

Вера говорит о вечном. Первые главы Бытия — не инструкция по сотворению мира для чайников, а повествование о Том, Кто этот мир сотворил и какие принципы заложил Он в него: упорядоченность, разумность, воспроизводство, а самое главное, главенство человека как высшей цели и венца творения. Современные ученые примерно то же самое называют словами «антропный принцип».

А как же буквальное понимание слов о творении Вселенной за шесть календарных суток, сразу в готовом виде? Видимо, можно понимать их не буквально. Мы многое понимаем в Библии не буквально: Христос называл Себя дверью, лозой, путем и многими иными словами. Или вот еще один пример: Библия повествует о том, как при Иисусе Навине однажды солнце остановилось в небе, чтобы дать израильтянам возможность победить своих врагов, доколе не закончился день.

Предлагаю тем, кто настаивает на строго буквальном понимании каждой страницы Библии, прокомментировать этот отрывок. Нет, не говорите мне, что земной шар на время прекратил свое вращение, причем это произошло для израильтян в индивидуальном порядке, а другие народы этого не заметили. Тут ясно сказано про движение солнца по небу. Так что никакого земного шара, это ересь: земля плоская, а солнце ходит вокруг нее по небесному своду. Так учит Библия.

Да, возражают мне, тут неувязка, но если начать понимать Библию не буквально, мы дойдем до отрицания Воскресения Христова! Дескать, Он тоже «воскрес» в переносном смысле: Его учение бессмертно и проч. Где граница?

Граница для нашей веры давно проведена, и называется эта граница «Символ веры». В нем изложены те основные вероучительные положения, без которых христианин — не христианин. И про воплощение, распятие, воскресение и вознесе-

ние Христа там сказано очень ясно. Про Сотворение мира — только то, что Бог его сотворил. Вот, собственно, и ответ.

Впрочем, особенно важен для верующих вопрос о происхождении человека: создан ли наш вид Богом сразу в готовом виде или все же возник в результате мутаций и естественного отбора? Мне всегда казалось это противопоставление ложным: был роман в стихах «Евгений Онегин» сочинен А. С. Пушкиным или он был отпечатан в типографии А. Ф. Смирдина?

Ну вот стоит же на полке книга, она отпечатана типографским способом, а Пушкин, как мы знаем, писал пером и чернилами... И вообще это издание вышло пару десятилетий назад и даже в другой орфографии! Тем более, во времена Пушкина не было Интернета, он никак не мог выложить туда свой текст, а теперь он там есть. Ну точно не Пушкин. Ложная логика, как ни крути!

Но собеседники мои не сдаются: пусть в том, что касается физиологии, человек мало отличается от прочих приматов. Но вот про человеческое сознание разговор особый: у животных его нет. Современные биологи стараются проследить истоки определенных моделей поведения, которые казались нам чисто человеческими. Например, альтруизм, готовность пожертвовать своими интересами, а то и жизнью во имя своей группы или общего дела — разве не противоречит такое поведение теории эволюции? Особь, которая жертвует собой, уже не оставит потомства, значит, ее гены не сохранятся в будущих поколениях. А особь, которая усыновит чужого детеныша, потратит ценные ресурсы не на воспроизводство себе подобных. Эволюция не может поддержать таких качеств, а у людей они есть!

Да, возражают эволюционисты, но популяция, в которой чаще рождаются такие альтруистические особи, имеет куда больше шансов на выживание, чем та, где каждый думает

только о себе. Отбор действует, но на уровне популяций. И тут же предсказывают, что и многие другие черты человеческого поведения могут со временем найти убедительное материалистическое объяснение. Упрощенно говоря, раньше люди не знали, почему дети похожи на родителей, а сегодня есть наука генетика; теперь люди не знают, почему они могут слагать стихи или верить в Бога, но скоро и это наука объяснит на пальцах, и уже подбирается к объяснению.

Я мало понимаю в естественных науках, но вот что приходит мне в голову... Допустим, некий инопланетный исследователь высадился бы на нашу Землю до того, как на ней зародилась жизнь. Этот исследователь собрал бы абсолютно все данные о химическом составе нашей планеты, о происходящих физических процессах, он, может быть, находился бы даже в том самом месте, где скоро возникнет живое из неживого (наука до сих пор не знает, как именно это произошло). Смог бы он это угадать и заранее описать? Смог бы он предвидеть, какие животные и растения будут населять планету через сотни миллионов лет?

Едва ли. Как только пока не известным нам образом из неживого получилось живое, оно стало развиваться по своим законам. Да, внутри живого организма проходят физические и химические процессы, там действуют те же законы, что и в неживой природе. Но жизнь не сводится к этим процессам, она должна быть описана с помощью законов биологических, которые сами по себе из химии и физики не выводятся.

Теперь представим, что наш наблюдатель, устроенный как-то совершенно иначе, чем мы с вами, попал на Землю в любую эпоху до появления человека. Он мог бы описать множество живых существ, понять, как они живут и развиваются, но смог бы он предсказать появление разума? Не просто более сообразительных животных, которые лучше будут добывать пищу или прятаться от хищников, но нас с вами, способных сознавать себя личностями? Едва ли.

Или пример из нашей собственной жизни... Ученые, как это принято говорить, «рисуют карту головного мозга». Допустим, удастся создать точный портрет всех клеток моего или вашего мозга, определить каждое из взаимодействий, которое происходит в каждый момент времени между ними. Вероятно, тогда исследователь легко определит, когда мы голодны, раздражены или, напротив, счастливы, когда видим страшный сон или вспоминаем дорогу в место, где давно не бывали. Но может ли такой анализ дать портрет меня как личности? Может ли угадать, какие стихи я сочиню, в кого влюблюсь, какую выберу профессию?

Едва ли, тут уже вступают в силу законы более высокого уровня — человеческой психологии. А если мы будем знать всё про психологию каждого члена того или иного общества, мы вряд ли сможем заранее определить, какой будет культура этого общества, какая разовьется в нем философия и что будет считаться модным в следующем сезоне. Законы общественного развития еще сложнее. Каждый шаг на более высокий уровень означает знакомство с совершенно новыми фактами и закономерностями, которые просто не могут быть поняты, а тем более предсказаны на предыдущем уровне.

Мы знаем пока далеко не всё, но достаточно много про физические и химические процессы, про биологию, психологию и культуру. А что мы знаем про Бога? Христиане начинают всякий разговор о Нем с утверждений, которые с точки зрения обыденной земной логики просто абсурдны: Бог — одновременно Один и Трое, причем Второй из Троиц одновременно полностью Бог и полностью Человек.

При этом одни богословы наивно полагают, что произнеся некоторое количество правильных словесных формулировок, мы полностью и целиком опишем эту высшую реальность, вместим ее в собственный разум. С тем же успехом можно ожидать, что шимпанзе поймет и оценит поэзию Пушкина.

Другие не менее наивные богословы полагают, что открытие неких биологических или психологических фактов может отменить, упразднить, подорвать эту высшую реальность. Но если нейрофизиолог точно определит в моем мозгу клетки, активизирующиеся при написании данного текста, авторство текста будет принадлежать все же мне как личности, а не сообществу клеток моего мозга.

Жизнь на нашей планете, как правило, шла от простого к сложному, и примерно так же развивается и каждый человек по отдельности, и вся человеческая культура. Полагаю, что все наши рассуждения о Боге, о мире духовных сущностей, о посмертном существовании — это попытка заглянуть за горизонт, увидеть краешек той реальности, которая нам пока не открыта и которая явно живет по гораздо более сложным законам.

И вот теперь мы, может быть, только подходим к некоей новой грани и как биологический вид *homo sapiens*, и как отдельные личности, с каждым новым днем приближающиеся к своей биологической смерти. И мы не знаем, что случится потом.

Атеист говорит: когда мозг умрет, это будет как выключение компьютера, исчезнет всё, что было в оперативной памяти. Но этот образ имеет свое продолжение благодаря Интернету: даже если компьютер, на котором я пишу некий текст, будет уничтожен, текст сохранится в Интернете, а сам Интернет не сводим к сумме компьютеров и серверов, соединенных проводами. Он живет по законам более высокого уровня.

Фундаменталист говорит, что он якобы знает эти законы наизусть, а они, в свою очередь, обладают свойством отменять или игнорировать факты и закономерности более низкого уровня. Идея другая, а вот степень уверенности в абсолютном собственном знании, по сути, та же.

А я скажу: мы только вышли в путь и еще не знаем, куда придем.

19. Кто написал Пятикнижие?

Обычно читатель Библии не задумывается над такими вопросами, как авторство или датировка отдельных книг. Первые пять книг Библии, Пятикнижие Моисеево? Конечно, его написал пророк Моисей, ведь оно так и называется, ведь именно так учат Писание и Предание. А кто не согласен — тот нечестивый атеист.

А потом этот читатель, особенно если он христианин, может столкнуться с аргументами другой стороны. Он их или отвергнет с порога, начиная прямо с выводов, и до аргументов уже не доберется, либо... рассмотрит и с некоторыми согласится. Что же, значит, Писание и Предание недостоверны? Такой вывод некоторые и делают.

Давайте разберемся. Предание — вещь сложная и многоплановая, в ней можно найти множество самых разных утверждений (например, о плоской Земле и вращающемся вокруг нее Солнце или о браках гиен с муренами, мы разбирали это в прошлой главе), но только некоторые из них имеют действительно вероучительное значение. Вопрос об авторстве библейских книг к их числу явно не относится.

А как же наименование «Пятикнижие Моисеево»? Разве оно не указывает на автора? Совершенно не обязательно. Так, Псалтирь у нас носит имя царя Давида, но Давид совершенно точно не писал 136-го псалма «на реках Вавилонских» просто потому, что умер задолго до вавилонского плена. Вряд ли Иона, Руфь и Иов сами написали книги, носящие их имена. И уж совершенно точно пророк Самуил не писал двух книг, носящих в еврейской традиции его имя (в на-

шей — 1-я и 2-я Царств) просто потому, что он умер к середине первой книги.

Отчасти проясняет ситуацию книга Притчей Соломоновых. Она так и называется в оригинале — казалось бы, ее целиком и полностью написал царь Соломон? Нет! Во-первых, в конце этой книги приведены изречения еще двух царей, Агура и Лемуила. Но даже не это главное, 25-я глава начинается со слов: «И это притчи Соломона, которые собрали мужи Езекии, царя Иудейского». То есть притчи произнес царь Соломон, но в книгу они вошли только при царе Езекии, двумя столетиями позднее! Все это время они существовали в виде устного предания. Книга Притчей восходит к Соломону, Соломон — главный герой, но в дошедшем до нас виде, от начала до конца, Соломон ее явно не писал.

А что же с Пятикнижием? Несомненно, Моисей — главный герой четырех из пяти книг, а первая, Бытие, по сути, предыстория Исхода под водительством Моисея. Во-первых, сам текст этих книг нигде не указывает на авторство Моисея. Нигде не сказано: «Я, Моисей, пошел туда-то, сделал то-то, а потом записал всё это». Напротив, о Моисее говорится исключительно в третьем лице.

Но есть ли в тексте аргументы против Моисеева авторства? Есть, и самое интересное, что потребовались буквально столетия, чтобы они были признаны благочестивой иудейской и христианской публикой, да и то далеко не всеми. Подробнее об этой истории можно прочитать в книге Р. Э. Фридмана «Кто написал Библию?», а мы здесь отметим только принципиальные моменты.

В XI в. в исламской (тогда) Испании еврейский врач Исаак ибн Яшуш указал, что в 36-й главе Бытия перечислены цари Эдома, жившие после Моисея. Отсюда вывод: как минимум, эти имена были добавлены к книге после его смерти. В следующем столетии его соотечественник Авраам ибн Эзра, считав-

ший, что книгу Исаака следует сжечь, все же обратил внимание на другие подобные строки: книги описывают места, в которых Моисей не бывал, в них используются выражения явно из другого времени, да и вообще о Моисее говорится в третьем лице. Итог ибн Эзра подвел так: «Если ты понимаешь, то ты узнаешь истину». Но сам он называть свои выводы вслух не стал.

В XV в. уже в христианском мире авильский епископ Тостат отметил, что повествование о смерти Моисея в конце Второзакония писал явно не Моисей. Сразу замечу, что на это часто можно слышать возражения: он пророк и мог всё заранее предвидеть. Если даже так, зачем ему было оформлять свое предвидение как повествование об уже произошедшем событии?

На этой стадии обычно считалось, что к изначальному Моисееву тексту были добавлены некоторые дополнительные эпизоды. Или, во всяком случае, так говорилось.

Но дальше — больше. В XVII в. британец Томас Гоббс и француз Исаак де Пейрер обратили внимание на множество других, менее очевидных проблем. Например, выражение «до сего дня» (Быт. 26:33,35:20 и др.). Они описывают Землю Израиля или Палестину, какой она была уже во времена самих израильтян, и объясняют происхождение некоторых названий и памятника Рахили. Мог ли так говорить о ней Моисей, никогда не бывавшей в этой земле?

А Второзаконие вообще начинается так: «Сии суть слова, которые говорил Моисей всем израильтянам за Иорданом». За Иорданом, по ту сторону реки, — это где? Контекст не оставляет никаких сомнений: на восточном берегу, еще до того, как израильтяне переправились через реку. Но «за Иорданом» может говорить в таком случае только тот, кто сам живет на запад от реки! Так, если кто-то напишет, что Европа находится «по ту сторону Атлантики», мы поймем, что автор живет в Америке и он никак не мог написать этого пре-

жде ее открытия. Так и начало Второзакония не могло быть написано до пересечения израильтянами Иордана (Моисей никогда не был на его западном берегу!).

Наконец, всё это суммировал знаменитый философ Барух/Бенедикт Спиноза (Нидерланды, XVII в). Вот еще один пример, который он разбирал подробно: «И не было более у Израиля пророка такого, как Моисей, которого Господь знал лицом к лицу» (Втор. 34:10). Дело даже не в том, что Моисею так было бы писать о себе нескромно — автор этих строк явно знал дальнейшую историю Израиля, ему было с кем сравнивать Моисея.

За вольнодумство Спиноза был отлучен от синагоги, но и христианские авторы (католики и протестанты в равной мере) ополчились на его выводы. Впрочем, отстоять Моисеево авторство всего Пятикнижия было уже нереально, брешь, так или иначе, была пробита: оказывается, Моисею может принадлежать только ядро этих книг, а остальное было дописано его последователями. Оставаясь в рамках здравого смысла, было уже невозможно утверждать однозначно: всё написал Моисей.

Протестантские фундаменталисты настаивают на непосредственно Моисеевом авторстве, потому что в ином случае книга в их глазах лишается авторитета: они думают, что это Бог непосредственно продиктовал ее великому пророку, и потому ей можно доверять.

В подлинном православном понимании этот вопрос на самом деле не выглядит принципиальным. Писание — это центральная и главная часть Предания, но граница между ними вовсе не является непроходимой. Вспомним, что даже Евангелия не были записаны сразу после Воскресения Христа и существовали несколько десятилетий в виде устных рассказов очевидцев. Только когда их стало слишком мало, а слушателей — слишком много, пришлось всё это записать для всеобщего доступа.

Примерно таким же образом постепенно складывались Псалтирь и книга Притчей, и отчего бы не допустить, что и Пятикнижие возникло не сразу, одномоментно, а в ходе своеобразной «кристаллизации» устных преданий и, возможно, некоторых письменных текстов (таких, как Десять Заповедей, которые, впрочем, тоже дошли в двух не совсем одинаковых вариантах — Исх. 20 и Втор. 5). Писание в такой модели именно что возникает из Предания, как самая важная и существенная его часть. Мы доверяем этим книгам, потому что их приняла церковь как свои вероучительные тексты, сначала ветхозаветная (народ Израиля), а потом и новозаветная (христианская община).

И что интересно, такой подход в общем и целом оказывается вполне совместимым с теми гипотезами, которые выдвигают ученые, даже если сами ученые вовсе не думали о православном отношении к Писанию.

Итак, в XVIII в. Х. Б. Виттер и затем Ж. Астриук независимо друг от друга предложили выделить в Пятикнижии различные источники в зависимости от того, как называется в тексте Творец. Они отметили, что в этих книгах много дублетов, самый известный пример — два рассказа о Сотворении мира и человека в книге Бытия (граница проходит между 3-м и 4-м стихом 1-й главы). При этом в первом рассказе Творец называется *Богом*, по-еврейски «элохим», а во втором носит имя *Господь Бог*. Слово, которое мы переводим сегодня как «Господь», в древности могло звучать примерно как «Яхве», хотя есть и другие теории на этот счет.

Поэтому «авторы» этих источников получили условные имена: *Элохист* (или *Элогист*) и *Яхвист* (или *Ягвист*), а весь текст Пятикнижия был поделен между ними. Впрочем, к этим двум источникам были добавлены еще два: цельное и вполне самостоятельное Второзаконие и отдельно Священнический кодекс, который прежде считался частью традиции Элохиста.

В классический вид «теорию четырех источников» привел в последней четверти XIX в. Ю. Велльгаузен. С тех пор четыре источника традиционно обозначаются четырьмя заглавными буквами: Е (Элохист), J (Яхвист), D (от латинского Deuteropotium, «Второзаконие»), P (от немецкого Priesterkodex, «Священнический кодекс»). Эта теория получила название *документальной гипотезы*.

Впрочем, хватит абстрактных рассуждений, пора перейти к конкретным примерам. Итак, два рассказа о Сотворении мира. Они совсем не одинаковы в деталях: например, в первом рассказе Бог творит человека в самом конце, одновременно мужчину и женщину, а во втором — сначала мужчину, потом растения и животных и лишь в самом конце — женщину. Трудно понять, как это расхождение объясняют те, кто видит в Библии текст, напрямую продиктованный Богом и излагающий вечные истины в некоем готовом и законченном виде.

А если перед нами не катехизис и не учебник по всем естественным наукам, а поэтическое повествование о Боге и человеке? Оно рассказывает не о технологии творения мира за шесть суток, а о том, откуда мир возник и почему существует и что надо знать человеку об этом мире, чтобы исполнить свое предназначение.

И вот Элогист, а еще точнее, традиция, предание, зафиксированное в первой главе, дает нам самый крупный план: мир устроен иерархично и сложно, человек — главная, но не первая его деталь. А вот предание, отраженное во второй главе, показывает крупным планом именно человека, его роль, значение и — внимание! — отношения между полами. В первой главе мы уже прочитали, что по сути своей мужчина и женщина равны, а вторая глава подчеркивает главенство мужчины в обществе и семье, в те времена для всех очевидное. Это не два разных творения мира, это две разные перспективы.

Но ведь и о Боге две традиции повествуют не одинаково. В первой главе Бог надмирен, Он лишь управляет рождением этого мира, но сам Он не присутствует в нем. Мы скажем на богословском языке современности: Бог трансцендентен. А вот во второй главе Бог буквально спускается к Адаму, чтобы показать ему зверей, потом наводит на него сон, творит жену Еву, знакомит первых супругов, объясняет им правила пользования Эдемским садом. Он участвует в жизни этого мира самым прямым и непосредственным образом.

Кто же из двух сказителей прав? Оба. Просто каждый раскрывает свою грань великой и до конца непостижимой Истины, а церковь принимает оба рассказа вместе, в их сложно устроенном единстве. «Неслитно и нераздельно», как потом будет сформулировано по другому поводу.

Самая удивительная история в Бытии, с этой точки зрения — рассказ о Ноевом потопе в главах с 6-й по 8-ю. Тут два предания соединились воедино, одно из них относится к источнику J, другое — к P. И вот в J говорится, как «раскаялся Господь, что создал человека на земле», а затем, после жертвоприношения Ноя, обещал никогда более не губить человека. Это предание содержит красочные детали об отношениях между полами (как и рассказ Яхвиста о творении мира): именно в нем рассказывается о таинственных браках сынов Божьих с дочерьми человеческими, впрочем, это отдельная тема и сейчас разбирать ее не будем.

А вот автор «Священнического кодекса» строг и немного суховат. Везде, где мы видим в этой истории слово «Бог», следуют подробные инструкции для Ноя, но о сфере божественного не говорится практически ничего. Этот сказитель любит порядок и размеренность, любит точность: «И остановился ковчег в седьмом месяце, в семнадцатый день месяца, на горах Араратских. Вода постоянно убывала до десятого месяца; в первый день десятого месяца показалися

верхи гор... Все звери, и все гады, и все птицы — всё движущееся по земле, по родам своим, вышли из ковчега». Так и видишь перед собой строгого священника, следящего за календарем и распорядком богослужения...

При этом в двух версиях есть расхождения. J сообщает, что в ковчег Господь повелел взять по семь пар чистых животных и по одной паре нечистых. А Р говорит, что в ковчег вошло только по одной паре всех живых существ. Тем, кто верит в буквальную диктовку, придется сделать вывод, что повеление Бога оказалось грубо нарушенным. По-разному указаны промежутки времени, в течение которых прибывала вода (40 и 150 дней), и птицы, которых Ной выпускал, чтобы проверить, высохла ли земля: голубь и ворон.

Впрочем, разве это принципиально важно? Вполне вероятно, что мелкие детали действительно сохранились в разных версиях по-разному, и никто уже не сможет точно сказать, был ли то голубь, или ворон, или обе птицы сразу. Но для понимания общего смысла повествования это совершенно неважно.

Зато такие детали помогают нам увидеть авторов или, точнее, сказителей. Почему священнический источник не упоминает «семь пар чистых»? Да потому, что он ничего не говорит о жертвоприношении Ноя после потопа! Зачем еще было брать дополнительное количество чистых животных, как не для того, чтобы принести их в жертву? А вот священнику, по-видимому, показалось неправильным рассказывать о каком-то жертвоприношении «на горах Араратских». Жертвы должны приноситься только в главном святилище (скинии или храме), и незачем тут создавать лишние прецеденты!

Да и образ Бога тоже в двух источниках не вполне одинаков. Сказитель-священник подчеркивает справедливость Бога, который объявляет людям Свою волю и строго наказыва-

ет за ее нарушение. А вот Яхвист подчеркивает Его готовность к милосердию и снисхождению: «не буду больше проклинать землю за человека... и не буду больше поражать всего живущего».

С самых древних времен люди, верящие в Единого Бога, знают эту истину: Он одновременно справедлив и милосерден. Если бы был только справедлив, нам не на что было бы надеяться; если бы только милосерден — для зла не оказалось бы преград. Библейские авторы и составители библейских книг тоже говорили об этом, и не всегда в виде чеканных догматических формулировок — об этом, как о многом другом, рассказывают библейские повествования.

Они, судя по всему, не были записаны под диктовку в какой-то определенный момент времени, а складывались постепенно, в диалоге Бога и Его избранного народа, в стремлении народа понять своего Творца и рассказать о нем своим детям полнее и разностороннее. И по-моему, так гораздо интереснее.

20. Две истории: Хам и Илий

В Ветхом Завете есть две истории о двух грешниках: одну постоянно вспоминают к месту и не к месту, а вот вторую часто забывают. На первый взгляд между ними нет ничего общего, кроме того, что там и там грех приводит к тяжелым последствиям — но не об этом ли говорит добрая половина Библии? А если всмотреться, у них настолько много пересечений, что одну едва ли можно правильно понять в отрыве от другой...

Первая, всем известная, — про Хама, сына Ноя, из 9-й главы Бытия. Ной был первым виноградарем и виноделом, и вот однажды, не рассчитав сил во время дегустации (никто ведь еще не знал о коварных свойствах алкоголя!), он оказался в своем шатре, беспробудно спящим в голом виде. Подчеркну особо: в своем собственном шатре, спящим. Ной никому не мешал, ни к кому не приставал, и всё, что ему требовалось, — проспать.

Его сыну Хаму всё это показалось очень забавным: он не только сам посмеялся над позором отца, но пригласил и братьев Сима и Яфета полюбоваться зрелищем. Они не захотели, а, напротив, накрыли отца одеждой, причем так, чтобы самим ненароком не увидеть его наготы. За это Ной обещал суровую участь... части потомков Хама, тем, которые произойдут от его сына Ханаана. Заметим, что сам Хам остался безнаказанным.

Одни толкователи объясняют такую непоследовательность Ноя сложным отношением древних людей к родовой структуре общества, где детям приходится разбираться с греховным наследием отцов, а другие — стремлением библейского автора с самого начала указать на будущую судьбу хана-

неев, которых на Святой Земле сменили израильтяне. Всё это верно, а кроме того, какой логичности и последовательности можно ждать от Ноя в состоянии тяжелого похмелья?

Зато имя Хама стало нарицательным. Сегодня это слово используют как ругательство в самых разных ситуациях, но что изначально сделал Хам? Он вынес в публичное пространство частный грех своего отца и предложил братьям над ним посмеяться.

Другая история рассказана в начале 1-й Книги царств, ее главный герой — первосвященник Илий. Он был предстоятелем израильского народа, а по сути, его единственным руководителем в ту пору, когда еще не было царей, а харизматичные вожди-судьи появлялись лишь иногда, по особому поводу (собственно, Илий и был на тот момент таким судьей). Сам он был человеком вполне благочестивым, как мы видим по его разговору с Анной, матерью будущего пророка Самуила.

А вот его сыновья и, соответственно, наследники пошли по совсем другому пути, как повествует Библия, «они не знали Господа и долга священников в отношении к народу». Да, они постоянно находились в святилище, перед Скинией, но в основном для того, чтобы отобрать себе лучшие куски мяса на жаркое прежде жертвоприношения, да развратничать с женщинами рядом со святыней.

И вот это уже были совсем не частные грехи, они творились на глазах народа, они оскверняли святое место, и народ рассказывал о них Илию. Илий даже сделал сыновьям выговор, но... не более того. Он не отстранил их от служения, не наказал, даже не попытался проверить, как они станут вести себя после этого выговора. А они, разумеется, принялись за старое.

И тогда в дело вмешался Господь. Устами пророка Он возвестил Илию, что весь его дом ждет суровое наказание: его сыновья умрут в один день еще при его жизни, и молоды-

ми будут умирать их потомки, а главным священником станет кто-то другой, кого изберет Господь.

Смерть обоих сыновей была страшным ударом для любого отца (особенно там, где никто не ждет для себя после смерти ничего хорошего, как в древнем Израиле), но к этому удару добавляется и другой. Должность первосвященника передавалась по наследству, и теперь на все потомство Илия вместе с должностью переходит и проклятие. Да, они останутся на прежнем месте, но сами будут этому не рады...

Затем Господь повторил свое обличение через маленького мальчика Самуила, который воспитывался при святилище. Ответ Илия до странного пассивен: «Он — Господь; что Ему угодно, то да сотворит». Еще было время для покаяния и изменения, Господь не торопился исполнить угрозу, но... он словно одеревенел, этот старец, он живет уже как придется, а не как надо, и, зная о страшном будущем, не пытается его предотвратить. Слова о всесии Творца — всего лишь оправдание собственной инертности.

А потом началась очередная война с филистимлянами. Сыновья Илия привыкли пользоваться своим служением при святилище как инструментом в поисках богатства и удовольствий, и точно так же они превращают в инструмент, в чудооружие, главную святыню израильтян — ковчег Завета. Он приносил им мясо и любовные утехы, теперь должен принести победу над врагами. Ковчег доставляют на поле боя.

Всё заканчивается военной катастрофой: ковчег захвачен, оба сына Илия пали в бою. Сам первосвященник в это время сидит у ворот святилища в ожидании вестей... «Он был стар и тяжел», и «глаза его померкли», сообщает нам повествование, и это не только о его здоровье — он отяжелел и ослеп прежде всего душевно, когда отказался видеть неприятное, отказался что бы то ни было предпринимать ради его исправления. Ему возвестили о сбывшемся пророчестве,

о том, что Израиль постиг небывалый позор — утрата главной святыни, — а оба его сына, причастные к этому позору, мертвы. Тогда Илий в потрясении пал замертво.

Дальше всё устроилось самым неожиданным образом: филистимляне вскоре были вынуждены вернуть ковчег, а во главе израильского народа стал пророк Самуил, тот самый, кто еще мальчиком предсказал падение дома Илия. Строго говоря, он так и не стал первосвященником, да и права на это не имел. Но формальная должность даже в Ветхом Завете не всегда совпадала с сутью служения, и история дома Илия — лучший тому пример.

Чем отличается грех его сыновей от той неприятности, в которой оказался Ной, вполне очевидно. Они предавались пороку не в своем жилище, за закрытыми дверями, — они делали это открыто, причем в святом месте. Ни слова упрека не сказано в адрес тех, кто донес о таком их поведении отцу, — собственно, они и должны были так поступить, чтобы остановить безобразие. К сожалению, не получилось.

И вот еще что интересно... Виноваты были как сами сыновья, так и Илий. Но Господь обратился лишь к нему. Что толку говорить с нахалами, которые о Боге и думать забыли? Потому оба обличения были обращены к человеку действительно верующему, к их отцу. Но одной веры, оказывается, недостаточно, надо еще найти в себе решимость и мужество противостоять пороку даже тогда, когда он угнездился в твоём собственном доме...

На страницах Библии можно найти множество поучительных и актуальных примеров — важно только не вырывать их из контекста, не ограничиваться лишь теми, которые цитировать в данном случае удобно. Это многогранное, но единое повествование, и рассматривать его так и надо — целиком, во взаимосвязи разных историй, образов и персонажей. И многое тогда видится яснее.

21. Метафоры спасения

Христианство — прежде всего вера, и говорить о христианской жизни, не обсуждая прежде всего вероучения, бессмысленно.

И тут же спросят: как, зачем? Разве православие — не вера, «единожды переданная святым»? Разумеется, нет. В Новом Завете мы не встретим той сложной терминологии и развернутой догматики, которая присутствует в нынешних катехизисах. Можно, конечно, сказать, что эта догматика уже сложилась целиком и полностью и с тех пор нуждается только в разъяснении и заучивании — примерно так воспринимался в советские времена марксизм-ленинизм. И теперь богословские кафедры, как некогда кафедры истмата-диамата, должны воспроизводить и популяризировать извечное учение и критиковать всяческие от него отклонения.

Но тогда встает вопрос: почему после четверти века церковного возрождения рядовой верующий, да и многие священники так плохо знакомы с богословскими вопросами? Даже в церковной проповеди то и дело можно услышать нечто, прямо совпадающее с осужденными ересями: например, что Бог Един и лишь является в трех лицах (савелианство), а еще чаще — что в Новом Завете Бог совсем не тот же, что в Ветхом (маркионитство) и т. д. А если поговорить с простыми прихожанами, порой даже вполне благочестивыми и ревностными, открытий будет намного больше: что в православии Святой Дух исходит от патриарха или что Троица — это Спас, Богородица и Святой Никола, а то и вовсе «три старца, которые на небе молятся за Русскую землю» (все примеры взяты из реальной жизни).

Простая безграмотность, отсутствие образования после советской атеистической пустыни? Двадцать пять лет назад — безусловно. Сегодня, когда изданы все мыслимые книги, а православная проповедь звучит во всех СМИ, это объяснение не проходит. И если обратить внимание на любимую православную рубрику в СМИ «вопрос батюшке», станет ясно, что интересует народ и о чем долго и подробно могут рассуждать священники: это вопросы практической жизни и подробности обрядовой практики. Как воспитать детей или как молиться за умерших родственников — важно каждому. Единосушие и триипостасность — практически никому. А ведь во времена св. Григория Нисского это обсуждали с незнакомцами на рынке или в бане...

Некоторое оживление возникает в тех случаях, когда искренний вопрос православному задает человек, не знакомый с «внутриконфессиональным языком» — например, мусульманин или даже глухонемой. Для каждого из них слово «триипостасность» — просто набор букв (в языке и мышлении глухонемых плохо представлены абстрактные понятия, которые нельзя в буквальном смысле слова «объяснить на пальцах»). И вполне грамотный православный зачастую встает в тупик: он может воспроизводить заученные формулы, но не может объяснить их другими словами. Это же происходит, если он заинтересованно и непредвзято начинает знакомиться с текстами из другой интеллектуальной традиции, где те же самые вещи описываются на совершенно другом языке с другими выводами. И такой тупик зачастую становится толчком для переосмысления (а то и потери!) собственной веры.

Казалось бы, все это значит, что последнюю четверть века священники, епископы и просто хорошо образованные христиане должны были уделять огромное внимание не столько строительству церковных стен, ответам на вопросы «как правильно поставить свечку?» и отповеди «безбожным

либералам», сколько объяснению Главных Смыслов. Но этого не произошло. Если посмотреть на речи церковных спикеров последних лет, в них крайне редко говорится что-то о Боге, Христе, спасении и Царствии Небесном. О земном — да, много и подробно. Вопросы веры не интересуют их не потому, что они стали атеистами, а потому, что все эти вопросы для них давно и однозначно решены.

«Воцерковление» сегодня понимается обычно как максимальное расширение той сферы общественной и личной жизни, где решающий голос принадлежит церкви... точнее, церковным структурам, где по любому поводу говорят о чем-то православном. Можно вспомнить, что именно так на закате СССР преподавались коммунистические ценности, но это не мешало рассказывать анекдоты про Брежнева, это не вывело на улицы ни одного человека, когда три мужика бухнули на даче и развалили СССР.

Значительная часть населения сегодня придерживается некоей стихийной религиозности, для которой, собственно, и не нужно догматическое богословие: есть высшие силы, от них многое зависит в нашей жизни, да и после смерти с душой человека что-то происходит. Чтобы заручиться поддержкой этих сил, нужно прибегнуть к проверенным временем методам и особо уполномоченным на то людям. Разумеется, эти методы требуют некоторых самоограничений и трат, но они не должны быть слишком обременительными. В чем именно заключаются эти методы и как они работают, не очень интересно — мы же не изучаем программирование, чтобы пользоваться компьютерами, нам достаточно практических навыков.

В этом отношении очень показателен успех в России и в других странах книги епископа Тихона Шевкунова «Несвятые святые». Это рассказ о православии на простом человеческом языке, где много старцев, много чудес, много назидания.

тельности. Поскольку книга рассказывает о русских, все они православные. Если бы они были татарами — были бы мусульманами, если бы бурятами — буддистами. Пришлось бы поменять некоторые внешние детали повествования, но общий смысл каждой истории остался бы тем же: есть высшие силы, они постоянно вмешиваются в жизнь человека и могут его спасти от всяких напастей, если он будет всецело доверять им и своему начальству.

Кстати, это уже не просто книга — это раскрученный бренд. В Москве идет мюзикл, поставленный по книге, в центре города работает ресторан под таким же названием, и всеми этими благами можно наслаждаться, совершенно не задумываясь о вере. Они вполне самодостаточны.

А ведь еще десяток лет назад православные активно обсуждали разные богословские вопросы. Например, сторонники «органической теории спасения» спорили с «юридической теорией» (о них мы дальше поговорим подробнее). Спорили даже о том, что происходит с хлебом и вином на Евхаристии, «преложение» или «пресуществление», и в какой именно момент времени. Больше этих споров не слышно. Изредка встречается вполне грамотное изложение основ верования, но это всегда монолог о чем-то раз и навсегда установленном, а не дискуссия. Наставление, а не поиск.

Может быть, все дело в том, что в XXI веке просто не имеет смысла возвращаться к схоластическим спорам позднего Средневековья? Но неужели все мыслимое богословие сводится к подобным спорам? Или, напротив, богословие XXI века должно уйти к каким-то иным, более актуальным вопросам — о защите окружающей среды в свете эмансипации чернокожих женщин нетрадиционной ориентации с особыми потребностями?

Это ложные альтернативы, разумеется. Один раз в жизни мне довелось слышать лекцию самого знаменитого специ-

алиста по Новому Завету, Н. Т. Райта. Он, англиканин, выступил в католическом университете Фрибурга на юбилее Института экуменических исследований и говорил... о понимании «оправдания» в посланиях Павла (мы уже упомянули проблему с переводом этого слова в 11-й главе). Оказывается, это одна из самых горячих тем современного западного богословия, причем особенно она актуальна в диалоге между католиками и протестантами! Предельно упрощая, можно сказать, что в свое время именно внимательное прочтение Павла породило идеи, на которых была основана Реформация, и вопрос о конфессиональной идентичности упирается в вопрос об экзегетике библейских текстов.

Впрочем, этот вопрос крайне актуален и для православных. Совсем недавно было такое время, когда они интересовались своей верой больше, чем геополитикой. И тогда мне нередко доводилось слышать споры о спасении. «Юристы» говорили: Христос понес наказание, положенное грешному человеку, и тем самым спас его. На это возражали «органисты»: кому же это Христос уплатил штраф, уж не Сатане ли? А если Отцу — какая радость Отцу видеть Сына распятым? Нет, возражали «органисты», Христос спас человека тем, что принял на Себя его грешную природу и так исцелил ее. Но позвольте, отвечали теперь уже «юристы», тогда что же, и распятие ничего не значило? Спасение произошло как бы помимо Голгофы?

Но не будем торопиться с окончательным ответом.

О сверхъестественном принято говорить с помощью метафор. А метафоры всегда культурно обусловлены и основаны на некоторых константах, которые могут нами пониматься неверно или неполно. Перед нами здесь «битва метафор», причем одна сторона основывается на представлениях о суде. Человек согрешил и подлежит суду, но Христос принимает на себя положенное ему наказание. Это всего лишь

метафора, она не исчерпывает всего таинства спасения. А какая метафора лежит в основе «органической» теории? Вряд ли это ясно понимают даже ее сторонники.

Возьмем только одну цитату из Послания к Римлянам, 3:23-24. Там Павел излагает свое понимание спасения: πάντες γὰρ ἡμαρτον καὶ ὑστεροῦνται τῆς δόξης τοῦ θεοῦ δικαιοῦμενοι δωρεὰν τῇ αὐτοῦ χάριτι διὰ τῆς ἀπολυτρώσεως τῆς ἐν Χριστῷ Ἰησοῦ. Синодальный перевод: «потому что все согрешили и лишены славы Божией, получая оправдание даром, по благодати Его, искуплением во Христе Иисусе». Если честно, для современного читателя это длинное выражение выглядит не слишком-то осмысленным: что значит «искупление», что — «благодать»? В то же время для античного читателя, жившего в рабовладельческом обществе, эти метафоры прочитывались вполне ясно: человек оказался рабом греха и смерти, но Христос уплатил соответствующую цену и отпустил человека на свободу. Получив такой дар от Христа, он становится вольноотпущенником и Его клиентом.

А это уже совсем другая метафора — *патроната*. Это понятие знакомо нам намного меньше, чем суд, о нем надо сказать особо.

Древнее общество было жестко структурировано, в нем не было индивидуальностей, а только социальные структуры. Личная зависимость могла быть разной: богатый и знатный человек владеет рабами, они — его собственность. Еще ему подчинены его домочадцы, над которыми он обладает почти абсолютной властью (*patria potestas*, «отцовская власть» в римском праве). Но это еще далеко не все: он является *патроном* по отношению к многочисленным *клиентам*, то есть лично свободным людям, которые зависимы от него экономически и социально. В том числе это его вольноотпущенники.

Отношения *патроната* могут быть временными: гость из другого города становится клиентом своего хозяина, пока

живет в его доме, и в свою очередь оказывает ему такое же гостеприимство в своем доме, делясь с ним собственным социальным капиталом.

Ресурсы в таком обществе понимаются как ограниченные (пресловутая «игра с нулевой суммой»), при этом они сосредоточены в руках узкой группы лиц, которые их распределяют, вне зависимости от того, кто их производит.

Примерно то же самое относится к нематериальным благам: безопасность, защита, возможность вести дела и т. д. Человек древности не мог просто так «заняться бизнесом» или стать «свободным художником» — он должен был занять определенное место в структуре общества, и степень почета, которой он на этом месте обладал, открывала ему доступ к определенному количеству и определенным видам других ресурсов, материальных и нематериальных.

Распределение ресурсов идет сверху вниз: от патрона к клиентам. Не все патроны располагают всеми ресурсами, и если тебе нужны ресурсы чужого патрона, ты можешь получить к ним доступ через своего собственного: он договорится с чужим. Но напрямую к нему обращаться не стоит. Плата за ресурсы — личная верность патрону, включая исполнение его поручений и даже невысказанных пожеланий. Неблагодарность патрону — страшный грех, а благодарность выражается не просто в словах и чувствах, а прежде всего в действиях.

Своего патрона имеют не только отдельные люди, но и большие сообщества (город, войско и т. д.). Публичная благотворительность понимается в терминах патроната: император строит в городе общественные здания, полководец раздает ветеранам земельные участки и т. д. Отношения божеств и людей в римском обществе понимались примерно в том же ключе: божества являются патронами отдельных людей и целых сообществ и оказывают им beneficia, за что требуют от них деятельной верности.

Зачем нам нужно говорить о патронате так долго? Да просто раннехристианская община была пронизана отношениями патронов и клиентов, она из них, собственно, и состояла. При помощи этих понятий она описывала и свое богословие: ее общий патрон — Господь Иисус Христос, в свою очередь подчиненный Отцу. Он оказывает благодеяния и делится всеми необходимыми ресурсами, ожидая благодарности и верности в ответ.

Реликты подобных общественных отношений могут оставаться в нашей практике вне зависимости от того, осознаем ли мы это. Между прочим, наша литургия сегодня довольно сильно отличается от Евхаристии на Тайной вечере она произошла после праздничного ужина, и первое время Евхаристия совершалась по вечерам. Есть разные объяснения, почему она со временем была перенесена на утро, в том числе и такое: внешние формы литургии последовали модели римского обычая «утреннего приветствия патрона». Клиенты с самого утра собираются в доме своего патрона, чтобы приветствовать его и выслушать его поручения и наставления, а он, в свою очередь, делится с ними некоторым угощением.

Современное западное (и в немалой мере российское) общество ценит независимость и избегает откровенного указания на патронат. Оно предпочитает безличные юридические процедуры, а отношения патроната воспринимаются как нечто недолжное: кумовство, коррупция и проч. Поэтому основанные на патронате метафоры понимаются обычно плохо. В частности, на место метафоры патроната современный читатель охотно подставляет другие метафоры, прежде всего суда.

Далее, в основе спора «юридистов» и «органистов» — разное понимание ключевого новозаветного слова *δικαίωσις*, того самого «оправдания». Понимание юристов основано на метафоре суда. Человек виновен, но его провозглашают

невиновным благодаря тому, что Христос понес за него наказание.

Другая школа переводит его как «наделение праведностью», основываясь на метафоре патроната: человек сам по себе праведности лишен, но Бог как патрон наделяет его этим свойством, благодаря тому, что Христос искупил его на свободу и сделал своим клиентом.

Ту самую цитату из Послания к Римлянам я предлагаю переводить так: «Все они согрешили и лишились славы Божьей, но их искупил Христос Иисус — и так наделил их праведностью. Такой дар получили они по Его благодати». Впрочем, и это лишь одно из возможных пониманий, оригинал неизмеримо глубже и сложнее любого из возможных переводов.

Казалось бы, какая разница, как описать это самое спасение? Но две метафоры (нам приходится сильно упрощать) соответствуют двум достаточно различным пониманиям церкви. Первая, судебная, представляет верующего индивидуумом, сосредоточенным на собственном покаянии, а вторая, связанная с патронатом, скорее говорит об общине, действующей по поручению своего патрона — Христа. Конечно, понятно, что все это голые схемы, что каждая из них описывает лишь одну сторону некоей реальности, которая неизмеримо сложнее, но важно понимать, что именно лежит в основе наших представлений и действий.

А в основе любой «принципиальной схемы церкви» и конкретной церковной практики непременно обнаружится тот или иной набор богословских представлений. Например, есть еще и такое понимание церкви (без патроната, суда и вообще какого бы то ни было спасения): церковь состоит из профессиональных священнослужителей, оказывающих населению ритуальные услуги в обмен на пожертвования. Если искать для нее метафору в Писании, это будет разве что торгующие в храме. Зато именно эта схема комфортна и понятна

всем участникам процесса, она снимает неудобные вопросы и позволяет ничего никому не менять (или хотя бы делать вид, что ничего не меняется), и, видимо, поэтому она так популярна.

Вот уже четверть века идет разговор о возможности и даже необходимости богослужения на современном русском языке, вполне бессмысленный и беспощадный. Полу-понятный язык богослужения, в котором каждый слышит что-то свое и домысливает остальное (мы обсуждали эту проблему в 15-й главе). Но когда мы услышим полноценное богослужение на русском, мы убедимся, что проблема вовсе не в аористе и не в дательном самостоятельном, которые отсутствуют в современном русском языке.

В огромной степени эта непонятность возникает от того, что богословие нашего богослужения появилось в поздней Античности и средневековой Византии и было изложено языком средневековой Византии для средневековых византийцев. Этот язык прекрасен, но невозможно ожидать, что он будет полностью понятен и актуален для людей двадцать первого века, даже если полностью заменить слова и грамматические формы на современные. Тут, вероятно, придется заменять и некоторые ключевые метафоры... да и не только их. И что казалось прямым и непосредственным выражением, иной раз может быть понято сегодня только метафорически.

Вот всего лишь один пример. «Сказав сие, Он поднялся в глазах их, и облако взяло Его из вида их» — так описывает Вознесение Христа книга Деяний (1:9). Видимо, люди Античности и Средневековья понимали это «облако» в основном буквально, сегодня мы, не раз летавшие через облака на самолетах, воспринимаем его как метафору. Но только ли облако здесь метафорично? Разве само представление о том, что Христос поднимается на небо, где садится одесную от Отца, — не развернутая метафора? Иными словами, было ли

Вознесение физическим перемещением Христа с поверхности земли, и если да, куда именно Он переместился? Едва ли мы можем ответить на эти вопросы с той же степенью уверенности, с какой на них отвечали тысячу лет назад.

Более того, в 1-м Послании Фессалоникийцам мы читаем о Втором пришествии: «Когда архангельский голос и труба Божья бросят клич и Сам Господь сойдет с небес, сначала воскреснут те, кто умер во Христе, а потом и мы, кто останется в живых, будем подняты в воздух на облаках навстречу Господу, и так мы насовсем соединимся с Господом» (4:16-17, перевод мой). То есть тем, кто к этому моменту будет жив, предстоит подняться на небо никаким иным способом, как на облаках, — для нас очевидная метафора. Вряд ли мы ожидаем, что при пришествии Христа будем подняты в верхние слои атмосферы... А можем ли мы выразить эту веру иными словами?

Ведь даже в Символе веры Христос сначала назван метафорически «светом от света» и лишь затем «Богом истинным от Бога истинна» — метафора идет впереди определения именно потому, что такие вещи удобнее описывать метафорами.

Но посмотрим еще на один аспект этого метафорического языка. Итак, метафора связана с константами национальной культуры и в разных культурах эти константы могут быть неодинаковыми при всем своем сходстве. Вот, например, вина и стыд — универсальные понятия, чувства, знакомые каждому человеку (о первом из них мы уже говорили в 14-й главе).

Проще говоря, вина — это чувство горечи при воспоминаниях о некоторых поступках, о которых может никто не знать, а стыд — ощущение неловкости, когда человек оказывается в публичном пространстве в грязной или рваной одежде, даже если в этом нет никакой его вины. Таким образом, стыд — нечто внешнее, а вина — внутреннее.

Принято считать, что в одних культурах люди стараются избегать чувства вины, в других — стыда. Часто говорят, что «культура вины» скорее присуща Западу, а «культура стыда» — Востоку. Так, японский самурай совершает ритуальное самоубийство (харакири), чтобы покончить с непереносимым стыдом, даже если в том нет его вины: например, ему нанес неза заслуженное оскорбление его господин. Для человека западной культуры это кажется бессмысленным и жестоким, но в то же время японское общество не знает таких мучительных размышлений о коллективной ответственности простых граждан за преступления против человечности, совершавшихся во время Второй мировой, какие характерны для европейских стран, прежде всего Германии.

Впрочем, в последнее время культурологи все чаще задаются вопросом: а не есть ли само это противопоставление чисто западный конструкт? Ведь всегда приятнее думать, что ты руководствуешься внутренними убеждениями, а не впечатлением, которое произвел на окружающих. Безусловно, полярное противопоставление тут неуместно, стыд и вина присутствуют в любой человеческой культуре, но они по-разному действуют и различаются их «удельный вес».

В Библии представление о стыде значат намного больше, чем в современных западных обществах (включая и российское). Представления о вине или правоте связаны прежде всего с судом, который устанавливает вину или невиновность, и суд нам прекрасно понятен, потому что он играет важную роль и в нашем обществе. Он устанавливает, виновен или невиновен данный человек.

А кто устанавливает, чего и когда нам стыдиться? Культуры мира выглядят такими разными: в одних женщине неприлично появляться на людях с открытым лицом, в других — вполне допустимо прийти на совместный нудистский пляж. Откуда мы узнаем, что почетно и что позорно? Кто

определяет степень почета и позора данного индивида в данном социуме?

При всем разнообразии конкретных проявлений общие принципы сходны для всех традиционных обществ. Почет и позор прежде всего основаны на рождении, усыновлении, принадлежности к социальной группе. В то же время почет может быть приобретен личными достижениями или линией поведения в соответствии с общественными ожиданиями. Соответственно, так же приобретается позор — как антипочет или отсутствие почета. При этом почет — важнейший ресурс, которым патрон делится с клиентами.

В библейской культуре, как и во многих других, почет или позор относятся прежде всего к «имени» — это и социальное положение, и родство, и репутация. Соответственно, внутри этих социальных групп почетом или позором можно поделиться или «заразиться»: оскорбление посла является оскорблением пославшего его царя, а действия мудрого слуги добавляют почета его господину.

В Библии почет и позор занимают гораздо больше места, чем в современных книгах, и в результате переводчики и комментаторы нередко упускают из вида нечто важное. Вот притча о злых виноградарях из 21-й главы Евангелия от Матфея. Почему хозяин виноградника безрассудно посылает к этим злым арендаторам сына, надеясь, что они его «постыдятся»? Для той культуры это было понятно: не воздав чести сыну хозяина, они тем самым обесчестят хозяина, а это противоречит правилам общественной жизни и навлечет позор на них самих.

А вот притча о званых и избранных из следующей главы того же Евангелия. Гости, приглашенные на пир, одним за другим отказываются прийти, и вот кульминация: «...прочие же, схватив рабов его, оскорбили и убили их» (22:6). Если они их все равно убили, какая разница, оскорбляли ли они их

перед смертью? Для человека библейской культуры это очень важно: убийство слуг было не простым уголовным преступлением, оно было намеренным и тяжелым оскорблением господина (как, кстати, и в прошлом примере).

Особенно наглядно это выглядит там, где речь идет о богословских идеях, выраженных при помощи метафор. В Послании к Евреям (6:6) упоминаются некие люди, для которых закрыта возможность покаяния — уникальная ситуация для Нового Завета, где все время говорится о возможности покаяния для всех и в любой ситуации. Что именно делают эти люди, не очень понятно — вероятно, отрекаются от некогда принятой веры. Об этом сказано так: ἀνασταυροῦντας ἑαυτοῖς τὸν υἱὸν τοῦ θεοῦ καὶ παραδειγματίζοντας.

Синодальный перевод: «Они снова распинают в себе Сына Божия и ругаются Ему».

Опять-таки, если они распинают Христа, то уже не очень важно, что при этом они «ругаются», по крайней мере, с нашей точки зрения. Но здесь мы видим важнейшую составляющую распятия: демонстративный позор. Человечество, к сожалению, изобрело много способов постепенно замучить отдельного человека до смерти. Но далеко не все из них предполагают такую степень унижения, беспомощности и демонстративности, как римское распятие, для евреев к тому же отягощенное обнажением и древним проклятием всякого, кто «повешен на древе» (Втор. 21:23).

Таким образом, здесь говорится, что эти люди не только заново убивают своими поступками и словами Христа, но и стремятся Его опозорить. Я бы предложил такой вариант перевода: «Сына Божьего заново предают распятию и выставляют на позор».

До нас дошла карикатура на первых христиан, граффити в Риме (около Палатинского холма) с малограмотной надписью на греческом: «Алексамен почитает бога». А нарисован

человек в традиционном жесте приветствия, который воздает почет... существу с ослиной головой, распятому на кресте.

Неизвестный карикатурист соединил здесь давний антииудейский мотив: иудеи поклоняются ослиной голове — с христианским почитанием Распятого. Он изобразил, с его точки зрения, самое бессмысленное зрелище: высшие почести воздаются самому позорному, что только можно себе представить — ослу, да еще и распятому! «Для иудеев соблазн, для эллинов безумие» — именно об этом и говорил Павел такими словами (1 Кор. 1:22), и все христианство рождается из принятия этого абсурда и парадокса. Христос принимает на себя наивысший мыслимый позор, чтобы наделить Своих последователей наивысшим мыслимым почетом.

В истории христианства представления о совести (виновен ли я?) и стыде (опозорен ли я?) вступали меж собой в причудливые отношения. Но в целом можно сказать, что христианство, начиная с Голгофы, преодоление архаичных представлений о позоре и постепенное осознание индивидуальной вины, которая может быть снята в покаянии. Но удержаться на этой высоте трудно, и человек то и дело соскальзывает в старую добрую архаику с ее представлениями о коллективном почете: мы самое великое племя, у нас самый крутой вождь, самые позолоченные храмы и самая обширная империя, и так будет всегда. Вопрос о вине и личной ответственности при этом, как правило, снимается: будем поступать не так, как правильной, а так, чтобы выглядеть как можно почетней. Похоже, нынешнее российское общество испытывает именно такое искушение.

Только одно мешает в этом увлекательном деле христианину — память о Голгофе.

22. Апостол Павел о власти

Все прекрасно знают, что говорил апостол Павел об отношении к государственной власти (тогда совершенно языческой): в 13-й главе Послания к Римлянам он декларирует принцип полной и безусловной лояльности. «Всякая душа да починяется существующим властям. Не бывает власти, кроме как от Бога (οὐ γὰρ ἔστιν ἐξουσία εἰ μὴ ὑπὸ θεοῦ): существующие власти Богом установлены, и кто противится власти, тот против установленного Богом порядка, а таковые навлекают на себя осуждение. Начальники (ἄρχοντες) страшны тем, кто творит не добрые, а дурные дела. Хочешь не страшиться власти? Твори добро, и получишь от нее похвалу, ведь она — служитель Бога слуга (θεοῦ γὰρ διάκονός ἐστιν) тебе на благо. А если творишь зло — бойся, не зря она как служитель Бога носит меч и карает тех, кто творит зло. Так что ей необходимо подчиняться, и не только из страха кары, но и по совести. Потому вы и подати платите, что те, кто этим заняты, содействуют Богу (λειτουργοὶ γὰρ θεοῦ εἰσιν)» (Рим. 13:1-6, перевод мой).

Но тут речь идет не о власти как структуре или принципе (это скорее передавалось бы словом *ἀρχή*), а *ἐξουσία* — по сути, полномочие что-то совершать, и оно не то чтобы «исходит от Бога», оно, по сути, Богом дано: предлог шгб с родительным падежом указывает на имя деятеля при пассивной конструкции. Перед нами не столько апология власти как таковой, сколько богословское утверждение: если кому-то даны некие полномочия и возможности, то они даны Богом, и ответственность человек несет прежде всего перед Ним.

Далее в тексте упомянуты и начальники (*ἄρχοντες*) как Божьи служители — В НЗ греч. *λειτουργός* практически всег-

да употребляется в сакральном контексте (ср. Рим. 15:16), в смысле служения Богу. Возможно, в свете сказанного выше, Павел имеет в виду, что земные власти, пусть даже неосознанно, служат орудиями в руках Бога. При этом пресловутая «власть» может выступить и как потенциальная угроза, ведь в том же Послании мы читаем: «Я убежден, что ни смерть, ни жизнь, ни ангелы, ни начальства (*ἀρχαί*), ни настоящее, ни будущее, и никакие силы в выси или в глуби, и ничто другое из сотворенного не сможет нас разлучить с любовью Божьей во Христе Иисусе, Господе нашем» (8:38-39). Но если не могут — значит пытаются. Экзегеты спорят, имеются ли тут в виду некие духовные силы или земные инстанции, а может быть, и то и другое, но в любом случае от абсолютизации власти как таковой этот пассаж очень далек.

А в целом в 13-й главе Римлянам перед нами некая идеальная картинка с практическим нравственным выводом: порядочное поведение должно приводить к гармонии в отношениях с земными властями, а злодеяние ведет к наказанию. При этом Павел указывает, что власть начальствующим дана от Бога и человек получает похвалу или наказание как бы от самого Бога, действующего через них. Добавлю, что это Послание было направлено в столицу империи, и шансы, что оно будет прочитано при императорском дворе, были достаточно велики. Вполне естественно было выразить в письме максимальную лояльность к императорской власти — христиане не готовят никакого государственного переворота.

К любой ли власти это относится? Долгое время было принято думать, что да. Но после Третьего рейха с его «немецким христианством», вполне лояльным к фюреру, так уже не скажешь... А ведь уже в древности эти слова так прокомментировал Иоанн Златоуст (вступавший в острый конфликт с собственным императором): «Неужели всякий начальник поставлен от Бога? Не то говорю я, отвечает апостол. У меня

теперь идет речь не о каждом начальнике в отдельности, но о самой власти. Существование властей, при чем одни начальствуют, а другие подчиняются, и то обстоятельство, что все происходит не случайно и произвольно, так чтобы народы носились туда и сюда, подобно волнам, — всё это я называю делом Божьей Премудрости».

Но Павел писал о таких вещах не только римлянам. Об отношении внутри общества и о взаимодействии с властями говорит не в меньшей мере и другое послание — 1 Коринфянам. Павел говорит там о восстановлении справедливости, когда униженные и оскорбленные христиане восторжествуют над теми, кто распял Иисуса и угнетает их ныне. Разумеется, Павел не призывает к революции и ожидает, что эта перемена совершится по действию Бога, но тогда лояльность существующей власти обретает совсем другой смысл, это скорее призыв потерпеть и воспринимать ее как еще один инструмент в руках Бога, осуществляющего Свой таинственный замысел.

Вот лишь несколько отрывков: «Мудрость мы возвещаем среди совершенных, но эта мудрость — не та, которая в нынешнем веке, у правителей нынешнего века, ведь их скоро не станет. Мы возвещаем мудрость Божью, сокрытую в тайне. Бог прежде всех веков определил ее к нашей славе, и никто из правителей нынешнего века этого не познал, а если бы они познали, то не распяли бы Господа Славы» (2:6-8). Итак, именно Иисус Христос есть подлинный Господь, а ведь это официальный титул римского императора (греч. ^{κύριος}, лат. **dominus**). А нынешние правители объявлены временными, и то, что они считают мудростью, на самом деле таковой не является.

Соответственно, когда она будет достигнута, всё поменяется местами, и те, кто сегодня подлежит суду римских властей, сам примет на себя роль судьи. Разбирая частный во-

прос (можно ли христианину подавать в языческий суд на другого христианина?), Павел пишет весьма энергично: «И если кто из вас что имеет против другого, как смеет он выносить дело на суд нечестивых, а не святых? Разве не знаете, что святым надлежит судить весь мир? А если вам подсуден весь мир, неужели вы недостойны быть судьями в мелких делах? Разве не знаете, что мы будем судить и ангелов — что и говорить о житейском!» (6:1-3)

То есть, по сути, в новой реальности теми самыми инструментами Божьей власти станут верующие. И все это произойдет потому, что, как сказано в 15:24-25, «Он передаст царство Богу и Отцу, упразднив всякое начальство, и власть, и силу. Ему предстоит царствовать, доколе не повергнет врагов к ногам Своим». Разумеется, здесь тоже может идти речь о враждебных Богу духовных силах, среди которых тоже может существовать своя иерархия. Но вместе с тем также и о земных властях, которые в конце времен должны признать власть Божью.

Еще яснее выражается Павел в Послании Филиппийцам, написанном, по всей видимости, в заключении, в ожидании суда у римского императора — возможно даже, в самом Риме. Вот что Павел пишет здесь о Христе: «Потому Бог возвысил Его и даровал Ему имя превыше всех прочих имен, чтобы перед именем Иисуса преклонилось всякое колено на небесах, на земле и в преисподней, чтобы всякий язык исповедовал Иисуса Христа Господом (κύριος) во славу Бога Отца» (2:9-11). Таким образом, подлинным Царем и настоящим Господом Павел считает только Иисуса.

В 3:20 он говорит еще более откровенно «А наше гражданство (πολίτευμα) принадлежит небесам, откуда мы ждем Спасителя — Господа Иисуса Христа». Слово **πολίτευμα** означает не место жительства, скорее это и есть «государство» или «гражданство». По сути, это яркая декларация

лояльности только Христу. К тому же здесь употреблено не только слово **κύριος** «Господь», но еще и **σωτήρ** «Спаситель» — оба слова еще в эллинистическую эпоху вошли в титулатуру монархов.

Как согласовать это с Посланием к Римлянам? Никакого противоречия нет, если помнить, что высказывания могли описывать реальность на разных уровнях (эмпирическая данность и подлинная суть вещей) и к тому же быть обращены к разным аудиториям. С одной стороны, Павел призывает уважать существующий порядок вещей и подчиняться требованиям властей, которые его поддерживают, к тому же в этой части он мог заверять имперские власти в лояльности христиан и остужать слишком горячие головы, стремящиеся к бунту (это, разумеется, лишь предположение). С другой, он напоминает о том, что человеческие власти — лишь инструмент в руках Бога, с Которым одним христиане и выстраивают свои отношения в полной уверенности, что последнее слово всегда остается за Ним и однажды Его последователи будут судить весь мир.

Как это могло выглядеть на практике, нам показывает Послание к Филимону. На первый взгляд вообще кажется удивительным, что первые христиане включили этот текст в канон своего Священного Писания. Это частное письмо по одному конкретному поводу: Павел в заключении встретил беглого раба по имени Онисим и обратил его в христианство. Прежний хозяин Онисима, Филимон, тоже был христианином и учеником Павла. И вот теперь Павел отправляет Онисима к Филимону (с точки зрения римского права — возвращает тому похищенную у него собственность) вместе со своим рекомендательным письмом.

Естественно, Филимон имеет полное право сурово наказать Онисима, но Павел уговаривает его не пользоваться этим правом. Он пишет (8-12): «Хотя во Христе я бы с пол-

ным основанием дерзал указать тебе на твой долг, лучше с любовью тебя попрошу. Да, я, Павел, посланник, а теперь и узник Христа Иисуса, прошу тебя за сына, которого я родил в заключении — за Онисима. Пусть прежде он для тебя был негодным, но теперь пригодится и тебе, и мне. Посылаю его к тебе как свое сердце!»

То есть Павел действует целиком и полностью в рамках римских законов, не призывая ни к восстанию, ни к отмене рабства, ни к чему подобному. Он предельно лоялен, но эта лояльность внешняя, она, по сути, сводится к отказу от попыток бунта и мятежа. И в то же время в той новой реальности, которая начала существовать внутри христианской общины, нет ни беглых, ни каких иных рабов, а только близкие отношения между членами общей семьи.

Показательно, что себе Павел присваивает парадоксальный титул «старейшины и заключенного», сочетая самое почетное наименование с самым презренным. В этой новой реальности последние становятся первыми, нынешнее положение дел представляется временным, а лояльность существующей власти — необходимое условие, чтобы пережить это не слишком благоприятное время.

Вопрос не в том быть ли христианину лояльным своему государству — разумеется, быть (пока это государство откровенно и беззастенчиво не попирает Божьих заповедей, как Третий рейх). А вот вопрос о том, какое место занимает эта лояльность в иерархии христианских ценностей, актуален и сегодня, и к нему мы еще не раз вернемся.

23. Удерживающий и смотрящие

Всё чаще можно услышать в последнее время богословскую (а точнее, геополитическую) теорию про *Удерживающего*. Вкратце перескажу суть: этот Удерживающий упомянут в Библии, о нем же говорили многие святые. Это некая внешняя сила, которая не дает прийти в мир Антихристу и сберегает мир от уничтожения. Сначала этой силой была Римская империя, затем Византийская, ну, а потом, конечно, эта функция перешла к Третьему Риму, то есть к России. Даже во времена СССР она сохранялась за ней, а уж тем более теперь, когда Россия не позволяет Западу... (и далее длинный список реальных и гипотетических злодеяний). А посему всякий, покушающийся на Россию и ее нынешних правителей, вольно или невольно служит Антихристу (даже если хочет, к примеру, их сменить вполне законным путем, в соответствии с Конституцией).

У человека, знакомого с историей хотя бы в объеме школьного курса, на четверку с минусом, тут неизбежно возникает множество вопросов. Хорошо, преемство между Римом и Византией вполне понятно. Но Византия окончательно пала в 1453 году, а на самом деле, перестала играть сколь-нибудь заметную роль на международной арене столетиями раньше — в 1204 году она не смогла даже удержать собственную столицу от завоевания. Но даже если считать до середины XV века, Русь тогда еще была слишком слаба и раздроблена, вплоть до 1480 года она выплачивала дань Золотой Орде. Стало быть, никакого Удерживающего не было пару-тройку веков — и мир устоял?

Но даже если проглядеть всё это... От чего удержалась наша страна в 1917 году? Православная империя канула в небытие за несколько дней, остатки государственности — за несколько месяцев. К власти пришли атеисты-узурпаторы, и если Российская империя и в самом деле была Удерживающим, следует признать, что мир вот уже столетие существует без него.

СССР — это уж скорее *смотрящие*, воры в законе, без которых мелкая шпана распояшется и устроит беспредел. Польза от них немалая, конечно, но все же не то, совсем не то. Если же решить, что Удерживающий имеет неизменное место прописки, вряд ли этим местом будет Москва — скорее уж Рим или Константинополь. Стоило бы отдать звание не большевикам, а скорее уж туркам, они ведь после 1453 года церквей, как правило, не рушили и атеизм государственной идеологией не объявляли. Но тут логика другая: Удерживающий прочно прописан в Москве, а значит, при любом оккупационном режиме он там останется. Собственно, любая наличная в Кремле власть — это Удерживающий и есть.

Это какой-то дремучий провинциализм; так в американской глубинке недалекий прихожанин может быть уверен, что местная баптистская община была основана человеком по имени John the Baptist (Иоанн Креститель). Причем провинциализм может быть не только географическим, но и хронологическим: все пророчества Апокалипсиса относятся к последнему выпуску новостей, история мира началась вчера и закончится завтра.

Впрочем, вернемся к идее великой империи, способной сдерживать мировое зло. Когда в 1914 году молились о победе своего оружия католики в Австрии, лютеране в Германии и православные в России, а в результате рухнули все три империи, навсегда уничтожен был прежний порядок жизни по всей Европе, не говоря о миллионах погибших, — кто сумел

это безумие удержать, кто хотя бы сам удержался? Удержалась ли в свое время Россия от трагедии раскола, от петровской и екатерининской секуляризаций и от многих иных вещей еще до 1917 года?

Можно, конечно, вопреки фактам верить в некую особую мистическую роль именно своей страны, своего народа, и эту веру не поколеблют никакие аргументы. Только это будет еще одна родоплеменная религия, каких много есть на свете. Уже Ветхий Завет в служении пророков превзошел рамки такой религии, ну, а христианство — оно вообще про другое.

Теперь попробуем понять, что же на самом деле сказано в Новом Завете. Откроем 2-е послание Фессалоникийцам: «...тайна беззакония уже в действии, только не совершится до тех пор, пока не будет взят от среды *удерживающий теперь*» (2:7, Синодальный перевод). Хорошо бы сразу прочитывать эти слова в контексте и обратить внимание на то, что сказано в самом начале главы (ст. 1-2): «Молим вас, братия, о пришествии Господа нашего Иисуса Христа и нашем собрании к Нему, не спешить колебаться умом и смущаться ни от духа, ни от слова, ни от послания, как бы нами посланного, будто уже наступает день Христов».

То есть апостол говорит нечто противоположное всем этим настроениям о пришествии Антихриста сразу после очередного выпуска новостей. Во-первых, тут речь идет все же о пришествии Христа, а во-вторых, все известия, будто конец земной истории уже наступил, были ложными две тысячи лет назад, и вряд ли есть основания считать их истинными сегодня.

Почитаем внимательно саму эту фразу про Удерживающего. В оригинале употреблено слово *κατέχω*, и оно вовсе не означает «тащить и не пущать». В Новом Завете я насчитал семнадцать случаев употребления этого глагола, например: «подняв малый парус по ветру, *держали к берегу*» (Деян. 27:40);

«Я хотел при себе *удержать* его» (Флм. 1:13); «будем *держаться* исповедания упования неуклонно» (Евр. 10:23). Оно обозначает не столько сопротивление чему-то внешнему, сколько твердость в сохранении прежнего курса, не столько отражение врага, сколько сбережение того, что тебе дано. И это вполне согласуется с контекстом, где речь идет о сохранении прежнего учения.

Далее, это слово употреблено в форме причастия среднего рода **τὸ κατέχον**, буквально «удерживающее». Следовательно, речь идет не о личности, скорее о некоторой силе или явлении. Но... слово «Дух» по-гречески тоже среднего рода, **τὸ πνεῦμα**.

Иоанн Златоуст, на которого обычно ссылаются при изложении той самой теории, на самом деле говорил: «Одни полагают, что под этим должно разуметь благодать Святого Духа, а другие — Римское государство. С этими последними я больше соглашаюсь» (4-я беседа на 2-е послание к Фессалоникийцам). Обратим внимание, что он сам колебался, не знал, какое из двух толкований предпочесть, и явно признавал, что оба они возможны. Что ж, в его времена римская государственность была очевидным благом, она сдерживала натиск варваров, она позволяла множеству народов жить в относительном мире и спокойствии, она содействовала широкому распространению христианства...

Сегодня той империи давно нет, и мы остаемся — если мы вообще хотим остаться со Златоустом — с другим толкованием, которое он точно так же упоминает: речь идет о Святом Духе.

Значит ли это, что два толкования противоречат друг другу? Вовсе нет! В этом мире есть нечто такое, что удерживает его от падения в пропасть, а еще точнее, что позволяет церкви Христовой держаться, несмотря на все невзгоды, сохранять то, что передано ей.

В том числе и римская государственность. Тот же апостол Павел многократно писал о ней как о великом благе. В конце концов, если бы не она, — Павла растерзала бы толпа в Иерусалиме, и даже если бы он сбежал, то, конечно, не мог бы свободно путешествовать по всему Восточному Средиземноморью в статусе римского гражданина, если бы не отличные римские дороги, не римские власти, не царящий повсюду Римский мир, Pax Romana.

Так и во времена Златоуста Восточный Рим, Византия, была не просто благом, но хранительницей и защитницей христианской веры. Не забудем, впрочем, как самого святителя гнали и ссылали за его обличения в адрес конкретных правителей этой империи... Да, она была благом, за нее следовало молить и благодарить Бога, ее следовало оберегать, но непозволительно было путать ее с Царством Небесным, гражданином которого и называется всякий христианин.

Византии не стало. Безусловно, великое благо, великий дар от Господа каждому из нас — наша Россия, ее народ и ее святые, ее история и культура. Но когда-то может закончиться и земная история России, да и сейчас она на свете — не единственная страна, где верят во Христа. Согласно нашей вере, вечны люди, а не государства.

Это «смотрящие» привязаны к территории, для Удерживающего — нет границ.

24. Культ Победы и игра в архаику

Советская идеология, как и любая другая, нуждалась в своих праздниках. Среди них были официальные: например, Первое мая, день солидарности трудящихся, и Седьмое ноября, день Революции. Но для большинства это были скорее дополнительные выходные или повод собраться за накрытым столом. Но было два праздника, которые отмечали буквально в каждой семье, и совсем не формально — это были Новый год и День Победы 9 мая.

Зимний праздник обновления, связанный с верой в маленькие чудеса и надеждой на новую, лучшую жизнь, когда вся семья собирается за столом рядом с украшенной елкой. И весенний праздник торжества жизни, ее победы над самым страшным злом, которое отныне навсегда лишается силы... Да ведь это же Рождество и Пасха! И по датам они почти совпадают: православный Восток в 1945 году праздновал Пасху 6 мая.

В стране с давней христианской традицией так и должно было произойти: внешний налет идеологии мог быть каким угодно, но в глубину народного сознания проникало лишь то, что находило какой-то отклик в собственно российской культуре. Дед Мороз с мешком подарков заменил в СССР Святого Николая, а новогодние торжества вернулись в 1936 году, когда в газете «Правда» П. Постышев предложил вернуть детям елку: раз в капиталистических странах у детей есть веселый зимний праздник, он должен быть и у детей советских.

С Днем Победы все несколько сложнее, этот праздник никто не изобретал специально. При этом первые два десяти-

тилетия после войны этот день оставался в СССР рабочим, а все мероприятия носили достаточно скромный характер. Война была еще слишком свежа в памяти, эти раны не хотелось лишний раз бередить, а заодно и давать некие особые права и привилегии ветеранам: их было слишком много, и они слишком хорошо всё помнили, так что могли задать неудобные вопросы своим бывшим полководцам, а ныне руководителям государства.

Все изменилось в 1965 году, когда Леонид Брежнев, сам ветеран той войны, сделал этот день одним из основных государственных праздников, и, пожалуй, даже главным из них... Революция была слишком давно, а окружавшая реальность слишком мало походила на революционный пафос 1917 года. Зато про Победу было всё ясно: старшее поколение под руководством коммунистов завоевало мир и светлое будущее для страны, а теперь охраняет ее от внешних врагов, чтобы никогда не повторилась эта страшная трагедия.

И в самом деле, в любом доме была память об убитых, искалеченных, пропавших без вести близких. День Победы, как говорилось в одной известной песне, был «праздником со слезами на глазах», и это была не просто фигура речи. В Москве ветераны собирались у Большого театра, и светлых слез скорби и памяти здесь было много. Они не стыдились этих слез, а мы, дети, с благодарностью восхищались ими: пройдя через ад, эти люди навсегда победили фашизм и даровали нам мир.

Может быть, при всех своих внутренних проблемах СССР оказался обречен ровно в тот момент, когда начал бессмысленную войну в Афганистане на новый, 1980 год. Теперь ветераны Сталинграда стали встречаться с ветеранами Кандагара, и никто уже не мог объяснить, за что гибнут молодые парни на чужой земле. Многолетний договор между властью

и обществом под лозунгом «лишь бы не было войны» оказался нарушенным.

Спустя полвека после того двадцатилетнего юбилея Кремль вновь прибег ко Дню Победы как к стержневому событию всей отечественной истории: празднования были пышными и повсеместными, в них приняла активное участие и Русская православная церковь. По всем приходам прошли те или иные праздничные мероприятия, победная символика украсила храмы, были произнесены соответствующие проповеди. А министр обороны Сергей Шойгу, выезжая перед камерами на Красную площадь, чтобы начать военный парад, размахисто перекрестился.

И это не единственное новшество, которое мы увидели на 70-ю годовщину. Те, прежние праздники, проходили под негласным лозунгом «Никогда больше!». И вдруг появились на улицах Москвы машины, с надписями: «1941-1945. Если надо, повторим!» Рядом обычно картинки — или откровенный намек на нетрадиционный секс с фашистами, или американский флаг. Вряд ли молодой водитель такой машины застал в своей жизни много настоящих ветеранов (да ведь побили бы его, пожалуй, герои «Белорусского вокзала!»), да и вряд ли помнит, на чьей стороне участвовали США в той войне.

Та война, которую остальное человечество называет Второй мировой, в СССР традиционно именовалась Великой Отечественной. А впрочем, не совсем та. Речь идет исключительно о боевых действиях между Третьим рейхом с его союзниками и СССР с его союзниками, которые начались в июне 1941 года. Из этой войны исключаются неудобные эпизоды вроде финской кампании... Ну, а роль западных союзников в этой картине сводится к поставкам вооружения и боеприпасов (и их значение всегда занижается) да к запоздалому открытию второго фронта в июне 1944 года, когда судьба Рейха уже была решена на Восточном фронте.

Такой избирательный подход может показаться неточным с точки зрения истории, но он невероятно важен для идеологии Победы, суть которой сводится примерно к следующему: наши деды победили фашизм и спасли человечество, поэтому мы всегда правы, а все остальные перед нами в неоплатном долгу. И в последнее время, когда так мало осталось настоящих ветеранов, которые вынесли на себе всю тяжесть этой страшной войны и чьи рассказы далеки от помпезного гламура, эта идеология начинает приобретать черты настоящей гражданской религии.

А. Проханов в газете «Завтра» писал к юбилею: «Религия победы - это та сила, которая питает государство Российское», причем составная часть этого культа — «мистический сталинизм» в терминологии Проханова. Сталин возвращается на улицы российских городов, и всё более уверенно: ему ставят памятники (Якутск, Липецк), вывешивают плакаты с его портретами, принимают под ними детей в пионеры на Красной площади. И тот же Проханов без малейшей оговорки продолжает: «И святомученики, которые были забиты насмерть или пали, пробитые пулями, они хранят наше государство, хранят наш народ, делают наш народ бессмертным, делают народ угодным Божественному промыслу».

Трудно понять это иначе, чем обращение к новомученикам, то есть православным христианам, которые были убиты или подверглись репрессиям при власти большевиков, прежде всего того же Сталина. Получается, что они тоже встроены в эту систему, конечно на второстепенных ролях. Впрочем, Проханов в этом далеко не одинок, хотя не всякий адепт религии Победы называет ее религией. Речь идет не просто о конкретном историческом событии, которое, конечно, достойно памяти и почитания. Скорее само это событие попадает для адептов «религии Победы» в некий длинный ряд

реальных и мифических побед прошлого и настоящего: мы всегда всех побеждали и будем побеждать впредь.

Этот постоянный круг празднеств и торжеств в честь великих достижений прошлого внешне напоминает годовой круг традиционного христианского богослужения: от Рождества до Пасхи и опять до Рождества вспоминаются одни и те же события, которые вполне самодостаточны и спасительны для человека, если только он сумеет правильно «вписаться» в них. Понятно желание увидеть в православии идеальный образец навсегда данной истины, которая не требует движения вперед и поиска ответов на новые вопросы.

Казалось бы, вернуться в эту самую *архаику* — вот верный способ уйти от неуютного постмодерна, такого изменчивого и непредсказуемого. Архаика, упрощенно говоря, есть жизнь в предлагаемых от века обстоятельствах без особых размышлений о том, стоит ли их изменить. Проект по их коренному изменению называют *модерном*, а на смену ему приходит *постмодернизм*, в котором всё относительно и каждый выбирает для себя.

Но архаики в России больше нет. Большевики перепахали страну, культурная революция сделала свое дело. Можно привести только один простой пример: барахолки Западной Европы полны милых домашних вещиц XIX — начала XX века, уже не нужных в быту, но приятных как элементы декора. На наших развалах вещи почти исключительно советские. Крайне редко встретишь дом, где хранятся с дореволюционных времен рождественские игрушки или формы для приготовления творожной пасхи, и точно так же сами традиции отмечать эти праздники ушли в прошлое.

Нет, не бесследно, конечно, вот Рождество и Пасха стали новогодними и майскими праздниками. Но прямая связь нарушена. И, пытаясь попасть в неизвестную ему архаику, современный российский человек промахивается и попадает в

хорошо знакомый советский модерн — в тот самый модерн, который появился, чтобы архаику уничтожить. И кажется, в случае с «пасхальной Победой» или «пасхальным Первомаем» (в 2016 году праздники совпали) модерну это вполне удастся, просто теперь он не борется с архаикой открыто, он ей прикидывается и тем самым делает невозможным в нее вернуться.

Да и как, в самом деле, это сделать? К примеру, Г. Л. Стерлигов отрастил бороду, натянул домотканую рубаху и написал учебник об истории Руси от Сотворения мира не потому, что так жили его отец и дед и так привык с детства жить он сам. Нет, это именно бегство в воображаемую архаику от неприятного современного постмодерна, в котором Стерлигов, кажется, добился всего, чего хотел, а потом ему просто стало скучно. Это проект по радикальному преобразованию действительности, то есть совершенно модернистский проект. А настоящая архаика — она данность, она как воздух, ее не изобретают, ей дышат и не умеют иначе.

И эта данность из нашей жизни вместе с коллективизацией, репрессиями и войнами. Я знаю, где жили мои крестьянские и где — мои дворянские предки, но бессмысленно искать даже развалины изб или усадеб. Одни — подо Ржевом, другие — под Орлом, там и там все было разорено, сожжено, перепахано и застроено несколько раз. Льву Толстому, чтобы «опроститься», достаточно было выйти за порог и зажить жизнью окрестных мужиков — нам, если мы захотим пойти по его стопам, придется этих мужиков заново изобретать, и это будет ролевая игра почище толкинистской. Так что это будет самый настоящий модерн, если мы отнесемся к ней серьезно, или постмодерн, если как игру ее и примем.

Для многих традиционных обществ, и российское тут не исключение, характерно двоеверие. Существовала официальная религия или идеология, которую формально исповедова-

ло большинство или даже все — в России это было православие, затем коммунизм, потом рыночный либерализм и теперь, наконец, патриотизм. А вот вера, которая действительно руководила людьми в их повседневной жизни, всегда была намного более простой и земной: крестьяне верили в леших и русалок, в приметы и обряды, которые могли быть православными по форме, но скорее языческими по содержанию.

Это наивное крестьянское язычество ушло в прошлое вместе с самим крестьянством. Большинство населения страны — горожане, сильно зависящие от государства и черпающие информацию об окружающем мире из телевизора. Именно на такое большинство опираются и партия власти, и церковные структуры. Представим себе такого человека: он пережил шок и унижение в 90-е годы, когда разом рухнул весь строй советской жизни, он радостно приветствовал подъем 2010-х, он хочет гордиться своей страной.

Культ Победы дает ему ровно то, чего он ищет: основания для самоуважения, притягательную версию истории и позитивный прогноз на будущее. Вне зависимости от того, насколько склонен наш герой к богословствованию на высоком уровне, он принимает этот культ примерно так, как его крестьянские предки принимали культ леших и русалок — как простое и понятное описание сложного мира, которое позволяет с ним эффективно взаимодействовать. На высоком уровне нетрудно подключить к этому культу православие, даже не видя между ними особенных различий.

Понятно, что нынешние игры в архаику тоже рано или поздно закончатся просто потому, что они мало конкурентны на рынке идей точно так же, как сырая нефть всё меньше значит в эпоху нанотехнологий. Да, какое-то время жить ей можно, и даже долго можно жить, но всем понятно, что это жизнь в хроническом отставании и живем мы так не потому, что так захотели, а потому что пока не научились иначе.

Впрочем, после такого пессимистического прогноза скажу и нечто позитивное. В последнее время многим в России показалось, что на власть претендуют православные зилоты и фундаменталисты, у которых культ Победы причудливо сочетается со средневековыми фантазиями о православном халифате. Только это скорее постмодернистский перформанс, имитация. Настоящие фанатики громят все, что не вписывается в рамки их религиозных воззрений — имитаторы приходят на выставку Вадима Сидура и разбивают, по их словам, тарелку из ИКЕА. Это не вандализм, а перформанс с нарочитым занижением ущерба.

Людей, для которых православный фундаментализм — не ролевая игра, не перформанс и не работа, в России крайне мало, и они крайне мало на что влияют. А главное, на этот самый фундаментализм нет спроса среди широких масс населения. Вернее, он есть, но лишь пока он не касается тебя лично.

Согласно всем опросам общественного мнения, у нас в стране подавляющее большинство людей называют себя православными. При этом значительная часть из них в Бога не верит, а большинство в церкви бывает в лучшем случае на крестинах, венчании и похоронах. Но при этом им приятно сознавать, что наша православная вера — самая правильная и самая славная (не важно, в чем именно она заключается), что где-то в особых местах есть особые люди: святые, которые конечно же не совсем святые, но других нет — к ним можно в случае крайней надобности прибегнуть, чтобы получить утешение и удачу от «чего-то там свыше». Желательно, не обременяя себя разными обрядовыми подробностями и ни в чем себя по жизни не ограничивая.

Если на это есть спрос, то будет и предложение. Как всегда, оно будет в разных сегментах: некоторые любят погорячее, а некоторые поосновательней. Но весь этот мнимый фундаментализм действует в логике рыночной экономики и

постмодернистской культуры, и как только выйдет за их рамки — будет отвергнут подавляющим большинством того самого «православного населения». Настоящий фундаментализм требует жертв, и немалых, прежде всего от самих фундаменталистов. Заповеди, в конце-то концов, придется соблюдать!

Что произойдет дальше, когда игра в архаику закончится, как неизбежно закончится нефтяной век (а до него угольный, железный, бронзовый, каменный) ? Очевидно, придется искать некие новые формы, которые оставляли бы для архаики место в обществе, живущем по законам постмодернизма, но при этом не выдавали бы архаические реконструкции за сверхценность. И России в этом смысле, пожалуй, будет ближе опыт не либеральной Европы, а консервативной Северной Америки (включая, к примеру, некогда суперкатолический Квебек в Канаде, официальный лозунг которого «Я помню» так гармонирует с нашей ностальгией о былом величии).

Северная Америка похожа на нас в том отношении, что либеральные мегаполисы соседствуют там с предельно консервативной провинцией и при этом налажены способы их конструктивного взаимодействия. На примере президентской кампании 2016 года в США мы видим, как важны в тамошнем обществе голоса настоящих обитателей архаики по имени rednecks, обрабатывающих родовой надел, приобретенный прадедом-пуританином столетие-полтора назад, и не пропускающих ни одного воскресного богослужения в построенной им церкви. И в то же время как успешно вписываются эти архаисты в современные социальные, политические и технологические реалии, на зависть нашим мечтателям о «подлинно православной цивилизации».

Все это еще раз свидетельствует, насколько остро стоит для России вопрос о формировании подлинно христианской

народной культуры. Не только великолепные иконы и роскошные храмы, не только богослужebные церемонии и торжественные обряды — нужны и простые, понятные и доступные формы повседневной жизни, которые вместили бы христианское содержание.

Только если в центре будет стоять что-то или кто-то, помимо Христа, — всё это будет впустую.

25. Христоцентричность

Что такое наше православие? Кто-то в ответ на этот вопрос станет рассказывать о догматах, кто-то — о традициях и обрядах, или о культуре и истории, или о нравственном совершенствовании, или о непобедимом русском мире... Очень много граней у православия.

Тогда я спрошу иначе: а чем оно отличается, к примеру, от буддизма или ислама? Да хотя бы даже от продвинутого язычества вроде индуизма или веры древних греков? В каждой развитой религии есть представление о грехе и добродетели, каждая призывает человека отказаться от первого и стремиться ко второй, и даже списки во многих пунктах совпадают: почитай родителей, не воруй...

Так что же, разница между нами, например, в том, что мусульманский пост — это воздержание от всякой еды и питья в светлое время суток, а православный — от мясного и молочного в любое время дня и ночи? И что одежда у священнослужителей разная, и молитвенные жесты, и даты праздников?

Если послушать некоторых православных, примерно так и выходит. Существуют «традиционные религии», разные у разных народов, все они учат примерно одному, но каждая — со своим колоритом. Главное, чтобы было стабильно.

Но прилагательное «православный» обретает смысл, только соединившись с существительным «христианин». Христианин — тот, кто верит во Христа и следует за Ним в своей жизни. Ну да, а трава зеленая, а вода мокрая, а снег холодный.

А ведь эта банальность: христианин тот, кто следует за Христом, — выбивается из этого ряда. Она куда менее оче-

видна. То есть никто, казалось бы, не отрекается от Христа и не забывает о Нем. Но и не особенно вспоминает. Обрядовая сторона или культура, а в особенности политика настолько захватывают людей, что говорить о глубинных смыслах некогда, да и незачем. Христос — не в самом центре, а на заднем фоне.

Однажды я задал в своем блоге вопрос всем читателям: как они понимают ключевое для православного христианина понятие — спасение? И много было ответов примерно такого плана: спасение заключается в том, чтобы избавляться от страстей и грехов и приобретать добродетели. А для чего нам тогда Христос? — переспрашивал я. И получал, в частности, такие ответы: Христос подает нам пример на этом пути. Но тогда, простите, чем он отличается от Сократа или Будды Гаутамы, что добавляет Он к сказанному и сделанному этими и многими иными добродетельными мужами задолго до Его рождения?

Или такой ответ: при прохождении нами мытарств Христос дополнит меру тех наших добродетелей, которых нам не хватает для спасения. Но тогда что принципиально нового в христианстве, разве это не типичная религия закона, какой был и Ветхий Завет, только теперь еще и с небесным помощником? Впрочем, и они были в иудаизме еще до Нового Завета...

Боюсь, известие о том, что спасает нас Сам Христос, а мы можем лишь своей жизнью принять или отвергнуть это спасение, окажется для многих православных христиан не то чтобы новшеством, нет... а некоей абстрактной информацией, никак не связанной с их повседневной жизнью, в том числе и духовной. Вот посты, вот праздники, вот обычаи, вот старцы, вот священники, вот всё-всё-всё остальное, и надо всем этим знак креста. Да, но что он означает? Не вообще для кого-то, а вот лично для меня, здесь и сейчас? Насколько мне Христос интересен?

Практика современной православной жизни и особенно миссии зачастую бывает обращена не столько к Нему, сколько к самим церковным институтам. Мы рассказываем неверующим, какая у нас замечательная церковь, и это им интересно. Родные и знакомые иногда задают мне вопросы о том, как жить по-православному. И на первом месте, конечно, вопрос: что можно есть сегодня или завтра? На втором: как правильно выполнить тот или иной обряд? Но не помню, чтобы кто-то, кроме моих детей, задал мне в неформальной обстановке вопрос о Боге, о Христе, о Евангелии. Да, люди о них помнят, но не это им важно.

Обратим внимание, в каком контексте упоминается Евангелие в подавляющем большинстве случаев на православных сайтах или в православных СМИ. Это чтение дня — тот отрывок, который звучит в этот день на литургии, и толкование к нему. Очень хорошо, конечно, комментировать такие отрывки, но если ограничиться только ими, ты никогда не прочитаешь Евангелия целиком, как единый текст, и часть этого текста останется для тебя просто неизвестной. Получается, что даже Евангелие важно лишь в контексте размеренного богослужения.

Представим себе, что мы никогда не читали «Евгения Онегина» или «Горе от ума» целиком, ограничиваясь лишь повторением к месту или не к месту широко известных цитат. Тогда изначальный их смысл от нас будет ускользать, точнее, мы будем придавать им какое-то совсем иное значение. Вот и те мои собеседники в блоге наверняка слышали, что Христос — Спаситель, но эта информация осталась какой-то фоновой, неактуальной. И полный текст Нового Завета, который весь построен на этой идее, остается просто невостребованным.

Уже предвижу, как некий читатель возмущенно воскликнет: «Протестантизм!» Как это читать Библию саму по се-

бе? Разве можно отрывать ее от святоотеческих творений? Разумеется, для православного это немислимо. Но разве Отцы писали: «Читайте лучше нас, а Библию не трогайте, сложно там всё, непонятно?» Нет, этот вывод делают сегодня, а ведь практически всё, что писали Отцы, по сути, есть развернутый комментарий к Библии и опыт жизни по ней. О том, как жить во Христе, говорили святые от апостола Павла до Иоанна Кронштадтского, и протестантизм тут вовсе ни при чем. В этом — сама суть христианства.

Всё остальное тоже очень важно, спору нет: и обряды, и культура, и участие в общественной жизни. Но всё остальное обретает смысл только в связи с этим смысловым центром церкви — Христом. Нередко ведь бывает как: человек старается жить по-православному, постится и молится, совершенствуется в добродетелях, трудится над собой. Но ощущает какую-то внутреннюю пустоту, недостаточность собственных усилий в достижении безупречной праведности...

Он может попытаться заполнить эту пустоту и недостаточность всё возрастающей активностью и внешней агрессией, а может потихонечку сокращать свое присутствие в церкви... Может, что хуже всего, стать усталым циником, жить как бы по инерции.

Свято место пусто не бывает, и для христианина по-настоящему заполнить эту пустоту может все-таки только Христос. Не посты и обряды, не общественная активность и творчество при всей их важности, полезности и нужности, а только Христос. Личная встреча с ним и жизнь в общине, где Он не просто упоминается, а живет и действует.

Понимаю, что и христоцентричность легко заболтать. Как от повторения слова «халва» во рту не становится слаще, так и от постоянных разговоров о Христе Его не становится больше в твоей жизни. Тут нужно не показное, а что-то сокровитое, внутреннее, глубинное.

Как этого добиться? Если бы я знал точный, полный и всем подходящий ответ, я был бы великим святым и не имел бы нужды писать подобные тексты. Не знаю наверняка. Вернее, знаю, что путей к этой встрече может быть много, и они разные для разных людей. Опыт святых — как раз об этом.

Очень часто говорят, и совершенно справедливо, что со Христом мы встречаемся на Евхаристии, и это самая главная встреча. Совершенно согласен с этим. Но я все же добавлю, что эта главная встреча не может быть единственной, иначе получится, что полностью христианами мы бываем в лучшем случае пару часов в неделю, на литургии, а все остальное время проживаем, как получится. Но ведь христианство — не часть жизни, а ее полнота.

Если, конечно, оно в нас есть...

ИНОЕ ТЫСЯЧЕЛЕТИЕ

Легко сказать, что в центре всей христианской жизни должен быть Христос — а как этого добиться? Как можно чаще причащаться? Или ежедневно читать Евангелие? То и другое прекрасно, но разве может быть достаточно какого-то одного рецепта? А если на индивидуальном уровне можно найти вполне разумные подсказки, что делать нам как общине, как поместной церкви, как российскому обществу?

Можно, конечно, сказать, что если все мы станем святыми, то эти проблемы исчезнут сами собой. Точно также, если мы научимся летать, нам не нужны станут самолеты и аэропорты, но это не повод забросить все исследования в области авиации. Да и вообще это отговорка — церковь никогда, даже во времена апостолов, не состояла исключительно из людей, достигших высочайшей степени личного совершенства.

Определить границы церкви вообще очень сложно, но она, в любом случае, часть общества. А общество наше меняется, за последние десятилетия мы видели несколько достаточно серьезных перемен и наверняка увидим еще. Значит, имеет смысл задуматься о том, куда мы движемся, куда эта дорога нас может завести и есть ли другие пути.

Может быть, этот разговор будет не таким привычным и комфортным, как бесконечное перечисление наших прошлых заслуг и достижений, но нельзя же этим жить вечно. Настало время задуматься о будущем.

26. Вечное возвращение и библейский Исход

Гуманитарная интеллигенция в России оплакивает свое поражение, и христианская в том числе. Не будем сейчас спорить о терминах (что есть интеллигент, гуманитарий, христианин и что есть поражение), кто в теме, те видят это примерно одинаково. Еще меньше смысла в том, чтобы обсуждать, выходить ли по этому поводу на пикеты протеста и не пора ли паковать чемоданы — такие решения принимаются индивидуально или на семейном совете.

А вот проблемы у нас как у класса или сословия общие, и прежде, чем переходить к проблемам христиан, скажу о гуманитариях в целом. Оказалось, к примеру, что в стране стремительно сокращается журналистика. Есть массовая агитация и пропаганда, есть резервации для фриков, а вот проведи качественное журналистское расследование — и ты почти наверняка останешься без работы. Причем не только ты — глобальный рынок русскоязычных СМИ перенасыщен высококлассными специалистами в поисках вакансий.

Точно так же сокращается пространство для гуманитарных наук, прежде всего связанных с историей. Проще всего это увидеть на примере денег: зарплаты в государственных институтах сильно просели даже в рублях, «Династия» оказалась иностранным агентом и самораспустилась, гуманитарный РГНФ слит с РФФИ, а по сути, ликвидирован. Далее, архивное дело переподчинено напрямую президенту, в библиотеках и ВУЗах меняется руководство, диссертация по истории вызывает шквал обвинений в экстремизме и т. д. Уже понятно: это не случайные флуктуации, а ясно выраженный

тренд. Стране, встающей с колен, нужна память о славных деяниях предков, а вовсе не независимый анализ произошедших, а в особенности происходящих событий.

Техническая интеллигенция, представители точных и естественных наук могут пока расслабиться: ракеты должны летать и танки стрелять, а средствами агитации и пропаганды этого от них не добьешься. Отставание в технической сфере от Запада очевидно, так что им дадут пожить спокойно. А вот тот тезис, что любая наука и техника эффективно развиваются лишь в обществе, ориентированном на прогресс, а не на былую имперскую славу и родо-племенную архаику, пока не кажется всем очевидным.

Средний предпринимательский класс, который поддерживал те или иные гуманитарные проекты, тоже, по сути, схлопывается и «оптимизирует расходы». Не до свободных ныне искусств. Так что мы, гуманитарии, на данный момент по определению лишние люди в своей стране. Впрочем, и в других странах нас, русскоязычных, уже слишком много, и вакансий там слишком мало, чтобы можно было на что-то всерьез рассчитывать. Плюс у многих из нас есть привычка не просто зарабатывать на хлеб с маслом (способы остались), но и какое-то ощущение личной причастности к судьбам Родины — может быть, очень наивное, но привычное.

А ведь мы наглядно увидели, что у нас как у граждан не осталось совершенно никаких механизмов влияния на политическую жизнь страны. В этих условиях смешно даже спорить о том, за кого именно голосовать и голосовать ли вообще — по-видимому, любое (не)участие в электоральных процедурах сегодня скорее очищает совесть (не)участствующих, чем влияет на состав парламента...

Но перемены (никто не знает когда и какие) неизбежны, как в нашей стране, так и в церкви. Она есть часть нашего общества и разделяет его судьбу. Никогда не знаешь, какие

это будут перемены и когда произойдут, но многие их предчувствуют. Мы, конечно, опять окажемся к ним неготовыми... или не надо заранее обречь себя на поражение? Или можно хоть чему-то научиться на собственных ошибках?

Когда в августе 1991 года мы поняли, что победили гекачепистов, радости не было предела. И каждый был уверен: Россия навсегда избавилась от авторитарного прошлого, она сделала свой европейский и демократический выбор. Если бы нам, тогдашним, рассказали, что будет дальше, мы бы просто не поверили.

Немало говорилось о том, что происходило в девяностые. У тех, кто определял развитие страны, возникла иллюзия, что «рынок все расставит по местам», в том числе и рынок идей: демократия и либерализм ведут к экономическому прогрессу и потому победят во всех странах. Соответственно адаптируется и православие — для тех, кому оно вообще интересно. А в глазах остальных оно выглядело чем-то вроде коллекционирования марок или вышивания крестиком — безобидное увлечение, даже отчасти полезное.

Но материал имеет свойство сопротивляться, в особенности человеческий. Правителям и властителям дум в очередной раз достался «не тот народ», и в какой-то момент как бы из ниоткуда появились и новая идеология, и властное православие, и многое иное. Но ведь у этого «ниоткуда» были имена и адреса. Пока условные «либералы» почивали на лаврах и делили советское наследие, тихие, неприметные люди, всем казавшиеся лузерами и фриками, писали и обсуждали тексты и создавали некую новую идеологию. И когда на определенном этапе государство и, в меньшей степени, общество задали в пространство вопрос: так, у нас тут где-то была идеология и куда-то делась — где бы новую взять? — они предложили свой конструкт, и он был с успехом принят.

Мы можем сегодня каждый «возделывать свой маленький сад», мы можем встречаться за рюмкой чая и ужасаться происходящему. Нас из поколения в поколение приучали именно к этому, и с какой-то горькой радостью мы впадаем в привычное и уютное состояние «мы всему знаем цену, но от нас опять ничего не зависит». В текущей политике, в том числе и церковной, — да, ничего. Но контуры будущего развития никогда не определялись ни административными директивами, ни голосованием большинства.

Сейчас очень неплохое время для спокойных дискуссий: пока мы не покушаемся на телеаудиторию и не выходим на митинги, никто не мешает нам обсуждать в любом формате любые насущные вопросы. Все это, кстати, прекрасно совмещается с возделыванием собственных садиков и с частными чаепитиями. Правда, христианская вера и церковная жизнь мало кому интересны: светские СМИ следят лишь за скандалами, церковные в основном транслируют официоз, а независимых православных почти нет, можно назвать разве что портал «Православие и мир», да и то он вынужден соблюдать определенные ограничения. Кроме того, он ориентирован скорее на массового читателя, которого более всего занимают текущие новости и «вечные ценности».

Только ленивый не процитировал в последние годы пророческие слова монахини Марии Скобцовой, сказанные в далеком 1936 года: «Если в церковь, одаренную терпимостью и признанием со стороны советской власти, придут новые кадры людей, этой властью воспитанные, то... в какую-то минуту, почувствовав себя наконец церковными людьми по настоящему, по полной своей неподготовленности к антиномическому мышлению, они скажут: „Вот по этому вопросу существует несколько мнений — какое из них истинно? Потому что несколько одновременно истинными быть не могут. А если вот такое-то истинное, то остальные подлежат истре-

блению, как ложные" Они будут сначала запрашивать церковь, легко перенося на нее привычный им признак непогрешимости. Но вскоре они станут говорить от имени церкви, воплощая в себе этот признак непогрешимости... Тут нельзя иметь никаких иллюзий — в случае признания церкви в России и в случае роста ее внешнего успеха она не может рассчитывать ни на какие иные кадры, кроме кадров, воспитанных в некритическом, догматическом духе авторитета. А это значит — на долгие годы замирение свободы».

Мы с удовлетворением ставим галочку: пророчество сбылось. И добавляем вторую галочку: мы-то на стороне матери Марии, антиномического мышления и церковной свободы, но мы опять остаемся непонятыми. А не пора ли что-нибудь по этому поводу сделать? Представим себя на месте миссионеров, отправившихся проповедовать христианство народу с другой культурой и образом мышления. Например, советскому. Разве не должны мы приспособить свою проповедь к представлениям и верованиям аудитории? Разве мы вправе требовать, что аудитория целиком и полностью будет соответствовать нашим ожиданиям?

Так вот, дорогие просвещенные друзья, другого народа у нас нет. Да, он страдает, как и любой другой народ, от своих предрассудков и комплексов, он бывает крайне невосприимчив к тому, что кажется нам очевидным. Но если мы себя считаем интеллигентами, мы обязаны принять этот факт и действовать в предлагаемых обстоятельствах, заниматься просвещением и образованием на понятном народу языке. Если мы этого не сделаем, у нас не будет никакого права жаловаться, что после очередных великих потрясений Россия пойдет на очередной круг имперской левиафанианы при полном одобрении трудящихся.

Лично для меня таким просветительским проектом стала серия общедоступных книг по прочтению Библии и новый

перевод новозаветных Посланий, над которым я работаю в последнее время (он был представлен в 11-й главе). Речь идет не просто о «приращении знания» или популяризации современной библеистики, но о попытке вернуться к базовым текстам, с которых начиналось христианство, и показать, как мы можем прочесть их сегодня. Разумеется, в других случаях это могут быть и другие проекты, и желательно коллективные, хотя я прекрасно осознаю, что российский интеллигент обычно яркий индивидуалист (собственно, потому он чаще всего и проигрывает).

Есть дело, которое всегда будет востребовано, которое практически невозможно запретить и которым можно заниматься почти в любых условиях, — это образование и просвещение. И если уж рассуждать о судьбах Родины, то ее основная проблема не столько в фамилиях людей, стоящих у власти, сколько в готовности подданных поддаваться на примитивные манипуляции, принимать пропаганду за истину и искать слишком простых ответов на сложные вопросы. Гуманитарное знание в конечном счете учит человека эффективно и независимо общаться с другими людьми и существовать в обществе — недаром эти науки называли в СССР «общественными». И чем больше людей обладает навыками критического текстового мышления, тем меньше шансов, что любое развитие событий в стране приведет только к новой диктатуре.

А может, бежать от всей этой политики, экономики, идеологии? И вот огромное число верующих людей в это смутное время не просто выключают телевизор, но резко сужают поле зрения, уходя в подробности богослужебной жизни, в посты и праздники, в сложную систему табу, в богословские размышления и молитвенное делание. Некоторым удастся, но зачастую они остаются христианами в одной четверти, в одной десятой или одной сотой своей жизни, где всё расписа-

но и предписано, а основную часть проводят, как придется. Там всё слишком неочевидно.

А порой земной прозы вообще нет, а есть сплошь тихое и безмятежное житие в затонувшем граде Китеже, и проповедь обычно сводится к разговорам о красоте и великолепии этого града и к обличениям насущной действительности, которая не хочет ему соответствовать. Православие — всё больше о правильных словах на правильную тему, и всё меньше о реальной жизни. И жизнь течет сама собой и для «православного большинства», которое так гордится тем, что оно — большинство.

Словом, торжество субкультуры, которая оторвалась от своих изначальных смыслов: принято так говорить, делать и думать, потому что так принято, а иное не благословляется.

Со стороны церкви в последнее время всё чаще звучит еще и обычный корпоративный пиар, который почему-то выдается за миссию: нам рассказывают, какая наша церковь замечательная, нам разъясняют принятые руководством решения, призывают сплотить ряды и поддержать материально. Всё это вполне естественно для любой корпорации (а церковь, помимо всех ее мистических качеств, есть еще и человеческая корпорация), но это совсем не ответ на вопрос «как нам жить?».

Иногда политики пытаются использовать церковь и всё с ней связанное в своих собственных целях. Но свято место пусто не бывает, и если мы перешли на язык политического пиара, значит, прежде того забыли о чем-то евангельском. И наш «миф о вечном возвращении» дурного и жестокого прошлого так и остается с нами.

Да и когда мы пытаемся разобраться с внутрицерковными проблемами, мы обсуждаем всё те же технические подробности, что и четверть века назад: можно ли молиться на русском языке? можно ли развести причастие с исповедью? какая иерархия самая каноничная, а какая, напротив, самая

независимая от кесаря? кто должен перед кем публично покаяться, чтобы восстановить разрушенное единство? да и не пора ли нам избирать духовенство и епископат всеобщим и равным голосованием? Словом, заменить неправильный, сергианский, неканонический и еще какой клерикализм — правильным, каноническим и демократическим? Те же идеология и политика, но в церковных ризах.

Кто виноват, для христиан очевидно: мы сами. Лучше задумаемся, что делать.

Всё больше людей, которые хотели бы разорвать порочный круг. Множество людей в наших странах живет свободнее и сытнее, чем жили их предки с Рюриковых времен, но им остро не хватает смыслов и ценностей, превосходящих потребительскую рекламу и политическую демагогию. Грубо говоря, они хотят знать, что живут не только ради новой марки автомобиля или партийного флага, они хотят иметь более высокие цели, но не всегда знают какие, хотят уважать себя и свою страну, но не всегда видят за что.

И когда люди вдруг открывают для себя нечто крайне важное: благотворительность, к примеру, или отстаивание прав слабых и угнетенных, — они обычно делают это вне и помимо церкви, даже если сами они верующие. Церковь в лучшем случае реагирует на запросы со стороны остального общества, но почти никогда не ведет его за собой. От соли земли, от света миру, от города на горе можно было бы ожидать более активной и значимой позиции. Как ее выстроить?

Для целостного и действенного мировоззрения характерна иерархическая структура. В основе его лежат вечные истины, которые не подвержены пересмотру. На них опираются базовые ценности, далее идут стратегические решения, а от них зависят сиюминутные тактические ходы и технические средства. Если эта иерархия построена и связи на каждом переходе очевидны, мировоззрение позволяет человеку

разобраться в самых разных и неидеальных ситуациях «как жить?».

Но что произойдет, если оставить только ценности (догматы веры) и технические средства (устав и типикон), думаю, понятно. Связь между одним и другим теряется: люди живут «как придется», но четко знают, что они православные, что на Пасху надо красить яйца, а перед этим полтора месяца не есть мясного и молочного. Не очень, правда, понятно зачем, но так принято.

Связь между одним и другим — в основополагающих текстах, прежде всего в Библии. Казалось бы, как можно руководствоваться в нашей современной жизни книгами, написанными тысячелетия назад для людей, живших в совершенно ином мире и сталкивавшихся с иными проблемами?

Приведу только два очень разных примера, того, как это может работать, из области политики и экономики. Послевоенная Германия поднималась из руин и избавлялась от своего нацистского прошлого и милитаристских традиций в огромной мере благодаря политическим усилиям христианских демократов. Конрад Аденауэр, лидера ХДС/ХСС, занимал пост федерального канцлера в 1949-1963 годах и создал германскую демократию, а при другом лидере, Гельмуте Коле (канцлер в 1982-1998 годах), Германия воссоединилась и стала ведущей страной новой Европы. Из нацистского кошмара христианами были сделаны очень конкретные выводы, и первая статья конституции ФРГ звучит так: «Достоинство человека неприкосновенно. Уважать и защищать его — обязанность всей государственной власти. Посему немецкий народ признает неприкосновенные и неотчуждаемые права человека в качестве основы всякого человеческого сообщества, мира и справедливости на земле. Нижеследующие основные права обязательны для законодательной, исполнительной и судебной власти как непосредственно действующее право».

Это действительно библейский принцип, потому что в его основе лежит представление о человеке как об образе и подобии Божьем. Следовательно, высшая ценность в этом мире — достоинство этого человека, а не партии, нации, государства или какой-то иной структуры, которая не переходит в вечность и потому менее важна, чем одна отдельно взятая личность. И для двадцатого века нашей эры эта истина оказалась не менее актуальной, чем для первого.

Наши страны, внесшие основной вклад в победу над фашизмом, могли бы тут многому поучиться. Но сравним: у нас к православной риторике то и дело прибегает большинство политических партий, а чаще всего — впавшие в амнезию коммунисты. Но в России не заметно ни одной сколь-нибудь серьезной политической силы, которая последовательно руководствовалась бы христианскими принципами (как, к примеру, первая статья конституции ФРГ), а все попытки создать христианские партии в начале 90-х закончились провалом. В результате я с удивлением обнаруживаю на каждых выборах, что голосую примерно по тем же соображениям, что и мои неверующие соседи, и что сделать это «похристиански» у меня просто нет возможности.

Совсем иной пример — из области экономики, и здесь мы посмотрим на исламский опыт, ведь и его не зорно учитывать. Для правоверного мусульманина непозволительно пользоваться услугами обычного банка, поскольку Коран категорически запрещает ростовщичество, то есть проценты с займа или вклада. Кстати, такие же запреты мы встретим в христианском Писании и Предании, но их мало кто воспринимает всерьез, так как в условиях современной экономики и заметной инфляции без процентов, казалось бы, не обойтись.

Но исламские банки в разных странах мира прекрасно обходятся. Они не выдают кредитов, а покупают дорогую вещь и продают ее своему клиенту с платежами в рассрочку,

ведь Коран не запрещает торговую прибыль. А вместо ипотеки банк покупает жилье и пускает человека жить за определенную арендную плату, а когда она достигает некоторого уровня, жилье переходит в его собственность. Казалось бы, какая разница по сравнению с ипотекой? Вспомним, как не раз в последние годы ипотечные должники вынуждены были продавать свое резко подешевевшее жилье и еще оставались должны банку немалую сумму. С исламским банком такое невозможно, клиент и банк тут делят возможные прибыль или издержки. И это уж не говоря о том, что подобному банку нельзя вкладывать деньги в греховные проекты (продажа порнографии, к примеру), равно как и спекулировать, покупая товар для немедленной перепродажи.

У нас в стране немало предпринимателей или банкиров считают себя православными и регулярно перечисляют деньги «на храм», получая за это церковные ордена, но мне не известен ни один банк, который попробовал бы в своей деятельности руководствоваться ясно выраженными требованиями Писания и Предания. Если бы он существовал и доказал бы свое намерение делом, я не побоялся бы взять в нем кредит... простите, купить у него что-нибудь в рассрочку.

Как жить? На какие базовые ценности опираться? Как принимать стратегические решения, какими тактическими приемами пользоваться? Народ интересуется, от маститых протоиереев до тех самых вечных неофитов. Да и мимо идущие хотели бы знать: что там у нас в церкви, кроме вечных истин и правил поведения?

Православные активисты предлагают на стогнах града свои ответы, притом тактические приемы и технические средства позаимствованы то ли у рекламистов (православным быть выгодно, удобно, престижно), то ли вовсе у хунвейбинов (громи всё неправославное). Но если есть подделка, значит, есть и спрос, значит, существует или может существо-

вать и настоящее. И не стоит ждать, что его нам выдаст некий специально созданный синодальный отдел «по поиску смысла жизни», его мы вольны искать сами для себя и обмениваться по ходу поисков опытом.

И на что же опереться в поисках? Мой ответ будет банальным — на Писание, которое, казалось бы, должно стать центром всей христианской жизни, а на самом деле оно в лучшем случае стоит тихонечко на полке.

Да читаем ли мы Библию даже тогда, когда читаем? Или скорее повторяем привычные цитаты и формулировки, с которыми, как нам кажется, всё нам понятно? Вот только один небольшой пример: «Тогда фарисеи пошли и совещались, как бы уловить Его в словах. И посылают к Нему учеников своих с иродянами, говоря: „Учитель! мы знаем, что Ты справедлив, и истинно пути Божию учишь, и не заботишься об угождении кому-либо, ибо не смотришь ни на какое лице; итак скажи нам: как Тебе кажется? позволительно ли давать подать кесарю, или нет?“ Но Иисус, видя лукавство их, сказал: „Что искушаете Меня, лицемеры? покажите Мне монету, которою платится подать“. Они принесли Ему динарий. И говорит им: „Чье это изображение и надпись?“ Говорят Ему: „кесаревы“. Тогда говорит им: „Итак отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу“» (Мф. 22:15-20).

Кто же не знает, что кесарю, то есть государству, надо отдавать, что ему полагается, и вообще выполнять его законные требования, доколе они не противны нашей вере. Ну и с Богом, наверное, надо примерно так же — отдать, что положено: пост, посещение богослужений, благотворительный взнос... Не случайно родилось это митьковское: «кесарю — кесарево, а остальное на оттяг». Так ведь, на самом деле, оно и происходит в большинстве случаев, а Богу мало что остается.

А теперь давайте этот текст действительно прочитаем. К Иисусу сообщают приступают иродяне и фарисеи, отноше-

ния между двумя партиями были примерно такими же, как сегодня между Единой Россией и Яблоком. Это как же надо было достать тех и других, чтобы они согласились увидеть в Нем общего врага и объединиться! И вот они спрашивают, платить ли римскому кесарю эту унижительную подать, один динарий в год, — вроде и сумма ничтожна, но вопрос-то принципиальный.

И невозможно ответить так, чтобы все остались довольны. Скажешь «нельзя» — сдадут римским властям как мятежника, да и иродиане-коллаборанты будут очень недовольны. Скажешь «нет проблем, платите» — оскорбишь этим всех патриотов, а заодно и благочестивых фарисеев. Они, конечно, сами платят, но как-то так незаметно, без фанатизма, с сокрушением сердечным. Да и жалко ведь динарий отдавать! Народ такое тоже не поддержит.

Что делает Иисус? Он полностью переворачивает ситуацию. Просит показать ему самую ходовую монету, динарий, заодно точный размер подати. У Него с собой нет динария, Он как будто вообще его не видел никогда в жизни... а вот у вопрошающих есть, причем наверняка не один. Так-так-так, и что же на этой монете? Изображение человека, что строжайше запрещено Законом, да еще какого человека — римского императора, завоевателя и угнетателя Иудеи! А надпись? Это же вообще кошмар: там император Тиберий называется «верховным понтификом», то есть жрецом языческого культа, и даже «сыном Божественного Августа».

Да разве не жжет такая монета руки пламенных патриотов и благочестивых верующих? Немедленно отдайте, избавьтесь от скверны сей же час, тем более если хозяин требует ее обратно! Трудно пришлось подосланным фарисеям и иродианам: до сих пор они видели в каждом динарии — просто динарий. А теперь они будут помнить, чье там изображение и чья надпись, и ведь у них у каждого далеко не по одной монете.

Требуется ли тут Иисус аккуратности в уплате налогов? Запрещает ли брать в руки языческие монеты? Скорее он показывает: вы ставите ловушки этих мелочных «можно — нельзя», но живая жизнь никогда в них полностью не впишется, и при известной ловкости ума в ту же ловушку угодит сам ловец. Хочешь быть таким щепетильным благочестивцем — откажись от римских денег, беги в пустыню питаться акридами. Не по силам? Тогда не привередничай. Задумайся лучше о том, чего от тебя ожидает Бог. Вот это действительно важно! Ты не забыл ли о Нем за всякими ритуальными подробностями, политическими новостями, острыми дискуссиями?

А чего требует Бог, сказано еще у ветхозаветных пророков, более чем на полтысячи лет раньше: «Ибо Я требую милости, а не жертвы, и познание Бога — выше всесожжений!» (Ос. 6:6). Эти слова звучат вполне актуально и в наши дни, когда, словно в древнем Израиле, люди «договариваются с Богом», жертвуя на храм, но не забывают при этом забирать последнее у ближнего своего.

Четыре раза в год, перед каждым многодневным постом, во всех СМИ нам расскажут, что можно и чего нельзя есть в эти дни, но никто не процитирует самых главных слов: «Вот какой пост Я избрал: разбей оковы неправды, сними ярмо угнетения, измученных отпусти на волю, уничтожь всякое ярмо! Раздели с голодным свой хлеб, нищего странника введи в свой дом, а увидишь нагого — одень его... И вот тогда позовешь, и Господь ответит, ты возопишь, и Он отзовется: „Я здесь!“ — когда не останется у тебя тяжкого ярма, надменного пальца и языка злого; когда разделишь своё с голодным, когда насытишь страждущую душу. Тогда свет твой засияет во тьме, мрак твой обратится в полдень» (Ис. 58:6-10).

Библия, как видим, очень неудобный текст. Поэтому намного проще сделать вид, что с ней мы уже целиком и полно-

стью разобрались, думать о ней не стоит — надо теперь отражать происки врагов, бороться за принятие нужных законов, наращивать экономическое могущество... и так последовательно поддаваться всем искушениям, которые Христос отверг в пустыне: искать себе побольше хлебов, славы всех царств мира и общенародного признания заслуг.

Нам, христианам всех конфессий, профессий и убеждений, на самом деле предстоит открыть Библию и прочесть — не потому, что от нас этого кто-то требует, как от Тома Сойера в воскресной школе, а потому, что именно к ней естественно обращаться христианам в поисках ответов на актуальные вопросы. Часть этих ответов мы найдем в готовом виде (как в словах Исайи о посте), но гораздо чаще придется столкнуться с ситуацией, когда Библия помогает расставить приоритеты и правильно сформулировать вопросы (как в случае с динарием), но ответы придется искать самостоятельно и многие решения будут вовсе не очевидными. Впрочем, не мы первые, есть, на чей опыт опереться, и это не только германские христианские демократы, но и Святые Отцы. То, что мы привычно называем Преданием, и есть опыт прочтения Писания христианами прошлых веков, опыт жизни по нему. Условия изменились, базовые ценности — нет.

В конце концов, христианство стало главной религией Римской империи не потому, что апостолов было много, или что на их стороне были бюрократия и репрессивный аппарат, или что они выражали чаяния широких народных масс. Нет, они смогли предложить людям нечто очень для них важное и ценное — и сделать это на понятном языке.

Чтобы прервать дурную метафизику вечного возвращения, стоит вернуться к Библии. Именно там впервые было сказано слово «Исход».

27. Традиционные ценности и немного кальвинизма

Хотя церковь в мистическом смысле — тело Христово, но в социологическом плане она — плоть от плоти нашего общества, происходящего из СССР. Причем, что естественно, она остается одной из самых консервативных частей этого общества. Это не хорошо и не плохо, это естественно.

Советское общество отличалось от западного, помимо прочего, полным отсутствием слышимого диалога по общественно значимым вопросам. Власть объявляла народу свою волю, народ на собраниях поддерживал и одобрял, на кухнях ругал или не обращал внимания, но понять, что на самом деле происходит, было трудно.

Самой же большой загадкой в СССР было — чего на самом деле хочет власть? Понятно, что и в Политбюро были разные идеи и дискуссии, что, к примеру, Косыгин был умеренным реформатором-экономистом, а Суслов — сторонником жесткой идеологической линии. Но народ, как и западные политологи, мог догадываться о соотношении сил по косвенным признакам вроде расстановки фигур на Мавзолее и высоте, на которую поднималась ладонь Брежнева, приветствующего первомайскую демонстрацию.

Если нынешняя Россия возвращается во времена СССР, то прежде всего в этом отношении. Какая у власти сегодня программа, не может внятно объяснить никто, а что такое оппозиция, вообще непонятно. Надо ли удивляться, что руководство РПЦ еще в меньшей степени, чем политическое руководство страны, склонно выступать с программными

заявлениями или раскрывать внутренние разногласия? Не только общество в целом, но и те, кто определяет сегодня церковную политику, сложились как личности в советское время.

С другой стороны, все те десятилетия для советского государства главным было развитие и освоение новых пространств, а православные были предельно консервативны. Поместный собор 1917-1918 годов, указавший путь для развития и преобразований, собрался слишком поздно — в стране начиналась Гражданская война, ее продолжила жесточайшая диктатура убежденных атеистов, церковь была подвергнута гонениям, беспрецедентным в отечественной истории. Основной, а то и единственной задачей церковных людей стало сохранение всего, что еще можно было сохранить.

Отсюда берет начало и психология осажденного лагеря: ничего не менять внутри, не до того сейчас, но отбивать яростные атаки врагов и переходить при малейшей возможности в наступление; она стала определяющей на все постперестроечные годы церковной жизни, а теперь еще и очень удачно совпала с официальной государственной идеологией.

Наблюдатели отмечают, что в публичных речах руководства РПЦ крайне мало говорится о Христе, Боге, Евангелии. Кто-то делает поспешный вывод, что вера для них мало значит, но это далеко не единственное возможное объяснение. Скорее можно сказать, что догматы веры понимаются как нечто раз навсегда решенное и подтвержденное временем, так что лишний раз говорить об этом не приходится.

Характерный пример — «благодатный огонь», который зажигается накануне Пасхи внутри Храма Гроба Господня в Иерусалиме. Многие верят, что огонь этот нисходит с небес и обладает особыми свойствами (хотя церковь никогда не делала это частью своего вероучения): огнем можно, например, умывать лицо, не обжигаясь. Для значительной части право-

славных это и есть главное, самодостаточное доказательство истинности православной веры, ведь снисходит-то он на православную, а не западную Пасху.

Да, несколько лет назад были серьезно реформированы или созданы заново институты, в которых мог начаться содержательный диалог о вере и церковной жизни: прежде всего, это Межсоборное присутствие и Библейско-богословская комиссия. Диалог действительно начался, но скоро стало понятно, что органы эти носят консультативный характер: в них отобраны подчеркнута лояльные люди разных взглядов, и все документы, которые они принимают, должны быть рассмотрены архиерейским собором или совещанием (в последнее время совещание все чаще заменяет собор). Без их одобрения никакие решения не имеют никакой силы.

То есть пространство для дискуссии по теоретическим вопросам расширилось, а пространство принятия решений — нет. Ключевым термином здесь служит слово «священноначалие», то есть высший епископат во главе с патриархом, которые выступают консолидировано. Это не простое начальство, а священное, оно говорит от имени церкви. Отдельный епископ может ошибаться, и его старшие собратья (и только они) могут его поправить, но священноначалие в целом принимается за непогрешимое.

С этим связана важнейшая структурная проблема: отсутствие адекватной обратной связи и «заднего хода». Раз за разом иерархи оказываются втянутыми в скандалы, где выгоды сомнительны, а репутационные потери огромны. Но давайте вспомним, что эти люди десятилетиями живут в среде, в которой фраза «ваше высокопреосвященство, в данном случае вы неправы» просто немыслима. Наверх подается почти исключительно позитивная информация, а редкий негатив маркируется как «происки врагов», которым, конечно, ни в чем нельзя уступать, с ними нужно бороться.

Зато активно осуществляются программы по строительству храмов, прежде всего в Москве. Это логика экстенсивного развития, знакомая нам по тому же советскому прошлому: важен план по валу, а не смена ассортимента. И особенно важно максимально широко обозначить свое присутствие на географической карте.

Собственно церковная жизнь понимается как закрытая и самодостаточная, главная задача церкви как института заключается в том, чтобы максимально расширить сферу своего влияния. Это касается не только храмов, но и смыслов, которые на этом языке называются традиционными ценностями.

Самоочевидными полагаются предпосылки: христианство на территории России и большинства стран бывшего СССР — это православие, православие — это церковь, церковь — это РПЦ МП и все ее структуры, а любая критика любой части этих структур есть «информационная война против церкви» и, в конечном счете, против Бога, причем вне зависимости от того, насколько критика справедлива.

Многие считают, что за этим стоит всего лишь обычная корпоративная этика, когда наши по определению всегда правы, а любая критика есть вражеская инсинуация. Но мне представляется, что за этим подходом есть и определенное богословие — проще говоря, сегодняшнее русское православие испытывает прививку кальвинизма. Об этом подробнее.

Центральное для христианского богословия понятие — это *спасение*, пребывание человека в вечности с Богом и Его святыми. Своими собственными усилиями человек спастись не может, это происходит только по милости Божией, когда человек принимает веру во Христа и присоединяется к Его церкви.

А вот дальше начинаются тонкости. Как это получается, что одни люди обретают спасение, а другие нет? И что тут

зависит от самого человека? В классическом кальвинизме, одной из основных ветвей протестантизма, всё выглядит достаточно просто. Бог сам предназначает одних людей для спасения, других — для гибели, и сам человек ничего изменить не в состоянии. Спасенные входят в церковь и всегда пребывают в ней, их задача — вести достойную жизнь и укреплять свою церковь. Остальные обречены.

Кальвинистская модель сулит процветание: принявшие его Швейцария и Нидерланды, а равно и пуританские колонисты в Америке добились экономического успеха во многом благодаря именно тому, что вопросы духовной жизни оказались раз и навсегда разрешенными и можно было заняться торговлей и ремеслами. При этом, стоит заметить, Жан Кальвин установил в городе Женеве настоящую тоталитарную диктатуру, где богословские и бытовые вопросы равно решались единообразно и на самом высшем уровне.

А при чем тут русское православие? Впервые я встретился с подобными идеями, когда более десяти лет назад единственный раз в своей жизни участвовал в богословском диспуте о книге никому тогда не известного С. Л. Худиева, она называлась «Об уверенности в спасении». Краткое содержание: православный христианин может и даже должен быть уверен в том, что ему обеспечено спасение уже в силу его принадлежности к церкви. Именно в этой уверенности он находит силы для духовной борьбы, для проповеди христианства внешнему миру.

Мы с моим другом Михаилом Зеленым написали на книгу развернутую рецензию. Да, говорили мы, Худиев приводит корректные цитаты, но он их приводит не все. И для православия другой подход более характерен: никто ни в чем не может быть уверен до самого конца, потому что каждый из нас слаб. Нерушима лишь верность Бога Своим обещаниям и Его милосердие, дающее нам надежду.

Тогда, в самом начале двухтысячных, этот спор показался мне интеллектуальным упражнением, имеющим мало отношения к практике христианской жизни, тем более, что по подавляющему большинству практических вопросов у нас с Худиевым не было разногласий.

Но время шло, и в последние пару лет я все чаще слышу от других и сам себе задаю вопрос: что же происходит с нашей церковью? Почему в ней все больше формализма, отчетности и помпезности? Почему церковное руководство все громче и настоятельнее говорит о ценностях и прочих идеологемах и все меньше — о Христе и Евангелии? И почему все строится по кремлевской модели ручного управления?

И тогда я вспомнил о наших спорах с Худиевым, теперь самым известным в стране православным публицистом, абсолютно лояльным ко всему, что нисходит от священноначалия. И он раз от разу объясняет почему. Если спасение человека, то есть его судьба в вечности, целиком и полностью определяются фактом его принадлежности к церковной организации, его основная задача — укреплять, защищать, развивать эту самую организацию. Он подобен пассажиру, плывущему на корабле во время бури: главное, чтобы корабль был исправен и команде никто не мешал, не до споров нынче о том, в чем прав или неправ капитан.

Церковь так часто и изображают, в виде корабля, где кормчий — Христос. Впрочем, есть в Евангелии и другой образ: апостолов, которые пересекают Галилейское море без Христа. У них свои какие-то задачи и потребности, и вот на море начинается буря, они в ужасе — и в этот момент они замечают Христа, идущего по волнам. Им остается только просить Его о спасении. И апостол Петр даже решается на безумие: он идет по воде к Спасителю. Его веры хватает всего на несколько шагов, но все-таки он не стал смолить борта, а шагнул по водной глади к Тому, без Кого и борта не помогут.

Впрочем, хватит аллегорий, вернемся к нашей реальности. С приходом патриарха Кирилла связывались многие надежды: на обновление церковной жизни, на решение назревших вопросов, таких, как богослужение на современных языках и новый перевод на них Библии и святоотеческой литературы, и многое другое. Обновление последовало, но почти исключительно в административной области (новые епархии и синодальные структуры и т. д.).

Повторюсь: если спасение гарантировано самим фактом принадлежности к церковной организации, важен лишь ее церковной рост и количественные показатели. И конечно же первое условие для процветания любого большого предприятия в нынешней России — это, безусловно, хорошие отношения с Кремлем.

Потому в области политики и церковно-общественных отношений церковь как раз исключительно активна. Своеобразным показателем может служить самый представительный церковный форум — ежегодные Рождественские чтения в Москве. На них приезжают люди со всех епархий, и вот из года в год можно слышать десятки докладов о взаимодействии с правоохранительными органами, о патриотическом воспитании, о миссии в местах заключения и возрождении казачества. А вот секция про Библию была всего пару раз — в остальных случаях не набиралось достаточное количество докладчиков, желающих порассуждать о толковании Библии.

Раз все главные вопросы уже решены и церковная жизнь налажена, то остается только ее поддерживать и воспроизводить, а также как можно шире раздвигать в общественном пространстве границы «воцерковленного». А под «воцерковлением» зачастую понимается просто умножение числа «православных маркеров»: иконок, крестиков, молебнов и т. д.

Правда, примерно половина той самой Библии говорит о другом: в кризисные, сложные моменты отдельные люди и

целые народы должны обратиться к голосу своей совести и что-то изменить в своей жизни. Исая начал свою проповедь так: «Вы приходите предстать предо Мной — но кто требует от вас во дворах Моих топтаться? ... Простираете ко Мне руки — Я тогда отвожу глаза; множите молитвы — Я не слышу: руки ваши полны крови. Омойтесь, очиститесь! валите злодеяния свои прочь с глаз Моих, прекратите творить зло; научитесь творить добро, ищите правды, порицайте угнетателей, окажите справедливость сироте, правый суд подайте вдове. Вот тогда приходите, и рассудим! — говорит Господь».

Это называется «покаяние» (см. 14-ю главу). Но в богословии нового типа покаяние понимается по упрощенной схеме: это нечестивцы-враги должны перед нами покаяться, и тогда мы их простим. Сами мы, положим, тоже не безгрешны, но у нас отлажены механизмы исповеди, личные грехи и недостатки каждого из нас не лишают сам церковный организм признака непогрешимости.

А ведь не только правителям, но и людям простого звания гораздо проще бывает поручить заботу о спасении души безошибочным профессионалам, а самим ограничиться эпизодическим участием в обрядах и соблюдением некоторых простых внешних запретов. Есть в православных газетах и на православных сайтах такая популярная рубрика «вопросы батюшке». Стоит ее почитать, чтобы составить представление о чаяниях народных. Богословские вопросы там отсутствуют напрочь (сложно и скучно), нравственные наставления относительно редки (с этим каждый сам разбирается). Львиная доля вопросов — о том, что можно есть, что можно носить, в какие места можно целовать жену (реальный пример!), чтобы не нарушить какого-нибудь табу. И еще поиски совета в конкретных житейских ситуациях: какие молитвы читать, если муж пьет или жена гуляет.

У этих людей никто не отбирал свободы и ответственности, они сами с готовностью перекалывают их на плечи священнического сословия. Собственно, так всегда и жило большинство людей. Именно потому и появлялись люди, подобные библейским пророкам или средневековым юродивым, они будили совесть, они заставляли пересматривать привычные представления и возвращаться к самым истокам веры.

Но если отнести Христа к области чего-то раз и навсегда решенного, если видеть себя в лагере уже отобранных для спасения праведников, никакое средство в конечном счете не покажется неприемлемым для достижения тактического преимущества. Ведь стратегическая победа нам уже гарантирована. И, слушая некоторых православных, видишь порой, что корпоративная этика у них едва ли не полностью поглотила евангельскую.

Ни в коем случае не хочу обвинять никого в ереси и попищать сам факт кальвинистского влияния. Когда-то и колокола пришли в Россию с Запада, православный Восток их не знал. Вопрос не в том, откуда что пришло, а в том, насколько оно полезно. И как раз ударные дозы кальвинизма, на мой взгляд, породят куда больше проблем, чем решат.

28. Симфония сталинизма

Свято место пусто не бывает, и, когда у христианства по тем или иным причинам не получается быть тем, чем оно быть призвано, оно ставит во главу угла нечто иное. Самый простой случай подмены — государственные или национальные интересы. Это искушение так или иначе переживали или переживают, пожалуй, все конфессии с достаточно длинной историей, и русское православие — не исключение.

Христианство по своей природе — не родо-племенная, а универсалистская религия. Ее основной посыл — возможность войти в церковь для каждого человека из любого народа по личному выбору, а не по праву рождения, принадлежности к определенной культуре, владению языком и т. д. В то же время православное христианство глубоко укоренено в истории и культуре Византии и некоторых других стран и народов, прежде всего южных и восточных славян; оно наднационально, но его невозможно назвать вненациональным, и поэтому исторически его отношения с разными национализмами складывались по-разному.

А сегодня у нас всё чаще речь заходит о целой империи или цивилизации, центром которой выступает именно народ, причем церковная власть призвана в ней сотрудничать с государственной самым тесным образом. По сути, речь сейчас идет о несколько модернизированной версии византийской *симфонии властей*. Канонизированный император Юстиниан определил это понятие в VI веке так: «Величайшие дары Божии, данные людям высшим человеколюбием — это священство и царство. Первое служит делам Божеским, второе заботится о делах человеческих. Оба происходят из одного источника и украшают человеческую жизнь. Поэто-

му, если первое поистине беспорочно и украшено верностью Богу, а второе украшено правильным и порядочным государственным строем, между ними будет доброе согласие (симфония)».

А вот как воспеваает это единство стихира, которая была сочинена монахиней Кассией и которая и по сей день звучит в наших храмах на Рождество: «Августу единоначальствующу на земли, многоначалие человекв преста,- и Тебе вочеловечшуся от Чистыя, многобожие идолов упразднись Под единым царством мирским гради быша, и во едино владычество Божества языцы вероваша. Написашася людие повелением кесаревым, написахомся вернии именем Божества, Тебе вочеловечшагося Бога нашего. Велия Твоя милость, Господи, слава Тебе».

Император обладал в церкви огромными правами. Достаточно сказать, что Вселенские соборы созывались им и проходили под его непосредственным руководством, не исключавшим и силового вмешательства при нежелательном ходе событий. Император, равно как и патриарх, предстал перед византийцами одушевленной иконой Христа. Не воплощением, а именно иконой, что подразумевает почитание скорее самого института императорской власти, чем ее конкретных носителей, среди которых нередко встречались люди недостойные.

Напомню, что сами византийцы не знали, что живут в Византии: они называли себя римлянами, а свою империю — Римской, как оно, собственно, и было. И церковное, и политическое устройство империи было непосредственным продолжением римских традиций. В языческом Риме император «по должности» являлся и божеством (*divus Augustus*), и верховным жрецом (*pontifex maximus*) одновременно. Византийцы переосмыслили эту традицию, воспринимая царя как икону и тщательно отделив священническое служение от царского.

Отступления от идеала были, конечно, обычным делом. Наиболее известен конфликт св. Иоанна Златоуста и императорской четы, Аркадия и Евдоксии, который привел к ссылке Иоанна, тогда константинопольского патриарха. Не прощали ли было для Иоанна обличать врагов империи и церкви (например, парфян) и прославлять мудрую политику государя, наслаждаясь заслуженным почетом и богатством, которое само текло ему в руки? Но епископ, в его представлении, не обласканный властью чиновник, а служитель народа Божьего. Он распродает роскошное убранство архиепископского дворца и передает вырученные средства на содержание больниц и гостиниц для паломников.

И он не ограничивается личным примером и пускает в ход епископское слово. IV век, век принятия христианства как государственной религии, был одновременно и временем, когда уже стала забываться первоначальная простота христианских общин, особенно в величайшем и богатейшем городе мира, рядом с императорским двором. Мало кого удивляло, что голодный нищий и пиршествующий богач (как в евангельской притче) формально братья во Христе, а на деле от одного до другого как от земли до неба.

Златоуст обличает, от него достается всем: и епископам, и знати, и даже императорской чете. Но больше всего он ополчается против богатства и социального расслоения: «Сначала Бог не сделал одного богатым, а другого бедным и, приведши людей, не показал одному многих сокровищ, а другого лишил этого приобретения, но всем предоставил для возделывания одну и ту же землю. Каким же образом, когда она составляет общее достояние, ты владеешь столькими-то и столькими участками, а ближний не имеет ни клочка земли?.. Корыстолюбивые богачи — это какие-то разбойники, засевшие при дороге, грабящие проходящих и зарывающие имущества других в своих кладовых... как сви-

нии в грязи, они услаждаются, валяясь в нечистотах сребролюбия».

Так и с императрицей Евдоксией, фактической правительницей при слабом и безвольном императоре Аркадии, Златоуст вступает в конфликт из-за ее неумеренной роскоши и жадности. Он защищает от конфискации имущество вдовы и детей опального вельможи, а в храме, обличая в проповедях щегольские траты, недвусмысленно показывает глазами на саму императрицу... Такого снести она никак не могла! Ведь еще недавно римские императоры официально считались богами, а «оскорбление величества» было самым страшным уголовным преступлением.

Иоанн просто не мог воспринимать христианство и в особенности священство не всерьез, не мог рядом с собой видеть людей, сочетавших христианскую символику со вполне языческими поступками. Например, установили на городском ипподроме серебряную статую императрицы — что в этом такого? Всегда так поступали в Риме! Но Иоанн откликается на это событие проповедью: «Вновь Иродиада беснуется, вновь возмущается, вновь пляшет, вновь требует главы Иоанна на блюде». Императрицу он сравнивает с распутной женой царя Ирода, император, соответственно, оказывается Иродом...

В 404 году Константинопольский собор отправляет Иоанна Златоуста в новую ссылку. Сам он сказал об этом так: «Братия, вор не приходит туда, где хворост, сено и дрова, но — туда, где лежит золото, или серебро, или жемчуг; так и дьявол не входит туда, где прелюбодей, или богохульник, или хищник, или корыстолюбец, но — туда, где провождающие пустынную жизнь... Так, если изгонят меня, я уподоблюсь Или; если бросят в грязь — Иеремии; если в море — пророку Ионе; если в ров — Даниилу; если побьют камнями — Стефану; если обезглавят — Иоанну Предтече; если будут

бить палками — Павлу; если распилят пилою — Исайе; и о, если бы пилою деревянную, чтобы мне насладится любовью ко кресту!»

Он был отправлен в городок Кукуз в Армении, где продолжал активнейшую переписку с друзьями (до нас дошло более двухсот писем). И за это из Кукуза он был отправлен еще дальше, на самый край тогдашней Империи — в Питиунт (нынешняя Пицунда в Абхазии). Места назначения измученный святитель так и не достиг — он умер в местечке под названием Команы 14 сентября 407 года.

Перед смертью он произнес слова, ставшие затем своего рода последним девизом всех пострадавших христиан: «Слава Богу за все!»

Но таких конфликтов было немало и в дальнейшем. На Рождество 814 года св. Феодора Студит (даже не иерарх, а игумен монастыря!) бросил императору-иконоборцу Льву V в храме св. Софии на Рождество такие слова: «Не отнимай у церкви ее дара; ведь апостол сказал: имеем различные дарования, иные апостолы, иные пророки и иные евангелисты, иные имеют служение или учительствуют во исповедание веры. Но он не упомянул императоров. Тебе, император, вручены политическое правительство и армия. Блюда их и оставь церковь ее пастырям и учителям, как заповедал апостол».

Именно императоры-иконоборцы, носившие по знаменательному совпадению одно и то же имя Лев, пытались себе присвоить право распоряжаться и в церковной сфере. Так, Лев VI, нарушив все обычаи и законы, вступил в четвертый брак, и патриарх Николай Мистик на Рождество 906 года (всё тот же праздник Воплощения Спасителя!) закрыл перед императором двери собора Святой Софии. Затем последовали апелляция императора к Риму, арест и отречение патриарха. Смута прекратилась только со смертью императора в 912 году, после чего законный патриарх вернулся на престол.

Отметим этот эпизод: государь может силой выбить из церковных структур одобрение своим прихотям, но... очень ненадолго.

Еще один эпизод противоборства светской и церковной власти связан с именем императора Михаила Палеолога, ослепившего в 1261 году своего формального соправителя и единственного законного наследника престола Иоанна IV, тогда еще ребенка. Это было не только зверство, но еще и клятвопреступление, поскольку при коронации Михаил поклялся не причинять вреда мальчику-наследнику. Церковь не могла благословить такого поступка; император после долгих споров низложил сперва законного патриарха Арсения (1265 год), потом и собственного ставленника Германия (1266 год), но все же в 1267 году ему пришлось публично каяться в своем грехе перед третьим патриархом, Иосифом.

Византия отнюдь не была Царством Божьим на земле, но все же сравним эту историю с бесконечной чередой дворцовых переворотов Петербурга XVIII века, после которых никому и в голову не могло прийти предложить победителям публично покаяться. После смерти св. митрополита Филиппа, обличителя Иоанна Грозного, эта традиция нелицеприятной святительской оценки государевых поступков, по сути, пресеклась на Руси. Патриархи пытались брать политическую власть в свои руки при царях Михаиле и особенно при Алексее Романовых, но кончилось это довольно печально — великим расколом и петровским упразднением патриаршества.

И семена упрощенного понимания церкви как еще одного государственного института, ответственного за идеологию и воспитание подданных, которые были заронены в «симфоническую почву» еще во времена позднего Рима, дали у нас обильные всходы. Мать Мария Скобцова оценила это так: «Римский император победил Христа не на аренах

цирка, не в катакомбах, а в минуты своего признания Царя Небесного, в минуты начавшейся подмены христианских заповедей заповедями обмирщенной государственности».

В особенности ясно это видно на примере православно-го сталинизма, о котором я впервые узнал в конце 1990-х, когда вышел Интернет, а точнее — в ныне забытую социальную сеть ФИДО — и стал общаться с православными братьями по вере. Часть из них, пусть небольшая, но зато очень мотивированная, называла себя православными сталинистами. Нет, речь не шла, как у Проханова, о причудливой амальгаме, в которой настоящий, сочный такой сталинизм украшался сверху еще и православным крестиком. Тут был изящный конструкт: период правления Сталина был для православных своего рода образцом, к которому надлежало стремиться. Тогда никто не мог предвидеть, насколько востребованной окажется эта идеология... Или они-таки ее предвидели?

Сначала «православные сталинисты» казались мне вопиющим противоречием в терминах, чем-то вроде «вегетарианских мясников» или «монашествующих порноактеров». Но надо признать, что их логика была на свой лад стройна. Российская история XX века понималась ими примерно так: евреи и большевики развалили великую империю, но их, в свою очередь, уничтожил Сталин и вернул стране имперский блеск, пусть и под иным знаменем. Кроме того, он восстановил церковные структуры и дал им «охранную грамоту», которую затем отнял Хрущев. И к тому же при Сталине утвердились традиционные нравственные ценности.

При этом они не отрицали, что при Сталине в лагерях сгинуло множество людей, в том числе и православных, хотя обычно говорили, что цифры сильно завышены. Да и те жертвы «списывались» на тяжелые обстоятельства, суровую необходимость, перегибы на местах и т. д. Попытка заговорить о «слезинке ребенка» просто не воспринималась ими всерьез.

При этом никак нельзя сказать, чтобы это были люди из прошлого — пенсионеры, застрявшие в детских воспоминаниях. Нет, это были молодые ребята с амбициями, вполне встроены в новую капиталистическую жизнь: кто-то стал настоятелем подмосковного прихода, кто-то — экспертом по определению подлинности мощей святых. И самое интересное, когда они говорили о себе как о... постмодернистах: дескать, всякие формальные противоречия не преодолеваются, они просто снимаются по принципу «так я это вижу». Любовь к православному богослужению, например, без малейших проблем может у них сочетаться с любовью к сталинской пропаганде, разумеется, за вычетом атеизма.

Это было не только описание истории, но и программа на будущее: жесткое авторитарное и самодостаточное государство с православной идеологией вместо коммунистической. И надо признать, что сегодня эта идея все отчетливее звучит в выступлениях тех, кто говорит от имени православия. Обычно добавляется: да, были репрессии, но были и достижения. Выводы на будущее ясны: репрессии не должны быть массовыми, а идеология должна быть не атеистической, а православной.

И это происходит не по чьему-то замыслу, а в силу некоторых объективных причин. Как принято было говорить при Сталине, лично гражданин Иванов не участвовал в контрреволюционных действиях, но объективно он в силу своего социального происхождения является контрреволюционером. Почему так выходит? Назову три причины: риторическую, историческую и организационную.

Риторическую понять проще всего: если начать говорить о чуждых либеральных ценностях и идеологическом противостоянии бездуховному Западу, нужно все же обрести и некоторую собственную систему взглядов, причем не только религиозную, а скорее политическую и социальную. Строить

воздушные замки можно до бесконечности, но в реальности у постсоветского человека есть опыт только одной нелиберальной антизападной идеологии — советской. И это с неизбежностью приводит к тому, что любые попытки создать иной идеологический конструкт того же рода приводят лишь к возрождению классической советской модели с некоторыми модификациями — например, с восьмиконечным крестом вместо серпа и молота и с триколором вместо красного знамени. Семьдесят с лишним лет — это все-таки не сорок, как в Восточной Европе, тут произошла смена поколений и необратимая утрата преемственности.

Если бы в церкви существовали независимые дискуссионные площадки и полная свобода высказываний, то, вероятно, мы бы увидели богатую палитру мнений по самым разным социальным и политическим вопросам, и, скорее всего, православный сталинизм занимал бы на ней достаточно скромное место. Но когда идет поиск врагов и защита святынь, дискуссии прекращаются.

А что, собственно, защищать? Бога и церковь как Тело Христово? Мы сами прибегаем к ним в поисках спасения. Церковные святыни или церковь как институт? Но эту задачу решают правоохранительные органы, и весьма эффективно. Значит, главной святыней, на защиту которой предлагается встать в единый строй, оказываются «традиционные ценности», явно выходящие за рамки религиозных догматов и обрядов. Это, если угодно, некий привычный уклад, что в нашем случае, как уже было сказано, означает возвращение к советскому опыту с косметическими поправками.

Вторая причина *историческая*. Православные сталинисты не устают напоминать, что именно Сталин в 1943 году не просто прекратил гонения на церковь в СССР, но фактически возродил ее как земную организацию. Сталин дал все необходимые ресурсы, и дал в избытке, особенно если вспом-

нить, в каком состоянии находилась в том самом году вся страна. Понятно, что он преследовал свои собственные цели: требовалось возбуждать в народе патриотические чувства, нужно было налаживать отношения с западными союзниками, да и немыслимо было советским солдатам закрывать в освобожденных селах и городах церкви, заново открытые при фашистах.

В результате был заключен своеобразный конкордат: церковь помогает государству в решении некоторых задач по воспитанию населения и по созданию положительного имиджа для зарубежных партнеров, а государство гарантирует церкви терпимость в известных пределах и даже некоторое благосостояние. Именно в рамках такой системы были воспитаны иерархи старшего поколения, они в отрочестве застали последнюю волну серьезных гонений на церковь в СССР, инициированную Хрущевым, который обещал показать по телевизору последнего попа, а те, кто сегодня определяют политику РПЦ, в те годы были школьниками, сполна хлебнувшими унижений.

Унижения юности не забываются никогда, но дело не только в этом. Вся структура церковного управления после 1943 года была настроена на взаимодействие с тоталитарным государством — об это мы подробнее поговорим в 31-й главе. И сегодня популярна мечта не о новой модели церковно-государственных отношений, а о государстве, которое наконец-то откажется от атеизма и примет православие, как сделал некогда император Константин. Все то же самое, только теперь в нашу пользу.

Итак, третья причина — *организационная* — вытекает из второй. Церковные структуры (опять-таки не будем их смешивать с мистической реальностью Тела Христова!) выстроены все по тем же образцам, которые восходят то ли к советским, то ли к феодальным временам. Это очень жесткая

вертикаль власти, скрепленная безусловными сверхценностями. Неподчинение священника епископу обычно трактуется как измена данной единожды присяге, и о трудовом кодексе тут можно забыть: делай то, что говорит начальство, или уходи. Стоит ли удивляться, что система, выстроенная на жестком авторитаризме, и в политике симпатизирует подобному стилю?

Но тут нужно сделать одну очень важную оговорку: этот подход вполне постмодернистский. От настоящего сталинизма не убежишь, он тотален, а в церковных структурах вертикаль заканчивается на уровне рядового духовенства. Да, оно связано со своим церковным начальством, но вот прихожане уже выбирают совершенно свободно, куда и как часто ходить и что вообще делать. То есть на уровне приходов жесткая вертикаль сменяется жесткой рыночной конкуренцией.

В этом залог прочности этой системы: она удобна начальству, поскольку оставляет в его руках все рычаги управления, и она удобна большинству, потому что ничего от него не требует. В самом худшем положении оказываются средние, то есть рядовые священнослужители, но... и для них много отдушин. Они связаны безусловным подчинением в том, что касается внутрицерковной жизни, зато никто обычно не мешает им заниматься, к примеру, творчеством, или бизнесом, или семейной жизнью.

Православный сталинизм показался мне в конце девяностых постмодернистским интеллектуальным пижонством. Сегодня все вроде бы изменилось... все, кроме постмодернизма. Это по-прежнему «а вот мне сейчас хочется видеть это именно так, и никто не вправе мне указывать». Это по-прежнему выстраивание собственной параллельной реальности.

Впрочем, стремление к сильной единоличной власти не обязательно связывается с именем Иосифа Виссарионовича

или византийским реконструкторством. Примерно о том же говорит евразийство, геополитическое учение, согласно которому Россия — особая цивилизация и наследница Чингисхана, с Византией или Европой у нее меньше общего, чем с кочевниками-степняками.

Но опять-таки посмотрим на реальную историю. С самого своего возникновения Московское царство мыслилось как продолжение Римской государственности. «Два Рима пали, а третий стоит, и четвертому не бывать» — так писал в начале XVI века старец Филофей. Первый Рим, италийский, уклонился в злую латинскую ересь; второй, византийский, пал под ударами неверных. Выпавшее из их рук знамя подхватила Москва, столица единственного подлинно православного государства на всей земле, — эта идеология с течением времени набирала силу и становилась все более популярной.

Иван Грозный вполне официально считал себя потомком первого римского императора Августа — разумеется, эта генеалогия была совершенно легендарной, но для него она была принципиально важна. В отличие от европейских монархов, он был потомком и наследником того самого Рима, и вся его неограниченная власть проистекала именно из такого наследства.

На самом деле при Иване Московское царство стало собирать осколки империи Чингисхана: были завоеваны Казань и Астрахань на Волге, началось покорение Сибири, сделавшее из России действительно великую державу. Но Ивана мало заботило, что подвластные ему земли расширились, наверное, вдвое на восточных рубежах — он рвался на Запад. Им была начата Ливонская война, он стремился подчинить себе как «свою вотчину» кусочек настоящей Европы, земли нынешних Эстонии и Латвии.

Ивану это не удалось, но удалось Петру Великому, который завоевал ту самую Ливонию, а себе присвоил римские

титулы: *imperator* и *pater patriae* (отец Отечества). С тех пор Россия — неперенный участник европейских политических игр, включая военные, и византийско-римская мечта — один из главных мотивов такого участия. Это она заставляла Екатерину Великую отбирать у Османской империи Причерноморье и основывать там города с греческими названиями, и даже своего второго внука Екатерина назвала Константином — когда-нибудь он должен был сесть на престол в отвоеванном Константинополе.

Эта же римская мечта заставляла сына Екатерины Павла принять звание Великого магистра Мальтийского ордена и страстно мечтать о воссоединении церквей под его скипетром. Это она не в меньшей степени, чем языковое и культурное родство, заставляла Россию принять на себя ответственность за православные народы на Балканах, что, кстати, и превратило в 1914 году локальный конфликт в мировую войну. И та же самая мечта двигала советскими правителями, которые очень быстро отказались от идеи «мировой революции» и стали продолжателями русских императоров в европейских политических делах.

И сегодня Россия стремится не к Золотой Орде, а к тому единственному кусочку «русского мира», который некогда был частью Римской империи: к Тавриде. В конце концов, что такое пресловутый «русский мир», как не калька с пресловутого *Rex Romani*? Не случайно в официальной риторике постоянно звучит эта нота: Россия на самом деле и есть оплот традиционных ценностей, надежда консерваторов всего мира, последняя христианская страна... Словом, она осталась «Римом», когда сам Рим перестал им быть, она теперь и есть подлинный Запад, подлинная Европа.

Но ведь тот мир, который в Античности назывался Римом, а теперь называется Европой, тоже подвижен. Когда-то его восточная и северная границы пролегали по Рейну и Ду-

наю — за великими реками жили варвары, угроза Риму, с ними приходилось договариваться, торговать и воевать. Успех Рима определялся именно тем, что ему было, что варварам предложить. Так его граница постепенно сдвигалась на восток и на север, включая даже те территории, по которым никогда не ступали римские легионы, например, Скандинавию.

Только обязательно ли православная церковная жизнь должна сочетаться с тоской по сильной руке государства — неважно, сталинской, монгольской или римской? Если посмотреть на опыт православных, в том числе и русских, живущих в Западной Европе и Северной Америке, ответ станет очевиден: нет. Приходы живут достаточно автономно и по иным принципам, причем безотносительно к тому, насколько данный приход «консервативен» или «либерален» по отношению к вопросам внутрицерковной жизни: календарь, постная практика, язык богослужения и т. д. Просто в обществе, основанном на иных принципах, и в государстве, которому совершенно не нужна никакая поддержка со стороны православных идеологов и морализаторов, места для православного сталинизма не остается.

Полагаю, перед нами стоит куда более интересная и сложная задача, чем втискивание сталинского наследия в симфоническую форму. Некогда политическое устройство языческого Рима было переосмысление и переустроено на христианский лад. Сегодня мы живем в государстве, основанном на совершенно других принципах, — надо ли делать вид, что на самом деле мы живем в некоей квазиправославной квазимонархии? Не лучше ли, не интереснее и не честнее постараться наполнить новым, христианским содержанием демократическую форму государственного устройства, принятую сегодня во всем цивилизованном мире, как некогда была в нем принята власть кесаря Августа в качестве лучшей альтернативы хаосу многовластия?

Мы пережили краткий период ранних 90-х, когда церковь была совершенно нищей и совершенно свободной и в остром противостоянии 1993 года даже выступала центром примирения для враждующих сторон: они пытались договориться при посредничестве патриарха Алексия. Это, к несчастью, не удалось, пролилась кровь, и церковные структуры на долгое время отстранились от всякой общественной активности, сотрудничая с той государственной властью, какая была на данный момент. Тактически разумная позиция, но все же трудно считать ее единственно возможной или самой правильной.

Кстати, Кассия, сочинившая ту стихиру, которая была приведена выше, прежде была царской невестой. Но император не выбрал ее в жены — она показалась ему при личном собеседовании слишком умной и не слишком покорной. Каким, пожалуй, вечно кажется живое и настоящее христианство политическим правителям...

29. Задачник на XXI век

В последние годы многие из православных христиан в России попрощались с «проектом возвращения в XIX век». Сразу после крушения коммунизма была у многих эта иллюзия: почти весь XX век оказался досадной ошибкой, его следует отменить, переиграть, вернуться в тот самый 1913 год. А если это не удастся, по меньшей мере сделать вид, сыграть в ролевую игру: кто играет в эльфов Толкина, а кто — в российскую церковь конца XIX — начала XX века.

Но ведь именно эта церковь оказалась совершенно беспомощной перед революционным валом: не смогла повести за собой народ, предложить ему какие-то иные, лучшие смыслы и цели, нежели большевистская пропаганда. Она смогла родить множество мучеников и исповедников в годы гонений, но когда нас призывают ее восстановить в прежнем виде, совсем не такую перспективу имеют в виду.

Двадцатый век с его вызовами придется все-таки прожить: искать новые формы для вечного содержания, отвечать на возникшие вопросы, которые не стояли перед христианами первых веков, и конкурировать с идеями и интеллектуальными модами, которых сто лет назад никто не мог себе представить. Этот процесс был начат в России на Поместном соборе 1917-1918 годов, во многих отношениях он мог бы значить для русского православия не меньше, чем Второй Ватикан для католицизма... если бы был хоть малейший шанс претворить его решения в жизнь. К сожалению, разразившаяся Гражданская война и жестокие атеистические гонения поставили перед церковью в России одну-единственную задачу: выжить.

А выживание — значит сохранение в неизменности всего, что только может быть сохранено, оно несовместимо с поиском новых форм, с экспериментаторством. И с тех пор для многих стал привычным именно этот образ церкви как крепости, осажденной врагами, в которой немислимо ничего менять и трогать именно потому, что враги вот-вот ворвутся и все уничтожат. Более того, он стал как будто даже необходимым оправданием собственной «церковной недостаточности», которая всё чаще ощущается в России: церковь есть, она никуда не делась, но... она мало что говорит нашим современникам об их насущных проблемах, всё больше о собственном величии и о происках врагов.

России, видимо, предстоит прожить в ускоренном темпе «другой XX век», хотя немалая часть ее жителей хотела бы вернуться в уютный XIX и остаться в нем навсегда — или, по крайней мере, в его слабое подобие. Но это совершенно точно невозможно. Более того, XXI век ставит новые задачи, и даже те ответы, которые казались адекватными пару десятилетий назад, не всегда срабатывают.

Например, за минувшую четверть века мы много раз говорили о «литургическом возрождении» — о том, что литургия должна стать центром христианской жизни, что полноценное участие в ней необходимо для каждого мирянина. Верно ли это? Безусловно верно. В этом отношении очень многое изменилось у нас за последние десятилетия: все больше православных, для которых стало нормой постоянное причастие, и дикостью выглядит сегодня восприятие литургии как некоего необязательного пролога к водосвятным молебнам, столь привычное для провинциальных приходов еще несколько десятилетий назад.

Но если принять частое и полноценное участие мирян в литургии за единственный рецепт от всех духовных болез-

ней, результат окажется далеким от совершенства. Сегодня все чаще можно услышать в ответ на любое недоумение по поводу церковной жизни: «Зато в церкви я принимаю плоть и кровь Христа, пока у меня есть эта возможность, остальное меня не беспокоит». В результате человек начинает приходить в храм за причастием, как в аптеку за лекарством (такое сравнение я услышал от одного мирянина), а все остальное его в принципе не интересует. На практике «литургическое возрождение» оборачивается неким евхаристическим индивидуализмом, который конечно же тоже очень далек от подлинно христианского идеала.

Или другой пример: много раз мне доводилось слышать, что в церкви следует возрождать общинное начало. Верно ли это? Да, безусловно. Но это не значит, что общинный строй жизни сам по себе решит все возникающие проблемы. Если общину составляют люди, не склонные к просвещению и критическому мышлению, если в ней есть только одно верное мнение, мы получаем не общину, а секту.

Проводя аналогию с медициной, никакую болезнь невозможно вылечить у каждого пациента одной-единственной таблеткой, и нет ни одной таблетки без побочных действий, разве что кроме плацебо.

На какие же вызовы и вопросы нам предстоит ответить в первую очередь? Большинство этих проблем так или иначе касаются соотношения личного и общественного (или общинного) в христианстве. Православная традиция достаточно консервативна, она обрела свои формы в сословном и феодалном средневековом обществе, которое во многом сохранилось в России вплоть до революции 1917 года. Достаточно вспомнить, что крепостное право было отменено всего лишь за полвека до этой революции, а возможность свободно выйти из общины была дана крестьянам лишь за десятилетие до нее.

Может быть, размышления об этом помогут преодолеть своеобразную раздвоенность сознания, когда любой разговор о «Церкви с большой буквы» превращается в абстрактные рассуждения о прекрасном, а любые нестроения в «церкви с маленькой буквы» объявляются случайными чертами, вызванными чьим-то личным несовершенством. Но если некоторые проблемы (например, стремление поставить церковную жизнь в зависимость от государства) повторяются в разные исторические эпохи и с разными людьми, они системны. Недостаточно сказать, что при неких идеальных иерархах и в неких идеальных условиях они сами собой отпадут — таких иерархов и условий просто не существует, — значит, проблемы будут воспроизводиться дальше. Вспоминается анекдот про ученых, которые вывели модель движения сферического коня в вакууме — так и богословы порой выводят модель существования сферической церкви в вакууме, но эта прекрасная модель не имеет никакого отношения к реальности.

Итак, перечислю здесь лишь некоторые вопросы, и надеюсь, что поиски возможных ответов на них у нас только начинаются.

1. *Клерикальность и общинность*

Церковь в современной России обычно понимается как церковная организация, состоящая из клириков и приближенных к ним лиц. Значит, что хорошо или плохо для организации — то хорошо или плохо для церкви, угодно или неуютно Богу. Но такой клерикализм плохо совпадает с ожиданиями постиндустриального и постмодернистского общества, он вызывает серьезное раздражение, — и любые недостатки организации, в точном соответствии с этим принципом, воспринимаются как пороки, изначально и органически присущие церкви в целом.

Но как иначе может быть организована поместная церковь? И если создаются те самые общины, которые могли бы стать альтернативой клерикализации, они нередко наследуют тот же признак: что хорошо для нашей общины, то хорошо для церкви и угодно Богу. Различие между человеческими учреждениями и Творцом Вселенной стремительно размывается.

Когда-то община включала в себя людей, живущих по соседству, они встречались в церкви так же просто и естественно, как на улице, в поле или в магазине. Сегодня это совсем не так: общество в России атомизировано, соседи общаются крайне мало, а любые «кружки по интересам», включая церковные общины, образуются не по территориальному признаку. Но это значит, что людей в них связывает лишь общее понимание этого интереса, и при любом несовпадении взглядов и действий община рискует распасться.

В наше время появилась еще одна реальность — виртуализация христианского общения: в социальных сетях люди нередко общаются интенсивнее и глубже, чем в реальной жизни, и христиане — не исключение. Может ли существовать община людей, живущих в разных городах и даже на разных континентах? И, с другой стороны, может ли существовать община людей, живущих в одном подъезде многоэтажного дома? А может быть, общинность как форма жизни традиционного общества просто уходит в прошлое и ее сменяет нечто иное — но что именно, и как к этому относиться христианам?

2. *Публичное и частное*

Религия во всех (пост)христианских странах имеет тенденцию уходить в область частной жизни — в России, напротив, в последнее время наметилось движение к максимальному «воцерковлению» публичной сферы. На практике это означает расширение влияния и все более заметное присутствие в публичном пространстве, нередко за счет независимости и самостоятельности церковных структур, которые

рискуют оказаться придатком к структурам государственным. Такое православие всё больше становится политическим и идеологическим и всё меньше христианским.

С другой стороны, в России, как и в других странах, существует огромное количество «номинально православных» людей, которые ограничиваются эпизодическим «потреблением религиозных услуг» и не желают ничего большего. Эти люди — самый выгодный и удобный ресурс для «политического православия»: они составляют формальное большинство, но им ничего не нужно, кроме формального и достаточно редкого исполнения обрядов, а прежде всего — православной самоидентификации.

Нам очень легко будет всех их обличить и заклеить — дескать, мы-то сохранили память о подлинном, высоком христианстве... Но если даже это так, почему мы не смогли вынести это сокровище за пределы узкого круга ценителей? Разве мало было проповедей, лекций, статей, книг, журналов, выставок, фильмов и передач — отчего же так мало удалось объяснять и показывать?

Полагаю, ответственность за нынешнее положение лежит в немалой степени и на церковной интеллигенции 80-х и ранних 90-х. Она, за редкими исключениями, так и не вышла со своих кухонь, даже когда вышла к большой аудитории: всё исправляла карты звездного неба, каждый свою версию, всё спорила о том, какая карта правильной.

А массовая культура в России сейчас в основном светская, с очень небольшим и поверхностным налетом христианской символики и обрядовости. Как показали события последних лет, в поисках собственной идентичности и глубоких смыслов наш современник обращается не к Евангелию и не к житиям, а к причудливой смеси из идеализированных советских и имперских сюжетов. Можем ли мы предложить

ему что-то иное? Можем ли мы сделать христианство публичным, не впадая ни в поповость, ни в демагогию?

Или, может быть, правы (по крайней мере для себя) те, кто говорит: сегодня никакое публичное христианство не нужно, достаточно частной жизни во Христе?

3. *Традиции и новаторство*

Православная церковь предельно консервативна, но подлинный консерватизм отличается от мертвящего повторения застывших форм, а ведь именно это мы нередко видим на практике. Новые богослужебные тексты пишутся по шаблону, несколько лучше положение с иконами, но в целом любое творчество понимается как нечто опасное и подозрительное.

Характерный пример — бесконечный спор о том, возможно ли богослужение на литературном русском языке или только церковнославянском (о нем уже много говорилось в 15-й главе). Ясно, что перевод богослужения на русский язык не столько решит, сколько заострит эту проблему. Станет очевидно, что неподготовленному человеку непонятны не только церковнославянский аорист или дательный самостоятельный, но и византийская образность и богословские термины, заимствованные из классической греческой философии.

Так действительно ли христианство целиком и полностью состоялось однажды в Византии и с тех пор мы вынуждены лишь хранить и передавать эти музейные, по сути своей, артефакты? А если нет, то каким может быть полноценное православное творчество в XXI веке? Можно ли думать о том, чтобы выразить сегодня свои мысли и чувства в некоторых иных, не средневековых формах?

Приведу один из комментариев в блогах на эту тему, может быть, слишком радикальный на чей-то взгляд: «Будем честны: рельсы, заложенные в ранневизантийскую пору, кончились уже к началу XX века, начиная от проблем социальной

структуры самой церкви, от принципов ее отношения с обществом и кончая библейской герменевтикой. Православная интеллигенция эмиграции и постсоветской России мечтала вернуться в прошлое, в то, что было до советского потопа. Возникла мифологема: наши новомученики искупили все недостатки былого, теперь мы вернемся на старые рельсы, только уже без недостатков. Но рельсы-то кончились как таковые, возвращаться можно только в мираж — вот в чем дело».

4. *Универсальное и национальное*

Эта проблема теснейшим образом связана с предыдущей. Православие сформировалось в кругу определенных культур и обычно воспринимается именно в этих законченных культурных формах. В то же время оно всегда претендовало на универсальность, а русское православие не стало копией греческого или грузинского. Возможно ли сегодня появление новых православных культур? Каким, к примеру, может или должно стать американское, португальское или израильское православие? Когда-то оно возникло в эмигрантской среде, но теперь в церковь приходят новые поколения детей, вполне принадлежащих окружающей культуре. Должны ли они целиком и полностью следовать русским, украинским, молдавским образцам, а если нет, то каким будет их православие?

А каким может стать оно, например, в Черной Африке, где нет и никогда не было Византии, а климат не способствует ношению пышных облачений, зато есть свои традиции и обряды — например, принято всенародное пение и пляски? Весь мир обошла запись молитвы Господней (*Baba yetu*, «Отче наш») в исполнении танзанийского христианского хора, она даже стала музыкальной заставкой к известной компьютерной игре «Цивилизация». Это пение прекрасно, но ведь это совсем не знаменный распев и не партес — можно ли в Африке такое петь на православной литургии? Если нет, то почему? А если да, то как будет выглядеть вся остальная литургия?

Да и возможно ли изменение уже существующих культурных традиций? Русская культура была очень разной в московское, имперское, советское время, сегодня она не повторяет ни один из прежних образцов, да и внутри себя не однородна. Насколько разумно тогда обращение к идеализированному образу дореволюционной русской культуры, которая к тому же известна нам исключительно из книг? И в глобализованном мире — насколько может и должна национальная церковь открываться иноземным влияниям?

5. *Экуменическое общение*

Это наблюдение подводит нас к еще одному вопросу. Официальный экуменизм (общение представителей разных конфессий в протокольном формате), по сути, выполнил свою роль и уже не имеет особых перспектив. В то же время постоянно увеличиваются возможности для экуменизма неофициального, связанного с общением и совместными действиями отдельных людей, которые при этом не планируют менять юрисдикционную принадлежность. Более того, мы обнаруживаем, что общие взгляды встречаются у людей разных конфессий, а принадлежность к одной конфессии еще не обязательно означает тождества веры: русские православные могут верить прежде всего во Христа, а могут — в «русский мир».

Визит папы Франциска в Константинополь осенью 2014 года и его встреча с патриархом Кириллом в начале 2016 года показали, что в католическо-православном диалоге можно прекрасно обойтись без стотысячного раунда переговоров о Filioque, непорочном зачатии Богородицы и папском примате — о тех догматических разногласиях, которые, по-видимому, непреодолимы, но в то же время для большинства верующих совершенно несущественны.

Вообще, по-видимому, конфессиональные рамки, как и государственные границы, никуда не денутся в ближайшем будущем, но значат они всё меньше. Люди общаются и выраба-

тывают совместные проекты поверх них, хотя при этом у каждого свой паспорт и порой необходимо бывает получать визы.

6. Психологизм и духовность

Средневековый мир не знал психологии и психотерапии, и христианские практики (такие, как исповедь) в немалой степени были призваны решать задачи, с которыми сегодня принято обращаться к дипломированным специалистам. Это обстоятельство порождает много пастырских проблем: люди с психологическими или даже психиатрическими проблемами прибегают к помощи духовника, но он просто не в состоянии ее оказать, а профессионалы, способные это сделать, могут совершенно не понимать христианской веры пациента.

Но это не только пастырская проблема. Многие явления, которые традиционно относят к духовной сфере, могут быть достаточно легко объяснены через призму психологии и даже психопатологии. К религии человек часто прибегает в поисках выхода из мучительных для него психологических состояний. А ведь отсылка к вечному и надмирному так легко становится мощным инструментом манипуляции и невротизации.

Как, с одной стороны, отделить духовное начало в человеке от психического, а с другой — как помочь им прийти в гармоничное равновесие — мы, по сути, только начали задумываться о существовании этой проблемы.

7. Семья и сексуальность

Наиболее яркий пример — отношение к проблемам пола. Современный мир упивается сексуальностью, а кризис семьи как института — постоянная тема для дискуссий. Как относится к этому православное христианство — просто повторяет древние нормы, согласно которым существуют только два четко разграниченных состояния: брак и блуд? Но в современном обществе эта граница достаточно расплывчата и условна, и связь, не оформленная как брак, не обязательно означает распущенность и вседозволенность.

Все чаще можно видеть, как к венчанию пары приходят после нескольких лет совместной жизни и даже рождения детей, когда их союз уже состоялся и утвердился, и такая практика даже иногда встречает пастырское одобрение. Во всяком случае, это лучше пышных венчаний, за которым следует скорое (и в нашей нынешней практике совершенно беспроблемное) расторжение церковного брака.

Впрочем, не в одном браке дело. Христиан часто обвиняют в том, что они вообще отрицают всякую сексуальность, считая ее по определению греховной. Можно привести множество цитат, что это не так, но... на практике именно так и бывает. Можем ли мы не просто реагировать, зачастую запоздало, на вызовы времени, но предложить миру актуальное и действительно христианское слово на эту тему? Будет ли это слово заключаться в подробном перечне того, что «можно», и того, что «нельзя» (а ведь я даже не затронул тему гомосексуальности!), или мы можем постараться доходчиво объяснить, что мы, собственно, имеем в виду под христианским отношением к браку и сексуальности? Предложить некую позитивную и содержательную альтернативу, а не только ворчать об испорченности нынешних нравов?

Это лишь некоторые из задач, которые стоят перед нами, далее мы обсудим некоторые из них подробнее. Но скорее всего, для каждой из них нет единственно верного решения. Если нужно дать им какое-то общее название, я бы сказал, что это преодоление провинциальности. Хронологической провинциальности (нам уютно в нашем маленьком средневековье), культурной провинциальности (русский мир, а другого не знаем и знать не хотим), да и вообще всех видов боязливости и недоверчивого отношения к большому миру, которое заставляет прятаться в своем маленьком гетто и провозглашать его самым лучшим и вообще единственным на свете.

В поисках ответов нам безусловно поможет опыт западных христиан, которые прожили иной, чем мы в России, XX век и столкнулись с подобными вызовами в другое время и по-другому. В то же время хочется верить, что и опыт христиан русской традиции (без жесткой привязки к государству или национальности) может оказаться полезным христианам из других народов и стран. В глобальном мире большинство наших проблем тоже глобальны, хотя и проявляются не всегда одинаково в разных обществах и странах. И этот путь не будет похож на легкую прогулку.

«Христианство только начинается», — сказал о. Александр Мень в 1990 году, накануне своей гибели, а также накануне распада СССР и начала краха наших иллюзий. Этот взгляд строго противоположен другому, куда более привычному: православие целиком и полностью уже состоялось, наша задача его разве что охранять. Но это очень оптимистичный взгляд, если вдуматься. Если принять слова о. Александра, то весь наш двухтысячелетний опыт — не мерило совершенства, но и не нелепое недоразумение. Это опыт, на котором учатся, чтобы жить дальше.

Когда «только начинались», к примеру, автомобили или вообще любое человеческое изобретение, они были крайне несовершенными, и только опыт показывал, как можно их усовершенствовать. Современные автомобили намного лучше, но в их основу заложены те же принципы, что и прежде. То же самое касается и социальных институтов, например парламентаризма.

Можно понять слова о. Александра в том ключе, что нечто подобное применимо и к церкви — с учетом того, что этот институт не чисто человеческий и работают над его созданием и усовершенствованием не только люди. Но и люди — тоже. И в начале любой человеческой деятельности важно понять, где мы находимся, какие испытываем проблемы и чего, собственно, хотим. Об этом и поговорим дальше.

30. Чего ждут от церкви?

Христианство — это прежде всего вера (об этом мы говорили в 21-й и других главах этой книги), а существует оно прежде всего как церковь. Что такое церковь, какой она должна быть — об этом написано множество прекрасных книг, начиная с Нового Завета, даже самые лучшие из них здесь не перечислить.

Стоит заговорить о той церкви, которая у нас в России есть сейчас, и будут, с одной стороны, официальные хроники и победные репортажи о восстановленных храмах и увеличении числа посетивших богослужения, а с другой стороны — «нет, и в церкви всё не так», как в песне Высоцкого. И пояснят, что всё меньше теперь поминают Христа, всё больше — русский мир, геополитику и славные победы. Похоже, возникает новая гражданская религия, «победославное русмирианство», и не все замечают его отличия от православного христианства.

Да, мы твердо помним, что приходили мы не в такую церковь и приходили не за этим. Она, эта церковь, никуда не делась — по-прежнему с нами наши учителя и наши друзья. Правда, многие из них уже не в этом мире, а в этом им было крайне трудно выстроить карьеру в церковных структурах... Но по-прежнему посреди нас Христос: и есть, и будет. Только слишком уж много всего остального — отвлекающего и постороннего.

Кто-то говорит, что мы тогда по закоренелой привычке к диссидентству стремились в церковь, которая боролась с властью. Только ведь она с ней совершенно не боролась в восьмидесятые и уж тем более в ранние девяностые: она существовала параллельно, выстраивала свой собственный мир с лучшими и более глубокими смыслами, чем надоевшая тре-

скотня коммунистической идеологии или циничная жадность первоначального накопления капитала. Мы шли к этим смыслам, к братскому общению, к вечной жизни, а теперь слышим вокруг себя идеологическую трескотню и наблюдаем циничную жадность госкапитализма под православными лозунгами.

Кто-то говорит, что очарование юности проходит само собой, что в восьмидесятые, когда церковь была задавлена советским режимом, нам просто удобно было списывать все недостатки на несвободу ее положения. И пришедшая свобода выявила недостатки еще прежде достоинств — в девяностые в провинциальных храмах в основном продавали не творения Отцов и не проповеди митрополита Антония Сурожского, а мутные брошюрки о скором конце света, о борьбе с еретиками, евреями и ИНН. Значит, именно таким и было русское православие, просто мы этого не видели.

Кто-то говорит, что церковь — часть общества и разделяет все его черты, болеет всеми его болезнями. Изменится наше общество в целом — изменится и церковь. Это совершенно верно, но если никто не будет ничего менять вокруг себя, то эти прекрасные времена никогда не настанут. И когда придет время перемен — не окажемся ли мы такими же неготовыми и растерянными, как после краха советской власти и коммунистической идеологии?

А кто-то говорит, что мы просто обманулись, что русское православие давно мертво, оно стало государственной идеологией, а подлинное христианство нужно искать в других сообществах. Но опыт общения со множеством настоящих христиан, принадлежащих к РПЦ, подсказывает, что это неправда. Православие, как и любая другая христианская традиция, знало разные времена, и нет на земле такого сообщества, к которому за многие века не прилипло бы ничего лишнего, и церковь тут не исключение.

Что случилось — на этот вопрос мы (те, кто видит проблему) ответим примерно одинаково. За четверть века «церковного возрождения», как назывался у нас начатый Горбачевым процесс реабилитации церкви и ее освобождения от жесткого государственного контроля, мы слишком увлеклись внешними формами. Мы строили кирпичные стены, а надо было создавать институты. Мы проводили молебны, а надо было заниматься просвещением. Мы переиздавали старые книги, а надо было отвечать на новые вызовы времени. Мы убеждали государство, какие мы нужные и полезные для него, а надо было выстраивать диалог с обществом. Мы приобрели власть, а надо бы — доверие. Мы собирали себе сокровища на земле, и собрали довольно много.

Сегодня наша конфессия намного богаче и влиятельней, чем мы могли себе представить... а наша церковь слабее и растеряннее, чем тридцать лет назад, когда мы крестились украдкой и переписывали Евангелие от руки. Тогда, по крайней мере, мы ощущали внутреннюю свободу и цельность, пусть даже это и был отчасти юношеский максимализм. Сегодня при всем внешнем лоске и респектабельности нарастает ощущение внутренней пустоты и тревожности на всех уровнях, и призрак 1917 года снова бродит по стране...

Но почему так случилось и что сделать, чтобы выйти из порочного круга? Об этом можно рассуждать бесконечно, и все объяснения окажутся приблизительными. Но я хочу привести сейчас только одну длинную цитату из о. Александра Шмемана, из его бесед на радио «Свобода» о русской культуре: «Древней Руси не пришлось переживать долгого, сложного и часто очень мучительного процесса согласования культуры и христианства, христианизации эллинизма и эллинизации христианства — процесса, которым отмечены пять-шесть веков византийской истории. У нее еще почти не было истории. Но это значит, что византийское христианство бы-

ло воспринято Русью одновременно и как вера, и как культура и что, таким образом, присущий христианской вере максимализм оказался практически и одной из главных основ новой культуры.

Принимая византийское христианство, Русь не заинтересовалась ни Платоном, ни Аристотелем, ни всей традицией эллинизма, которые и для христианской Византии оставались живой и жизненной реальностью. Византийской „культуре“ древняя Русь не отдала ни частицы своей души, внимания, интереса. Историки подчеркивают, что, несмотря на обилие церковных и политических связей с Константинополем, Русь всей душой потянулась не к нему, а к Иерусалиму и Афону. К Иерусалиму — как месту реальной истории Христа, Его уничижения и страдания, и к Афону, монашеской горе, — как к месту реального христианского подвига. Больше, чем все тонкости византийской догмы и всё великолепие византийского церковно-культурного мира, самосознание Руси пронзил образ евангельского, распятого и уничиженного Христа, а также образ героя-монаха, подвижника. Русское христианство удивительным образом началось без школы и без школьной традиции, а русская культура как-то сразу оказалась сосредоточенной в храме и богослужении.

Конечно, начала создаваться и русская христианская культура. Но одно дело, когда храм строится в центре древнего, отягощенного культурой греческого города, в котором одной из задач храма оказывается соединение культуры с христианством, „христианизация“ ее, и совсем другое, когда этот же храм оказывается всем — и верой, и культурой. А именно так случилось на Руси. Ее культура, подлинная культура, оказалась сосредоточенной в храме, в котором ее сутью стало так сказать „самообличение“, призыв к максимализму, требующему отказа от „мира“. Всё подлинное, прекрасное и великое в древнерусской культуре есть одновре-

менно и призыв уйти, отказаться, отрешиться. Если же не уйти, то отдать свои силы построению некоего последнего, совершенного, всецело устремленного к небу и небом живущего „царства“, в котором всё без остатка подчинено „единому на потребу“.

Так максимализм стал судьбой русской культуры и русского культурного самосознания. Культура как „мера“, культура как „граница“ и „форма“ меньше всего вдохновляла его и в прошлом, и в последующее время, когда непосредственная связь между христианством и культурой оказалась оборванной. В каком-то смысле можно даже сказать, что у нас в России не возникло, не образовалось самого понятия культуры как совокупности знаний, ценностей, памятников, идей, совокупности, передаваемой из поколения в поколение для сохранения и преумножения, а одновременно и как мерил творчества. Потому что христианская культура, нашедшая свое выражение в храме, в богослужении и в быте, по самой своей природе оказалась чуждой идее развития и творчества, стала сакральной и статической, исключающей сомнения и искания, — никакой же другой культуры у нас больше не было.

И поэтому всякое творчество, всякое искание, всякая перемена ощущались как бунт, как почти кощунство и анархия, и, таким образом, суть культуры, как творческого преемства, не создалась».

Конечно, здесь о. Александр прибегает к очень широким обобщениям, которые нуждаются в уточнениях и поправках буквально по каждому пункту. К этому необходимо добавить, что преодоление этого разрыва между верой и культурой было одной из основных тем для классической русской литературы и в особенности религиозной философии, и они добились очень многого — к сожалению, этого не хватило для предотвращения катастрофы 1917 года. Да и мы, придя в церковь в восьмидесятые и ранние девяностые, стреми-

лись именно к этому синтезу, интуитивно чувствуя, что классическая русская культура сохраняется скорее в церкви, нежели в парткоме, и эта культура по природе своей христианская, даже когда ее носители никак не связаны с церковной жизнью.

О. Александр, полагаю, точно обозначил основную проблему и определил базовый диагноз, который воспроизводится в том или ином виде в разных поколениях. Но как применить его к сегодняшней ситуации?

У Ф. М. Достоевского есть фраза, которую постоянно цитируют (в том числе и о. Александр в той своей беседе): «Покажите вы русскому школьнику карту звездного неба, о которой он до тех пор не имел никакого понятия, и он завтра же возвратит вам эту карту исправленную». Но мало кто обращает внимание на следующий факт: это не мнение самого писателя, а уничижительная характеристика, данная русским школьникам неким иностранцем, притом в пересказе Алеши Карамазова.

И вот какой вывод у Достоевского тут же делает из этих слов настоящий русский школьник Коля: «Ах, да ведь это совершенно верно! — захохотал вдруг Коля, — верниссимо, точь-в-точь! Bravo, немец! Однако ж чухна не рассмотрел и хорошей стороны, а, как вы думаете? Самомнение — это пусть, это от молодости, это исправится, если только надо, чтоб это исправилось, но зато и независимый дух, с самого чуть не детства, зато смелость мысли и убеждения, а не дух ихнего колбаснического раболепства пред авторитетами».

Это очень русский диалог: Россия смотрится в Запад как в зеркало, пусть и несколько кривое, выставляющее ее в карикатурном свете. Глядясь в него, она одновременно видит себя глазами Запада — и понимает свои отличия от него. Немыслимо представить себе, чтобы вместо «немца» тут был бы «китаец» или «индус», их мнение о России — всего лишь

некая забавная и, может быть, в чем-то поучительная экзотика, но никакое не «верниссимо». Россия ощущает себя как некую очень важную часть Запада и одновременно как не-Запад, но она не согласна быть «недо-Западом», «почти Западом». Проще говоря: да, мы живем в той же системе координат, что и «немец» (о китайце такого не скажешь), но живем все-таки по-своему. И если ученый «немец» смотрит на русского школьника со снисходительной улыбкой, то и у школьника найдется повод ощутить себя важнее и отважнее.

Впрочем, о ком мы говорим, произнося слово «церковь»? Мы постоянно слышим, что православные в России составляют большинство — но кто они, кого мы называем этим словом? Все, кто так или иначе чувствуют свою принадлежность к православной традиции, может быть, крайне мало зная о ней? Но тогда бессмысленно говорить о церкви, а только о некоей расплывчатой национальной идентичности: русский — значит православный. Или те, кто «посещают храмы» на великие праздники, Рождество и Пасху? Судя по полицейской хронике, это считанные проценты от населения.

А что мы называем словом «Россия»? Страну, в которой проживает почти полтора ста миллионов человек с очень разными взглядами и поведением, или государство с его чиновниками, которые стремятся подменить собой всё остальное? Точно так же по-разному можно понимать слово «церковь». Это может быть народ Божий, то есть миллионы очень разных людей с разными взглядами по самым разным вопросам, помимо вероучительных, а могут так называться управленческие структуры. И соответственно, основной принцип принятия решений — «ради блага церковного», под которым понимается благополучие иерархических структур и рост их влияния.

Такой подход вполне устраивает и многих верующих: каждый из них прекрасно знает, что такое «ходить в цер-

ковь» и зачем это нужно, но мало кто задумывается, что значит «быть церковью». И потому в нашем публичном дискурсе слово «церковь» практически всегда означает иерархию и ее официальных представителей.

У РПЦ есть все необходимые данные, чтобы узнать примерное число тех, кто может считаться ее полноправным членом. За каждой литургией подсчитывается число причастников, эти данные передаются в епархию. Понятно, что далеко не все православные причащаются каждое воскресенье, но можно суммировать число причастников во всех храмах города, района, области за три воскресенья подряд. Кто-то придет два раза, кто-то окажется больным или в отъезде, так что цифры будут неточными, но будет понятно, какого порядка эти цифры — какая доля населения регулярно приступает к церковным таинствам. Собственно говоря, с канонической точки зрения это и есть церковь. И это явно очень небольшая часть нашего общества, но все же часть, несущая в себе все его свойства, будь то достоинства или недостатки.

Чего же мы ждем от церкви? Разные люди — совершенно разного, тут бессмысленно делать широкие обобщения. Нет недостатка в конкретных предложениях: реформировать административное управление, ввести выборность священства и епископата и полную финансовую прозрачность, перевести богослужение на русский язык и осовременить его, допустить женатый епископат, чтобы отсечь юных карьеристов и привлечь самых опытных из белого духовенства к управлению церковью... Все эти меры могут быть хороши и оправданны, особенно если представлять себе их воплощение в некоем идеальном мире. Но даже попытка обсудить любую из этих мер приводит, как правило, к резкому делению на лагеря и яростному противостоянию. Вот, собственно, главный аргумент противников любых перемен...

Очевидно, что все мы ждем от церкви прежде всего христианства, явленного и в таинствах, и в повседневной жизни. По сути дела, ждем святости, и она в церкви безусловно есть, и я думаю, что лично знаю нескольких святых (например, о. Михаила Шполянского). Но это очень высокая планка — а если спустится пониже?

Власть ждет от церкви, что та ее будет освящать и благословлять. Меняются времена, идеологии и знамена, но при любом строе и при любом правителе по-настоящему сакральны в России только существующая власть и ее нынешний носитель. Потом, когда он умрет или будет свергнут, его можно будет осмеивать и ругать, но пока он на троне — он воплощает собой народность и державность, православные или коммунистические идеалы (по потребности), духовные скрепы и традиционные ценности. Трудно сказать, откуда именно это идет: от Византии, или от Золотой Орды, или вообще от стадных инстинктов высших приматов, — но это в любом случае так.

И церковные структуры так или иначе оказываются втянутыми в орбиту общего властепоклонства. Да, среди иерархов всегда были и будут исповедники, которые не признают за правителем высшего авторитета и возвышают свой голос в защиту угнетенных — например, митрополит Филипп или патриарх Тихон, — но святые на то и святые, что их никогда не бывает много. А рядовые епископы и священники как-то нехотя принимают сторону очередного «сергианства» (хотя не при митрополите Сергии оно началось и не с советской властью закончится) и потом платят по счетам государства.

Можно ли разорвать эту тесную привязку к наличной власти? Едва ли это удастся сделать, пока у церкви нет никакого центра власти и влияния, не зависящего напрямую от этой самой власти. Собственно, многие споры между Москвой и Константинополем — это споры двух имперских

церквей, только одна империя принадлежит истории и потому не может ничего диктовать современности, а другая жива и рассчитывает прожить еще долго. Обе стороны не без оснований могут обвинять друг друга в папизме, то есть в стремлении подчинить всю церковную жизнь единому центру, и Москва ничто не ценит так высоко, как свой безусловный суверенитет. Но вся беда в том, что папизм может быть и суверенным: безраздельная и единоличная власть одного человека над церковью устанавливается всего удобнее, когда эта церковь совершенно суверенна. Кстати, в политической жизни осуществляется тот же самодержавный принцип.

Гармонично ли выстраиваются отношения между двумя центрами влияния: Кремлем и Патриархией? Некогда Алексей Михайлович Тишайший и сын его Петр Алексеевич Великий увидели в патриаршей власти конкурента и потому упразднили ее сначала фактически, а затем и юридически. Но вот Сталин распознал в ней инструмент влияния и потому возродил. Как будут развиваться дальнейшие отношения Кремля и Патриархии, мы не можем угадать, да и не очень интересно угадывать, но очевидно одно: пока в России есть сильная власть, она церковь в покое не оставит, и, поскольку у церкви нет сколь-нибудь существенного центра принятия решений за пределами российских границ, уклоняться от объятий власти она не сможет, да и вряд ли захочет. Таким центром могли бы стать Всеправославные соборы, первый из которых состоялся в 2016 году, но Москва в нем не участвовала.

Чего ждут широкие народные массы, заходящие иногда в церковь? Прочитую известного православного публициста С. Л. Худиева: «Даже люди не слишком благоговейные в своей обычной жизни нуждаются в церкви как в месте благоговения». Это правда, и «место благоговения» всегда будет предложено просто потому, что на него всегда будет спрос.

И далее Худиев пишет, что именно по этой причине не надо ничего в церковной жизни менять: «Опыт как католиков, так и протестантов, показывает интересное явление — желание пойти людям навстречу парадоксальным образом оборачивается тем, что люди уходят». А вот это уже сомнительно — во всяком случае, опыт русских православных XX века показывает, что, если не идти людям навстречу, они устраивают революцию. Из церкви они тогда не просто уходят — они ее или взрывают, или в лучшем случае превращают в овощехранилище.

Так возникает своеобразная логика двоемыслия: да, мы не постимся, как указано в уставе, но тем более нельзя допускать никаких послаблений в теории, ведь тогда на практике станут поститься еще небрежнее. То есть принцип «исполняем наполовину» заложен в систему изначально. Строгость законов и неаккуратное исполнение, как повелось на Руси.

Заметим, что перемены все же идут. Те, кто застал самое начало «церковного возрождения» четверть с небольшим века назад, видит колоссальную разницу между церковным бытом того и нашего времени. Например, тогда нормой было причащаться несколько раз в год после суровой подготовки: минимум три дня поста, вычитывание трех канонов, посещение всенощной накануне и проч., — сегодня все больше храмов, где причащаться принято за каждой литургией после куда менее строгой подготовки. Это очень характерный пример: официально не меняется ничего, «акривия» (строгое исполнение правил) в теории неизменна, но зато «икономия» (снисхождение к немощам) всё мягче на практике.

А чего ждут и куда идут вышедшие из неофитства, особенно те, кто не встроился в клерикальную систему?

Кто-то, разочаровавшись, уходит к католикам и протестантам или еще дальше. Кто-то старается жить глубокой личной или, намного реже, общинной жизнью, оставаясь в рамках

традиционных форм и установленных юрисдикций. Это достаточно просто сделать, особенно мирянам. К тому же любые уходы означают разрыв с теми, кто воспитал тебя в вере, кто молился вместе с тобой, и это, конечно, не для всех допустимо.

Кто-то предлагает развитие «альтернативного православия», где мы, впрочем, обычно наблюдаем ту же картину жесткой сословной иерархии и личной непогрешимости предстоятеля. Альтернативное православие — так ли уж оно в данном случае альтернативно? Да и попытки выстроить общинную жизнь, особенно на том этапе, когда община перерастает рамки узкого дружеского круга, нередко приводят к возникновению всё той же жесткой административной иерархии, того же разделения на узкий круг «основателей» и широкий — «последователей», а снаружи — либо опасные «враги», либо полезные «попутчики». Что поделаться, мы все вышли из ленинского комсомола.

Наконец, те, кто представляют церковные структуры, по-видимому, ждут расширения сферы своего влияния в обществе: еще больше епархий и храмов, больше православных уроков в школах... и меньше тех, кто задает неудобные вопросы.

А чего же жду от церкви лично я, кроме таинств и святости? Попробую пояснить только одну простую мысль. Нынешняя политическая и общественная жизнь в России во многом построена по феодальной модели: начальники «кормятся» от подвластных областей, права и обязанности каждого во многом зависят от его сословного положения, которое передается по наследству, и т. д. — стоит ли удивляться, что еще в большей степени эта модель проявляется в церкви, которая обрела свои нынешние формы в позднеантичном и средневековом феодальном обществе?

Патриарх подобен монарху, который обладает властью над епископами как над князьями или герцогами, но внутри

своей епархии каждый архиерей самовластен. Он по своей воле назначает на приходы священников, которые связаны обетом безусловного послушания ему — вполне средневековая модель отношений синьора и вассалов. Но при этом нет и не может быть никаких крепостных: прихожане не закреплены за приходами, и трудно представить себе систему, при которой это закрепление произойдет.

Прихожане независимы, поскольку от них ничего не зависит. Священник совершает литургию, и делать он это может, по сути, только по прямому поручению епископа. Отлучение от этого служения — худшее наказание, возможность его совершать — высшая награда. Но мирянам оно и так по определению недоступно.

Куда ж нам плыть, если мы примем, что феодальная модель перестала быть адекватной и приводит к слишком тесной зависимости от государства? Неужели к полному равенству, как в социалистических утопиях: вовсе упразднить священство и епископат? Собственно, к этому и пришли некоторые радикальные ветви протестантизма...

Но в современном обществе равенства нет и в помине. И если феодальная модель построена на идее сословных привилегий, то сегодня мы живем в мире профессиональных компетенций: каждый делает то, что может и хочет делать лучше других и что востребовано обществом. Уже нет князей и холопов, но есть сотрудничающие специалисты, которые совсем не обязательно стоят на одной ступени общественной лестницы.

В церкви остро не хватает такого подхода. Сколько раз доводилось видеть на разного рода собраниях примерно такую схему: первым выступает носитель высокого священного сана, дает некоторые общие установки, признает, что сам он слабо разбирается в предмете, но напоминает, что последнее слово в любом случае остается за священноначалием. По-

еле этого он удаляется, чтобы уделить время более важным делам, а в его отсутствие специалисты обсуждают предмет разговора. А вот итоги опять подводит носитель сана, не участвовавший в обсуждении.

Клерикализм в современном виде, по сути, попытка клириков присвоить сверх собственных компетенций (вполне несомненных) и те, которыми они не обладают. Этот подход возносит наверх подхалимов и воинствующих дилетантов, но он обречен на поражение в конкурентной борьбе («информационной войне», как теперь принято говорить) именно из-за своей негибкости, невосприимчивости к обратной связи.

Да разве не с самого начала было сказано, что дарования различны, а церковь не делится на «клириков и мирян»? Вот как об этом пишет апостол Павел (1 Кор. 12:27-28): «Вы — тело Христово, каждый из вас — его часть. И Бог поставил в церкви разных людей: во-первых апостолов, во-вторых пророков, в-третьих учителей, затем чудотворцев, затем тех, кому даровано исцелять, кто помогает нуждающимся, кто управляет делами, кто говорит на иных языках». Здесь нет столь привычного нам деления на клир и мирян, на большинство и меньшинство, на простых и просвещенных, а только образ церкви как единого тела (центральная для Павла метафора!), состоящего из множества органов, каждый со своим предназначением. Говоря современным языком, со своими профессиональными компетенциями.

Заодно стоит обратить внимание, что на самом последнем месте стоят те, кто умел говорить на «иных языках», носители таинственного дара глоссолалии, который давно исчез в православной церкви, и о его отсутствии никто особенно не тоскует. А вот на предпоследнем — те, кого у нас привыкли ставить на первое: управленцы, сиречь администраторы.

Верующие привычно говорят, что церковь — богочеловеческий организм. В ней действует Бог, а значит, постоянно происходит что-то совершенно неожиданное и непредсказуемое, а с другой стороны, в ней действуют люди, и «сопротивлением человеческого материала» пренебречь невозможно.

Перемены неизбежны, но они не будут происходить сразу и повсеместно, по некоему единому замыслу — так, собственно, никогда и не бывало в истории христианства. Сергей Радонежский со своими учениками, или Франциск Ассизский, или даже сами апостолы не составляли большинства и не признавались властителями дум, но именно они изменили течение истории просто потому, что смогли предложить людям нечто новое и лучшее.

31. Преодоление сергианства

Декларация митрополита Сергия Страгородского 1927 года — один из тех документов, который вновь и вновь обсуждают и никак не могут прийти к единому выводу, но и забыть о нем не могут. Очень кратко напомню: после окончательной победы красных в Гражданской войне нормальное церковное управление было разрушено, многие священники и епископы эмигрировали или находились в заключении, и даже избрать нового патриарха после смерти Тихона Белавина в 1925 было невозможно.

Одним из тех немногих уцелевших епископов, которые собирали вокруг себя верующих, был митрополит Сергей, ставший временным блюстителем патриаршего престола (впрочем, не бесспорным). Он под давлением советской власти подписал декларацию о том, что православные вполне ей лояльны. Самая знаменитая фраза звучит так: «Мы хотим быть православными и в то же время сознавать Советский Союз нашей гражданской родиной, радости и успехи которой — наши радости и успехи, а неудачи — наши неудачи. Всякий удар, направленный в Союз... признается нами как удар, направленный в нас».

Я познакомился с этим текстом еще на закате советской власти, юным православным неофитом. Мне тогда показалось, что декларация — просто еще одна страница истории, которая навсегда теперь отправлена в архив, так что и беспокоиться не о чем. Так ли важно, что когда-то, при Сталине, приходилось подписывать верноподданические тексты? К тому же ничего действительно ужасного в ней не было: радости и горести земной родины и в самом деле не чужды хри-

стианам. И главное, Сергей наверняка надеялся, что ценой таких расплывчатых формулировок покупает жизнь уцелевшим членам церкви, возможность какого-то существования церковных структур. Не пойдя он на компромисс — возможно, любая религиозная жизнь оказалась бы под запретом, как случилось позднее в Албании.

К тому же если говорить о сергианстве как о безграничных компромиссах с безбожной властью ради сохранения церковных структур, то 1927 год был лишь его началом — несомненно, новый этап открылся в 1943 года воссозданием Московской патриархии, и с кончиной самого Сергея Странгородского (теперь уже патриарха) курс этот в целом не изменился. Впереди были и бесконечные здравицы в честь вождей, и призывы к патриотизму, и борьба за мир, и всяческое восхваление советской власти вкупе с энергичным отрицанием каких бы то ни было притеснений верующих в СССР.

Обсуждать самого Сергея или других сторонников компромисса, нам, полагаю, не стоит — мы не прошли и не могли пройти через что-то подобное. К тому же среди радикальных зарубежных критиков сергианства нашлось немало тех, кто пошел на меньшие компромиссы с гитлеровским режимом, причем совершенно добровольно, без малейших угроз со стороны нацистов.

В 1992 году я впервые оказался за рубежом и познакомился с православными из РПЦЗ. Они были практически такими же, как и православные в России (более того, большинство из нее совсем недавно уехало), но с одним существенным отличием: «В ту церковь ни ногой, она красная, безблагодатная», и всё из-за пресловутой декларации... Митрополит Сергей стал, с их точки зрения, ересиархом, пойдя на соглашательство с безбожной властью, и отныне всё и вся, что восходит к нему, навсегда лишено благодати. Мне казалась эта логика нелепой, я ходил тогда в приход МП, и никто

от меня не требовал ни соглашаться с этим документом, ни оспаривать его.

Но в последние годы я все чаще вижу, что наследие митрополита и патриарха Сергия не списано в архив. В советские годы это выглядело так: церковь молчит о преследованиях верующих и вообще принципиально отказывается от критики властей по любому поводу, в то же время поддерживает некоторые их начинания (например, «борьбу за мир») — по сути, включается в пропагандистское обеспечение текущей политики. В обмен на это церковь получает относительную свободу в строго отведенных рамках.

Сегодня мы видим на множестве примеров, как РПЦ снова заключает с государством своеобразный конкордат и берет на себя воспитательные и идеологические функции в обмен на очевидные привилегии (например, освобождение от налогов), воздерживаясь в то же время от любой критики любых властей, — эту политику легко связать с сергианством.

В начале я определил историческое сергианство как «готовность к безграничным компромиссам с безбожной властью ради сохранения церковных структур». Понятно, что если власть не является откровенно безбожной, то это определение в строгом смысле неприменимо. Но его новый вариант (назовем его «неосергианством»?) — готовность отдать государству всю сферу общественной жизни и с ходу согласиться с любыми его действиями в обмен на неприкосновенность в сфере религиозной.

Нынешняя власть пользуется самым широким одобрением священноначалия, немислимо представить себе в проповеди хотя бы малейшую критику конкретного поступка действующего мэра или губернатора (как Иоанн Златоуст не стеснялся обличать императорскую чету, см. 28-ю главу). Нынешние церковные и околоцерковные структуры получа-

ют государственные гранты, и не на ремонт бедных сельских храмов или издание Библии на языках малочисленных народов, а на центры патриотического воспитания молодежи... Примеры можно множить до бесконечности, их поставляет едва ли не каждый выпуск новостей: церковно-государственный симбиоз (называемый иногда симфонией) крепнет день ото дня.

И теперь былой компромисс с коммунистами стал многими восприниматься не как вынужденный, а как мудрое и верное: церкви с государством надо сотрудничать, у нас общие идеалы, и вообще в советской власти было плохо разве только ее нежелание дружить с церковью.

И с этим согласятся многие верующие, такая картина мира комфортна и привычна для них. Еще в 80-е они или их родители ходили на партсобрания, а в 90-е — уже на молебны, следуя в ногу со временем и государственной идеологией, никакого противоречия тут нет — только колебания генеральной линии. Советский период для таких верующих вовсе не свободен от ошибок, из которых главная, конечно, гонения на церковь и атеизм как составная часть государственной идеологии. Но в общем и целом всё было правильно и закономерно, и сегодня мы продолжаем как имперские, так и советские традиции.

Откуда нам сие? Я помню, как где-то в самом конце восьмидесятых я попался на улице молодым социологам, которые изучали отношение населения к традициям и новаторству. Меня спрашивали: я за то, чтобы жить по старинке или по-новому? Я затруднился с ответом, ведь я тогда был пламенным неофитом, мечтал о восстановлении православного образа жизни, а единственное известное мне «по старинке» было исключительно советским. Но социологи, кажется, не поняли моих затруднений, они сами не задумывались о подобном различии между православной стариной и советским

ресентиментом. И кажется, мало кто замечает эту разницу и по сю пору. Пока был жив и активен, скажем, Д. С. Лихачев, размыть границу между советским и православным было намного труднее.

Конечно, можно винить во всем кремлевскую пропаганду, которая старательно ставит знак равенства между двумя предшествующими Россиями, чтобы представить нынешнюю сочетанием всего самого лучшего, что только было в каждой из них. Но ведь эта пропаганда не достигла бы успеха, если бы не обращалась к чему-то самому «нутрянному» в рядовом гражданине и жителе Российской Федерации. Он чувствует себя, с одной стороны, в намного лучшем положении, чем подавляющее большинство его предков за весь период истории (нет большой войны, потребление даже в условиях низкой цены на нефть на достаточно высоком уровне, личная безопасность просто идеальна, если сравнивать с 37-м или 92-м годами).

Но он фрустрирован, он не видит никакого проекта «светлого будущего» ни для страны, ни лично для себя. Россия как общество и как страна явно не занимает на мировой арене места сверхдержавы, а ведь этот простой человек привык стойко переносить трудности, «жила бы страна родная». И вот на эту страну (как правило, не реальную, а воображаемую) он переносит все свои надежды и мечтания, причем смотрит не столько в будущее, как при коммунистах, сколько в славное прошлое. И в этом прошлом империя соединяется причудливым образом с СССР, пришедшим ей на смену, а церковь воспринимается как вечная и главная идеологическая скрепа, вторичная по отношению с государством и колеблющаяся вместе с ним.

Здесь нельзя не вспомнить и о стокгольмском синдроме, который заставляет заложника действовать заодно с террористами сначала под угрозой смерти, потом просто по при-

вычке, а затем уже в силу собственной глубокой убежденности, что именно так и должен он поступать. Так уж устроена наша психика.

Психологи уверяют, что нечто подобное происходит с людьми, которые стали жертвами насилия в детстве. Ребенок начинает со временем воспринимать свершившееся насилие как проявление любви или как справедливое наказание за какую-то вину. Став взрослым и внешне свободным, такой человек может искать повторения привычной ситуации, становясь жертвой насилия или насильником, а порой и тем и другим одновременно. Он не умеет иначе, ему это кажется единственно верным способом существования.

Да ведь и вправду есть свои преимущества и в том, чтобы быть заложником или рабом. Ты ничего уже не решаешь, от тебя ничего не зависит, ты ни в чем не виноват, а если и был виноват, то многократно искупил свою вину страданиями. И потому, пожалуй, имеешь право применять насилие сам, ведь ты страдал, пусть и другие пострадают... Мы выросли в стране, где на протяжении десятилетий насилие было нормой. Эти образцы поведения передавались из поколения в поколение, и если отдельного человека дипломированные психологи выводят из этого порочного круга годами, сколько же нужно лет для целого общества?

Особенно интересно было наблюдать за эволюцией настроений в той же самой РПЦЗ, в той ее части, которая воссоединилась с РПЦ МП (даже если для кого-то это воссоединение было совершенно формальным). Общаясь с ее прихожанами, я обнаружил, что для немалого их количества советский период истории закончился с канонизацией императорской семьи и теперь продолжается история имперская. Пусть с улиц российских городов не исчезли имена чекистов и прочих большевиков, но Россия сама возвращается в родную имперскую гавань, а задача русских православных во

всем мире — это возвращение всемерно поддержать, желательно на безопасной дистанции: «Вот мы в позапрошлом году ездили на две недели в Россию и посещали святые места, нам очень понравилось».

И тогда я задумался: они всегда так решительно отвергали декларацию митрополита Сергия, но разве не произошло в 1927 году нечто подобное? После хаоса революции и Гражданской войны был взят курс на строительство некоего подobia империи, и так легко было занять привычное место...

Итак, к сергианскому наследию в целом (и не только к декларации), по-видимому, может быть несколько принципиальных подходов.

Позицию митрополита Сергия можно описать словами Ахматовой: «Я была тогда с моим народом там, где мой народ, к несчастью, был». Именно такой точки зрения я и сам придерживался четверть века назад — они выживали, как могли, но этот период прошел, и беспокоиться о нем особенно не стоит.

В общем и целом всё было сделано правильно, митрополит Сергей спасал церковную организацию ценой некоторых уступок. Эта позиция характерна для нынешнего руководства РПЦ.

Сергианство — эклисиологическая ересь: митрополит подчинил церковь безбожной власти и тем самым сделал ее не-церковью или даже анти-церковью. Это стандартная позиция альтернативных (так называемых «истинно православных») юрисдикций.

Сергианство — лишь частный случай подчинения церкви государству. Церковь выбрала тесное сотрудничество с государством задолго до 1927 года, пусть это государство прежде было православным (зачастую вполне формально). Когда же началась эта зависимость русской церкви от верховной политической власти? При Петре, или при его отце

Алексее Михайловиче, или при Иване Грозном? Но разве традиция подчинения власти сложилась не в Византии задолго до прихода на Русь? И если мы будем последовательно спускаться к истокам, нам придется задуматься о том, что произошло в начале IV века при императоре Константине, когда христианство в империи стало дозволенной, а вскоре и официальной религией.

Первая точка зрения выглядит разумно: в конце концов, в истории русского православия немало трагичных страниц — например, сожжение старообрядцев, — но мы же не говорим об этом как об актуальной проблеме. Но она все менее убедительна в нынешних условиях торжества неосергианства.

Вторая и третья позиции как будто совершенно противоположны. Но они исходят из одной и той же предпосылки: церковь и империя неразделимы. Разночтение лишь в том, как воспринимать СССР — как временный заменитель империи, на который переносятся все ее основные свойства, или как яркое свидетельство ее отсутствия. Если империя, пусть и не очень правильная, у нас есть, продолжаем делать то же, что и всегда, старательно не замечая несовпадений эрзаца с оригиналом или хотя бы сглаживая их. Если же империя исчезла, то церковь, по сути, овдовела и должна проводить дни в скорби и ожидании того дня, когда град Китеж заново поднимется из таинственных глубин и можно будет вздохнуть полной грудью.

От этой привязки к империи как будто свободна четвертая позиция. Но она, на самом деле, антиимперская, а потому и несколько антиисторичная. Нет у нас другой церковной истории, что поделать! Вернуться в доконстантинову эпоху, сбросив последние восемнадцать веков церковной истории, просто уже не получится, а если бы получилось, мы попали

бы в ситуацию враждебной христианству империи, и это бы нам тоже ничуть не понравилось.

Сегодня в церковь приходит всё больше и больше людей, выросших в условиях относительной информационной и личной свободы. Они спрашивают, что такое церковь, а мы начинаем им рассказывать про правильную, неправильную или отсутствующую империю. Может быть, стоит задуматься о том, как церковь может существовать безо всякой привязке к реальным или мнимым империям?

В этом отношении драгоценен опыт православных в неправославных странах, вне зависимости от деноминаций: они живут в государствах, которые и не подумают использовать их в пропагандистских интересах, и точно так же не подумают наделять их какими-то особыми привилегиями. Приходится поневоле жить верой, а не идеологией. А может быть, когда-нибудь так будет и в России?

Тогда неосергианство — просто вызов, обличение нашей неготовности отказаться от обременительных идеологических конструктов и строить церковную жизнь не в идеализированном прошлом, а в живом настоящем.

В 2000 году был канонизирован епископ Арсений Мацевич, который в середине XVIII века отказался признавать за императорами высшую власть над церковью, а равно и новомученики первой половины XX века, не признававшие эту власть и за большевиками, — но был ли выучен их урок?

Для кого-то это значит, что православие неотделимо от монархического устройства общества и нужно вернуть России монарха или по крайней мере притвориться, что он вернулся. Кто-то сделает противоположный вывод и откажется от православной традиции как несовместимой с демократией. Но можно задуматься и о более тонкой настройке... Христианство обладает опытом выживания при враждебной государственной власти (в первые века и в СССР), намного

больше у него опыта жизни при формально христианском монархе, который покровительствует церкви, но не задаром. Значит, в принципе возможен и опыт жизни в совершенно иных условиях — в демократическом государстве, где религия становится частным делом каждого. Остается только этому научиться.

И я уверен, что здесь русским христианам очень пригодится опыт, к примеру, Италии, Испании, Португалии и многих стран Латинской Америки, переживших переход от авторитарных и тоталитарных режимов, опиравшихся на церковь и традиционализм, к современной светской демократии.

32. Нужна ли нам Реформация?

В разговорах о текущем состоянии русского Православия постоянно всплывает одна и та же реплика: «Беда в том, что у нас не было собственной Реформации». Эта реплика всегда казалась мне бессмысленной: предполагается, что есть только один путь развития, западноевропейский, и если чего-то западного у нас не было, значит, обязательно должно быть, или так и останемся ущербными. И уж совершенно точно не возникает никакого желания проходить все то, что на Западе было связано с Реформацией: сожжение еретиков на площадях, религиозные войны и церковные расколы. А главное, что Реформация уже состоялась в мировом масштабе полтысячелетия назад, и в России, как и в других странах, существует множество самых разных протестантских общин, к которым каждый желающий может легко присоединиться.

И в то же время очевидно, что за словами о необходимости Реформации в России стоит желание обсудить реальные проблемы русского Православия, довольно похожие на те, которые привели в свое время к Реформации на Западе. Пусть в совершенно иной форме, но решать их необходимо, и церковной жизни предстоит измениться — подразумевают такие люди.

Это неисчерпаемая тема, и ее можно обсуждать по-разному. Первый ответ будет очень простым: в Православии нет никаких проблем и недостатков, они есть исключительно в конкретных людях, прежде всего во мне самом, так что мне нужно от них избавляться и более ни о чем не думать. По сути, это отказ от обсуждения проблемы, и если эта версия вас не удовлетворяет, разговор обещает быть долгим и трудным.

Итак, Реформация — та, которая началась пятьсот лет назад, — что она стремилась изменить? Конечно, это был многоплановый процесс, но одну его сторону довольно легко описать. Католическая церковь к началу XVI века привыкла к «монополии на духовность»: она во всем западно-христианском мире выглядела единственным институтом, дарующим людям вечное спасение на своих условиях. А если так, то высшим благом объявлялось то, что хорошо для самого института в лице его руководителей. Отсюда и все злоупотребления, от индульгенций до разврата в стиле Борджиа.

Эта монополия была вполне привычна и понятна неграмотным крестьянам, но мало подходила для дворянства, которое как раз в эпоху Возрождения массово стало учиться читать и писать, для возникавшей буржуазии и даже для низших клириков, которые несли все издержки подобной системы, не получая от нее бонусов. Да и, в конце концов, с Евангелием подобное состыковывалось плохо.

В результате Реформации на Западе была утрачена монополия одной земной организации на представление интересов Неба на земле — правда, ценой распада бывшего церковного единства. Заодно произошло много других перемен, причем и с католической стороны не меньше, чем с протестантской, — например, исправление нравов папского двора и введение тотальной книжной цензуры. Так Католическая церковь, отвергнув Реформацию, пошла путем постепенных и осторожных реформ, которым идет и по сей день.

Много чего бывало у нас на Руси вплоть до Раскола XVII века и тотальной секуляризации XVIII, но это все же другие истории. Зато сегодня мы видим в области церковно-общественных отношений много похожего на предреформационные времена на Западе, с поправкой на российскую специфику. До масштабов Борджиа мы, конечно, не дотягиваем, но нельзя не заметить, что четверть с лишним века

«церковного возрождения» привели совсем не к тем результатам, на которые мы когда-то надеялись.

Тогда, на закате советской эры, многим казалось, что у нас сохранились «чертежи» идеальной Святой Руси, что, восстановив стены церквей и возобновив в них богослужение, мы вернемся туда, и все пойдет само по правильной, от века проложенной дороге. Разбираться, что и как устроено в этих чертежах, не обязательно. Подобным образом в советские времена порой обходились с трофейной техникой или чертежами, добытыми разведкой: не разбираясь в принципе действия устройства, его просто копировали, и даже на производстве детали измеряли в дюймах, чтобы не напортачить. И точно так же воспроизводили в приходских газетах дореволюционные рецепты пасхальных яств: «Возьмите полфунта чухонского масла...» Что это за масло и сколько его брать — эти вопросы казались излишними, так разговлялись наши предки, и не нам это менять.

Точно так же воспроизводились старые образцы в том, что касалось богослужебной и постной практики в надежде на то, что проверенные временем методы сработают сами. Соответственно, духовенство воспринималось обычно как сословие хранителей духовных технологий, которым уместно задавать лишь вопросы «как благословите, батюшка». По сути дела, все девяностые и двухтысячные считалось совершенно неприличным и просто даже немислимым обсуждать земную сторону церковной жизни или сомневаться в чистоте помыслов духовенства.

Но в последние годы всем стало очевидно, что всерьез старыми образцами увлекаются считанные проценты (если не доли процента). Зато есть стабильное «православное большинство», которое в храм заходит иногда, по случаю, в подробности не вникает, но прочно ассоциирует себя с православием. Этому большинству ничего не надо, кроме эпизоди-

ческого «ритуального обслуживания» и чувства принадлежности к чему-то славному и великому, и господствующая церковь готова его этим обеспечивать в обмен на необременительные пожертвования и на право говорить о себе как о церкви подавляющего большинства, ассоциированной с государством.

А если так, то государство возлагает на церковь изначально несвойственные ей функции идеологического обеспечения текущего курса со всеми издержками. Но при том сама конструкция очень устойчива. Она рассчитана на удовлетворение «базовых религиозных потребностей» и потому легко самовоспроизведется при любых крутых переменах по принципу: есть спрос — будет и предложение. Огромному количеству людей всегда и везде нужно ощущать свою причастность к Небу и не заморачиваться при этом слишком сложными вопросами. Нужно, чтобы где-нибудь рядом был надежный храм, мечеть, синагога, молельня или юрта шамана, куда можно пойти со своими бедами или за благословением на свадьбу, охоту или бизнес. И это всегда будет им обеспечено.

Вместе с тем есть активное меньшинство, которое ждет и даже требует чего-то большего и, не получив его, чувствует себя некомфортно. Если бы мы действительно вернулись в XIX или любой другой век, подавляющее большинство прихожан составляли бы неграмотные крестьяне, а сегодня это городские жители с образованием не ниже среднего, получающие информацию из самых разных источников и самостоятельно определяющие свою жизнь. Ждать, что они полностью впишутся в феодальную модель, предназначенную для бар и крепостных, было бы по меньшей мере наивно.

Вот только одна простая деталь. Сто, двести, триста лет назад типичный прихожанин жил в тесной деревянной избе, носил домотканую одежду, ел пареную репу и хлеб грубого

помола, пил квас, вечерами жег лучину. В воскресный день он приходил в просторную каменную церковь, освещенную восковыми свечами, встречал там священника в расшитых одеяниях, вкушал пшеничную просфору. Сам церковный быт уводил его от повседневной убогости в пространство торжества и праздника. Но что из этого впечатлит современного прихожанина — жителя большого города? Он стремится не к роскоши и пышности, а скорее к простоте, искренности и скромности, скорее его поразит пение под гитару у костра в палаточном лагере под открытым небом. И вот такому человеку предлагают в качестве образца золоченый барочный иконостас, объясняют про постных омаров и непостный кефир и требуют от него соблюдения средневекового этикета с «вашего высокопреосвященства смиренными послушниками»...

Разумеется — и это нужно сразу сказать, — в РПЦ есть множество прекрасных христиан, и в священном сане и без, и кто ищет хороший приход, духовного наставника или место для приложения собственных сил в благотворительности — легко найдет их, по крайней мере в Москве и Петербурге. Многие (из меньшинства) остаются на этом уровне и вполне находят себя. Но другие уходят в иные конфессии или в некое самостоятельное плавание, и если с точки зрения наполняемости храмов этот уход (пока?) незаметен, то тенденция эта достаточно яркая и потенциально тревожная для Патриархии.

Что не устраивает их, если можно найти храм и батюшку себе по сердцу? Прежде всего то, что от них совершенно ничего не зависит, а их участие в богослужебной жизни сводится к пассивному выслушиванию и выстаиванию всё того же крута служб из года в год. Да и в приходской жизни возможностей для активного действия обычно ненамного больше. К тому же всё, что делается на низшем уровне, полностью за-

висит от начальства, и в любой момент любой священник может быть отправлен куда угодно, приходской совет распущен, храм отобран, и всё в полном соответствии с новой версией устава (кстати, принятого единогласно почти во всех приходах России). И есть примеры того, как это происходит.

Кроме того, людей, склонных к рефлексии, сильно раздражает идеологизация православного пространства — что на самом вершине проповедуется не столько Евангелие, сколько всякие «цивилизационные коды», для которых Евангелие — полезный атрибут, но не более того. Те, кто помнят советскую систему, с ужасом замечают, что руководство РПЦ постепенно занимает вакантное место идеологического отдела ЦК КПСС.

Казалось бы, именно эти люди и могли бы начать «русскую реформу». Но прежде, чем говорить о ней, спросим себя: возможна ли вместо нее мирная реформа сверху? Полагаю, что к ней не было бы никаких препятствий — это ясно показала кубинская встреча папы и патриарха в начале 2016 года. Долгие годы Москва «уклонялась от объятий» Ватикана, причем едва ли не важнейшей причиной виделся консерватизм значительной части верующих: обняться с ересиархом-латинянином значило бы в их глазах отречься от Истины. Объятие состоялось, и что же? Да, кто-то выразил свое неудовольствие, но никакого организованного раскола не произошло: по-видимому, все, кто был к такому расколу склонен, уже в него ушли, например, после Баламандских соглашений с католиками 1993 года, где обе церкви признали друг друга церквями, а не еретическими собраниями.

Примерно таким же образом можно было бы начать, так сказать, модернизацию без вестернизации, на свой лад оживить православную практику по образцу аджорнаменто Второго ватиканского собора у тех же католиков. Но... зачем что-то менять, если система и так работает отлично и

очень устойчива (так это выглядит для иерархов)? Православная миссия понимается сегодня как расширение пространства, зарезервированного за церковью в обществе и государстве, при этом все вопросы, касающиеся не только веры, но и самого православного быта, полагаются раз и навсегда решенными. Экстенсивное развитие, как в СССР.

Все, конечно, может измениться, если РПЦ утратит свои нынешние позиции и привилегии и вынуждена будет встраиваться в общество каким-то иным образом. Это, кстати, может произойти и при нынешней власти, но пока признаков такой перемены не видно. Реформы сверху, на мой взгляд, вполне возможны, но для нынешнего церковного руководства подозрительны и крайне нежелательны, оно пойдет на них лишь в крайнем случае. Можно было бы ожидать, конечно, что за реформы примет следующее поколение епископов, но нынешняя система самовоспроизводится с завидным постоянством: чтобы добраться до самого верха, нужно приобрести определенный набор качеств. Ожидать появления «церковного Горбачева» не приходится.

Возможна ли тогда реформация по образцу западной? Нет, разумеется. Та, которая состоялась полтысячелетия назад, была порождением традиционного общества. Лютер изначально не создавал еще одной конфессии — он стремился очистить и исправить всю существующую церковь, везде и для всех. Теперь трудно даже представить себе подобное намерение...

Сегодня, нравится нам это или нет, мы живем не в архаике, а в постмодерне, и даже попытки поиграть в архаику идут по постмодернистской модели, о чем уже говорилось в 24-й главе. Если же предположить, что из космоса явятся пришельцы и заменят нынешние церковные структуры на нечто иное, результат может нас сильно и неприятно удивить. Например, публицист С. А. Белковский давно мечтает о роспу-

ске МП и о создании «федерации независимых приходов». Не очень понятно, как такая реформа может произойти, но можно быть уверенными, что при нынешних раскладах во многих независимых приходах будет висеть на почетном месте икона «богоданного вождя Иосифа Виссарионовича».

Скорее мы увидим совсем другое — и уже начинаем видеть. Те, кто не готов разрывать связи с православием русской традиции, но и не удовлетворяется нынешней ситуацией, будут создавать не параллельные юрисдикции (их уже насоздавали достаточно), а скорее маленькие уголки, в которых они смогут неформально собираться и делать что-то для них значимое, не объявляя об этом *urbi et orbi*. Собственно, примерно так, как это и происходило в поздне-советские годы, но теперь уже, пожалуй, без надежды на то, что удастся воссоздать, пусть и в масштабах одного прихода или братства, Святую Русь былых веков.

Все это может происходить и уже происходит в разных формах, от бесед на кухне до квартирных литургий, и вполне понятно, что в таких вещах не может быть ни организационного, ни смыслового единства. Собственно, это опыт частной жизни. Отметим, что примерно по той же модели прошла и встреча папы и патриарха в Гаване: не соборные решения, не громкие слова и судьбоносные постановления, а просто встреча двух пастырей как двух людей, которым есть, что сказать друг другу.

Значительная часть такого опыта, безусловно, останется подробностями чьей-то личной биографии и не более того. Но так может родиться и нечто большое и настоящее, что привлечет множество других людей и определит облик русского Православия в XXI веке — в конце концов, и Тайная вечеря была в глазах окружающих всего лишь частным ужином небольшой группы людей. И то же самое можно сказать о частном опыте многих других, определивших дальнейшее

развитие христианства: ни Сергей Радонежский, ни Франциск Ассизский не затевали никаких реформ и реформаций, они просто жили, но вокруг них всё прежнее менялось и приобретало иное значение.

Реформации у нас явно не будет, реформ сверху в ближайшем будущем тоже. Но для тех, кто верит в действие Святого Духа, очевидно: перемены неизбежны. И главная, пожалуй, состоит в том, что нам, русским православным, пора становиться взрослыми, не рассчитывая, что чей-то чужой опыт или чья-то проповедь раз и навсегда выстроят нашу духовную жизнь. Не в отрыве от проверенных временем форм, но и без их абсолютизации (они — средство, а не цель, мы говорили об этом в 13-й главе), нам предстоит искать свой собственный путь.

33. Выборность духовенства: идеал или утопия?

Я много раз слышал о том, что лучшим средством для решения нынешних церковных проблем стала бы выборность духовенства. Даже не буду перечислять всех возможных выгод такого положения дел, они достаточно очевидны: священник для общины, епископ для епархии будут не временными назначенцами, а своими, родными, они будут прекрасно знать всех людей и все проблемы, они будут относиться к месту своего служения как к постоянному... Идеальная картинка, не правда ли? Или все же утопичная?

Чтобы устроить выборы, прежде всего нужны, избиратели. Есть ли они? Давайте посмотрим на структуру обычного российского прихода в большом городе. Вот клирики, с ними все понятно. Вот десяток-другой штатных сотрудников, спонсоров и самых активных прихожан, которые в храме бывают почти каждый день и знают все внутренние проблемы. Вот сотня-другая прихожан постоянных, которые бывают на службе несколько раз в месяц, но с «кухней» (в прямом и переносном смысле) знакомы намного хуже. Вот пара тысяч людей, которые заходят эпизодически и в принципе не интересуются приходской жизнью. А вот и весь микрорайон, десять — двадцать тысяч человек, из которых большинство называет себя православными и святит яйца на Пасху, обычно именно в этом храме. Вроде все не посторонние...

Кто же будет выбирать нового священника? Где именно провести границу между теми, кто действительно принадлежит к приходу, и его почти случайными гостями? Ведь если

выборы, то и возможность альтернативы. А что, если некий кандидат приведет на собрание толпу родных и знакомых, которые обеспечат ему избрание, а потом растворятся в воздухе? Или этот кандидат окажется ловким демагогом, который убедит собравшихся в собственной незаменимости, в отличие от скромного и честного кандидата, который не сможет произнести зажигательных речей?

Иными словами, прежде всякой выборности должно возникнуть постоянное членство в приходе, как, собственно, и требует типовой устав, принятый Собором 1917/18 года. Прекрасный собор и прекрасный устав... для России начала XX века, страны аграрной, где подавляющее большинство выезжало из своей деревни, своего городка в лучшем случае раз в год, где все всех знали лично и ежедневно встречались если не в церкви, так на базаре. В таких условиях совсем нетрудно было односельчанам разобраться, кто из них достоин быть попом, а кто дьяконом.

И все же не стоит идеализировать дореволюционную Россию. Когда в том самом боевом 18-м году пришли в эти самые села и уездные города никому не знакомые агитаторы в буденовках и с мазузерами, последнее слово осталось за ними. Почему — отдельный разговор, сейчас не о том.

Но как провести границы между приходами сегодня, когда один и тот же человек может ходить в несколько храмов: рядом с домом, с работой, с дачей, а еще где любимый батюшка, или хороший хор, или чудотворная икона? Когда люди постоянно переезжают и меняют место работы? Когда самая благочестивая бабушка может не появляться в родном приходе с мая по сентябрь просто потому, что эти месяцы она безвылазно сидит на даче с внучатами? Когда зачастую не здороваются соседи по лестничной клетке, а соседи по подъезду и вовсе не знают друг друга в лицо?

Сегодняшнее российское общество на редкость атомизировано, в нем исключительно слабы горизонтальные связи, и православных это касается в точно той же мере. Вместо них — связи вертикальные. Обратите внимание на те относительно редкие случаи, где действительно есть общинность: как правило, это один сильный духовный лидер и круг его духовных детей. Если он уходит из активной жизни, круг, как правило, немедленно распадается. Приведу только один пример: Православное содружество малых братств, как бы кто к нему ни относился, немислимо без своего лидера о. Георгия Кочеткова, не только своего создателя, но и неизменного руководителя.

То есть первичен в нашей ситуации почти всегда священник, руководитель, наставник. Строятся в Москве престолуемые двести храмов — это что же, у нас есть двести общин без своего помещения? Нет, конечно. Ситуация ровно противоположная: сверху, от властей церковных и светских, спущена разрядка на строительство храмов. В каждый готовый храм, разумеется, поставят одного или нескольких священников, вокруг них возникнут новые приходы. Если бы мы решили, что этих священников нужно выбрать, из числа кого бы их выбирали? Кто был бы выборщиком?

Неизбежна ли такая ситуация для православного прихода? Вовсе нет. Контр-примером служат приходы разных юрисдикций в неправославных странах: здесь в храм приходят люди неслучайные, только те, кому это действительно нужно. К тому же такой храм зачастую становится центром русской (украинской, молдавской, сербской, грузинской) культурной жизни, здесь почти все друг друга знают, здесь в отсутствие богатых спонсоров и государственных программ сами прихожане скидываются на ремонт крыши или на аренду здания, сами платят своим священникам зарплату и вовсе не безразличны к тому, как расходуются их средства. Не в

деньгах, конечно, дело, точнее, не только в них, но деньги помогают проще понять, как это работает.

Мы привычно объясняем своим детям, что права всегда бывают связаны с обязанностями, а свобода — с ответственностью. То же самое касается и детей духовных. Выбирать себе настоятеля может только тот приход, который сам себя содержит, который ощущает полную ответственность за всё, что в нем происходит.

Что проще: (а) прийти в храм на исповедь и причастие к какому-то совершенно постороннему батюшке и внести «рекомендуемую сумму пожертвования» за свечку и водосвятный молебен, а потом пойти восвояси без забот и печали, или (б) долго и упорно искать средства на ремонт, на оплату коммунальных услуг, на зарплату отцу Ивану, которого ты двадцать лет знаешь, с которым сто раз ссорились и сто раз мирились, и еще самому петь на клиросе, и даже пол оттирать от свечных пятен на другой день после Пасхи? Второе — настоящее, так семьи живут. Но первое — неизмеримо проще.

Избирать можно невесту или жениха, а вот платные услуги мы получаем у профессионалов. Нас не очень волнует, как зовут мастера в автосервисе и откуда он там взялся, лишь бы сервис был проверенный, желательно авторизованный, да еще не слишком дорогой. Иван он или Петр — дело десятое, главное, что ТО сделают в срок, с использованием качественных расходных материалов и за заранее оговоренную цену, не выше средней по рынку.

Именно такое отношение к церкви, полагаю, характерно для большинства тех, кто сегодня называет себя в России православными. Нет, разумеется, есть много, очень много исключений, но тренд именно такой. И образ гламурного, успешного, совсем необременительного православия, который сегодня транслируется по множеству каналов во множестве форм, обращен именно к такой аудитории.

Может ли этот тренд измениться? Может в условиях гонений или хотя бы полного государственного безразличия к православию: если оно перестанет быть выгодным и почетным; если станет неудобным и подозрительным в глазах человека при должности (старшее поколение отлично помнит), многое будет переоценено. Возможен ли, вероятен ли такой сценарий? Хотим ли мы этого? Отдельные вопросы.

Общественно-политические процессы последних нескольких лет, полагаю, ясно показали гражданам нашей страны, что формальная процедура выборов мало что значит в стране, где отсутствуют многие элементы гражданского общества, где слабы горизонтальные связи, где слишком мало людей, готовых брать на себя личную ответственность и проявлять активность не по команде сверху.

Полагаю, что в нынешних условиях выборность духовенства — утопия. Но никакие земные условия не вечны, и мы вполне можем работать над их изменением, чтобы приблизиться к выборности духовенства и епископата как к долгожданному идеалу.

34. Миссия: как, зачем, кому?

В последние годы очень много говорилось о миссии — о действии церкви во внешнем мире по отношению к нецерковным людям. Но кажется, говорящие имели в виду разные, порой и вовсе несовместимые друг с другом вещи. У церковной миссии может быть три основные цели.

Расширить влияние церковных структур в нашем обществе. Это самое простое и понятное: достаточно поговорить с любым благочинным или просто даже настоятелем, чтобы узнать, как складываются у епархии отношения с губернатором или у прихода с местной администрацией, какие вопросы удается решить сразу, а какие нет, как выстроены отношения с общественными организациями, образовательными учреждениями и т. д.

Привести в церковь как можно больше людей. Строго говоря, именно эта цель обычно и считается миссионерской, и тут все далеко не так понятно: что значит «привести»? Я знаю людей, которые однажды приняли крещение, и на этом «закрыли вопрос» на долгие годы, если не навсегда. И если прежде крещения они чем-то еще интересовались, о чем-то спрашивали, к чему-то стремились, то теперь у них есть четкое представление, что всё самое главное сделано и заботиться ни о чем уже не надо. Вряд ли это можно назвать миссионерским успехом.

Познакомить людей со Христом. Эта цель уж совсем непонятна, спорна, неочевидна: как познакомить, кого, чем измерить количество «познакомившихся»? Такое и к делу не подошьешь, с тем же успехом можно подавать в епархию от-

чет о росте числа праведников или об интенсификации покаянного настроения.

Казалось бы, все три задачи по-своему прекрасны, над каждой из них стоит работать. Но хватит ли сил и времени на все три?

Возьмем для примера семью (церковь часто сравнивается с ней). О чем могут заботиться члены семьи? Например, о том, чтобы была крыша над головой, еда, одежда, чтобы отношения с соседями были нормальными. Или о том, чтобы в семье было побольше детей, чтобы бабушки и дедушки жили рядом с внуками, почаще встречались и общались с ними. А можно и такую поставить себе задачу: чтобы в семье царил любовь.

Первая задача проста и конкретна, вторая уже посложнее, третья — самая сложная. И получается, что одни родители бросают все свои силы и всё свое время на решение первой: чтобы всё как у людей, дом полная чаша. Однако ребенок у них может вырасти избалованным, но несчастным и одиноким.

А пресловутая многодетность? Если рожать по принципу «как можно больше», денег в семье точно будет не хватать, да и родительское внимание и заботу уделить каждому намного сложнее. Есть многодетные состоятельные семьи, и тем более есть счастливые, но совершенно точно численность детей тут не ключ к успеху, а скорее усложнение задачи.

И если мы поставим главной целью любовь, то окажется, что эта цель формальными способами недостижима, что она вообще лежит в какой-то совершенно иной плоскости и количественные показатели для ее достижения неважны.

Словом, это не просто разные задачи, они нередко вступают в противоречие друг с другом уже просто потому, что силы и время у нас ограничены, нас на всё не хватает. Можно выстроить прекрасные отношения с начальством, всех убедить в своей исключительной духовности — и потерять прихожан. Можно крестить целыми селами (сколько бывало та-

ких миссионерских поездок по сибирским глухим уголкам), но это совсем не значит, что в мире станет больше христиан. А можно привести человека в храм, оставить его там одного со всеми искушениями и нестроениями и получить через некоторое время убежденного атеиста, который уверен, что уж теперь-то он знает о церкви всё и ничего в ней хорошего не видит.

Мне доводилось бывать в разных местах Сибири и видеть везде примерно одну и ту же картину: в городах, выросших на пустом месте или разросшихся в советское время, без давней православной традиции, число православных, посещающих рядовое воскресное богослужение, вполне сопоставимо с аналогичным числом протестантов. Причем местный священник, как правило, с тревогой отмечает, что число протестантов растет, а он даже не знает, что противопоставить их проповеди.

А я задамся таким вопросом. Вот, допустим, жил в этом городе человек, не слишком интересующийся религией. Наверное, крещеный, но из тех, кто заглядывает в храм раз в год на крестины-венчание-отпевание, в лучшем случае — еще и на Пасху, яички освятить, со свечкой на крестном ходу постоять. Но считался православным, просто еще «недостаточно воцерковленным» (а если говорить честно, то не видел он в воцерковлении никакого для себя смысла).

И вот он встретил баптистского или пятидесятнического проповедника... и в его словах услышал такое, чего не слышал (возможно, за тугоухостью) в православном храме. И началось его движение ко Христу — да, с нашей точки зрения, не там и не так, но оно все-таки началось. На примере других людей знаю, что вполне может этот поиск его со временем привести и в православие, но даже не в этом дело.

С точки зрения второй цели (наполнить храмы) — это плохо, а с точки зрения третьей? И может быть, тут ясная нам

подсказка, что не разглядел человек в православии чего-то действительно важного и личного. И совсем не потому, что в православии этого якобы вообще нет, а скорее по той простой причине, что главное как-то затерялось в практике приходской жизни за расписанием богослужений, ремонтом крыши, отношениями с мэрией и спонсорами и всем прочим. Первая миссионерская цель блестяще выполнена, а человек — он ищет Христа где-то в другом месте, если вообще ищет.

А может, даже удобнее, чтобы не искал, а только приходил иногда освятить свои кулички, покрестить своих младенцев и отпеть бабушек? Куда как хорошо: никаких вопросов и запросов, кроме чисто шаблонных, и «80 процентов православного населения» в наличии.

Впрочем, Христос отправил проповедовать не только русским: «Итак, идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа, уча их соблюдать всё, что Я повелел вам; и се, Я с вами во все дни до скончания века» (Мф. 28:19). Это не просто цитата из библейской книги — это прощальное поручение Христа Его апостолам, это заключительные слова самой первой книги Нового Завета. Иногда их называют «великим поручением», и в самом деле, их можно понять как основную задачу, поставленную перед церковью в этом мире. В любом случае, не замечать их, делать вид, что относятся они не к нам, или перетолковывать в каком-то ином смысле: учить будем не все народы, а только некоторые, или даже не народы, а отдельных их представителей, или будем только крестить желающих, а дальше сами пусть учатся, — всё-таки нельзя без явного насилия над духом и буквой Писания.

Все народы — это звучит вызывающе, неполиткорректно, да просто неудобно. А что, если у народа уже есть своя традиционная религия и многие ревностные ее последователи готовы голову оторвать всякому, кто совращает единовер-

цев с пути истинного? А что мы делаем, чтобы познакомить их с христианством? Практически ничего. Обратите внимание, как только речь заходит о проповеди среди других народов, приводятся примеры из жизни народов Крайнего Севера, ну, может быть, Китая (где нынешние миссионерские усилия православных тоже совершенно не адекватны масштабу задачи). Но проповедь среди мусульман, если это будет классическая проповедь «иноверцам»: ваша религия ложная, наша истинная, — сопряжена с такими издержками, что ее просто опасаются вести.

Не буду сейчас обсуждать методы проповеди среди мусульман о. Даниила Сысоева, скажу только одно: они не единственно возможные. Можно просто начать рассказывать об Иисусе Христе, которого мусульмане тоже почитают как пророка Ису, не разбирая с самого начала догматических вопросов. Наверное, те, кто услышит этот рассказ, даже не будут рассматривать для себя возможность сменить религию. Но если они и их дети узнают о христианстве самое главное, увидят в христианстве не набор обрядов и догматов, а прежде всего лик Христа, без Кого само название христианства утрачивает смысл, — это будет уже огромным шагом к сближению и, наверное, лучшим противоядием от экстремизма и фанатизма. Невозможно убивать или унижать тех, кого ты уважаешь и понимаешь, даже если ты не вполне разделяешь их взгляды.

Если этническому мусульманину (то есть такому, который считает себя принадлежащим к определенной вере в силу своего происхождения) дают книгу на русском языке, да еще и с крестом на обложке, он отвергает ее с ходу. «Это не наше», — говорит он, и он вполне прав. Те знаки и символы, которые для нас кажутся родными и естественными, для него смотрятся как совершенно чужие. Вспомним, как и в России реагировали в свое время на Никоновы реформы, а ведь

то были лишь незначительные изменения привычных символов. Да и сегодня, когда верующие видят нечто непривычное в богослужении и благочестии, то «ересь» — первое слово, которое слетает у них с языка.

Но если дать этническому мусульманину книгу, написанную на его родном языке и не носящую никаких явных символов чужой религии, он нередко готов ее прочитать. В конце концов, в Коране крайне мало рассказано о жизни великих пророков древности: Ибрагима, Мусы, Дауда, Сулеймана, Яхьи (Иоанна Крестителя) и Исы, сына Мирьям. Единственное исключение, кстати, это история Юсуфа Прекрасного, проданного братьями в Египет, — она изложена в Коране довольно полно, остальные же имена в нем лишь упоминаются. И если мусульманин желает познакомиться с историей жизни этих людей, самое естественное для него — раскрыть Библию, тем более что Коран называет среди священных книг Таурат (Пятикнижие), Зебур (Псалтирь) и Инджиль (Евангелие).

Архимандрит Даниил (Баянторо) говорил: «В любой миссионерской работе мы должны досконально знать местную культуру и уметь говорить в границах данного культурного языка, поскольку иначе наше слово может быть не услышано и не понято. Так, когда вы говорите с мусульманином, вы должны понимать образ мыслей мусульманина. Даже не пытайтесь в речи использовать привычные для христианина термины, православные понятия, потому что они не будут поняты мусульманином». Какие верные слова! О. Даниил трудится в Индонезии, где и родился. Интервью он тоже давал не по-русски, мы читаем о его работе в переводах.

Есть и другая крайность: проповедник вообще ничего не упоминает о христианстве. Он говорит об Исе Месихе (Иисус Христос по-арабски), Его служении, смерти, воскресении. Люди собираются по пятницам, молятся Всевышнему,

как привыкли прежде, и даже сами не замечают до определенного момента, что их приглашают в какую-то совершенно новую веру. Правда, и вполне христианской ее не назовешь, поскольку она лишена всех христианских символов, оторвана от двухтысячелетней традиции. Такой путь не для православных, это понятно.

Но как только мы заговариваем о конкретных вещах, ясности сразу становится меньше. Возьмем самый известный пример — выражение «Сын Божий». Для мусульман оно как красная тряпка для быка: им давным-давно объяснили, что христиане верят в трех богов, из которых один якобы родился от брака другого с земной женщиной, и они отвергают такое язычество с негодованием. Как отмечал тот же о. Даниил из Индонезии, мусульманина надо сначала полностью разубедить в такой картинке, всячески подчеркивая единство Бога и соглашаясь с ними, что языческие мифы о рождении богов ложны. И говорить о Христе с ним следует прежде всего как о Слове Божиим, посланном в мир ради его спасения, — такую весть он куда больше склонен принимать, ведь и сам он почитает превыше всего на земле Слово Божие. Только для него это Коран, а для нас — Христос.

Некоторые наиболее радикальные сторонники такого подхода предлагают и в Библии отказаться от выражения «Сын Божий», заменив его выражениями вроде «Избранный Царь». Это абсолютно неприемлемо для всех традиционных христиан, разумеется. Но само существование проблемы заставляет нас задуматься: оказывается, нашу аудиторию может шокировать то, к чему мы сами давно привыкли, приходится учитывать ее настроения и представления, нужно расставлять другие акценты, иначе строить проповедь. А это утомительно и непривычно!

И поэтому на практике у нас самым популярным оказывается следующий подход: пусть православные и мусульмане

живут вместе и никто никого ни в какую веру не обращает. В области морали они и так очень близки друг ко другу, а что касается догматических различий, они не так существенны, как их совместное противостояние растленному Западу. Всем хорош этот подход, кроме одного, — он начисто забывает о призыве Христа: «...вы примете силу, когда сойдет на вас Дух Святой; и будете Мне свидетелями в Иерусалиме и во всей Иудее и Самарии и даже до края земли» (Деян. 1:8). Может быть, обращать в свою веру других не обязательно, но свидетельствовать о ней — от этой обязанности христианину невозможно отказаться.

Разъясняя свою веру другим людям, отличающимся от нас и по культуре, и по мировосприятию, и по языку, мы неизбежно должны будем заново определить истины веры для самих себя, простое повторение благочестивых фраз тут не поможет, а только помешает. Мы должны будем отделить основы нашей веры, обязательные для всех, от внешнего и фольклорного и признать за каждым народом право строить это внешнее по-своему, как когда-то и наши предки (всякий, кто был в Греции, прекрасно видел, что разница в укладе русском и греческом есть, при полном единстве в вере). И более того, эти истины веры нам придется выражать непривычной, неподготовленной аудитории, которая не спешит поддакивать, а задает, напротив, крайне неудобные вопросы. Готовы ли мы к этому?

И если мы не научимся этого делать в самое ближайшее время, нам придется смириться с тем, что уже становится реальностью в некоторых исламских регионах нашей страны: православие понимается там как этническая религия русских, а наднациональное, всемирное представление о христианстве связывается почти исключительно с протестантизмом.

А как вообще говорить с людьми какой бы то ни было национальной и религиозной принадлежности о своей вере?

Мне порой приходится быть миссионером помимо своего желания, когда родные или знакомые, а то и вовсе случайные люди вроде попутчиков в поезде задают вопросы о вере и церкви. И это прекрасный способ понять, что действительно волнует людей, на какие темы с ними можно разговаривать так, чтобы нас услышали.

Люди никогда не спрашивают о догматике: одна сущность, три ипостаси, две природы, — и есть у меня подозрение, что, если я сам начну говорить на эти темы, они просто не поймут, что это и зачем. Довольно редко и обычно лишь для начала разговора они интересуются вечными темами рубрики «вопросы батюшке»: что нынче за праздник, как и в какие дни надлежит правильно поститься и проч.

А чаще всего спрашивают об отношении церкви и христиан к значимым для них вопросам современной жизни или, реже, истории и культуры. Как церковь относится к власти, верно ли, что она должна ее всегда и во всем поддерживать? Почему канонизировали Николая II, если его правление окончилось катастрофой? Кем христиане считают основателя ислама, пророка Мухаммеда? Отрицает ли церковь современные естественнонаучные теории? Что такого ужасного в однополрой любви? На подобные вопросы не раз приходилось отвечать.

Люди знают, что у христиан есть своя точка зрения, и хотят услышать ее из первых уст, причем с развернутой аргументацией. В таких беседах я всегда стараюсь четко разграничивать учение церкви и свое личное мнение, оговаривая при этом, что по данному вопросу со мной согласны не все. Это, кстати, очень помогает: люди убеждаются, что та позиция по частному вопросу, которую они услышали от кого-то «из церкви» и с которой категорически не согласились, может быть частным мнением этого человека, а вовсе не догматом веры.

А еще им обычно бывает непонятно, как из существования Бога вытекает необходимость по средам и пятницам не есть мясного и молочного и почтительно называть «батюшкой» человека, которого видишь впервые. Нет, у нас, конечно, есть все объяснения на этот счет, длинная цепочка аргументов ... но мы ее просто не успеем высказать, тем более что на каждый наш аргумент найдется тысяча контраргументов: а вот у западных христиан по средам и пятницам не постятся, а вот в исламе молитву может возглавить любой верующий, а вот индийские йоги...

Существуют высокие смыслы, существует проза жизни. Они соединены смысловой цепью: от вечных истин к базовым ценностям, от ценностей к стратегиям, далее к тактическим приемам и к техническим средствам. Но на практике в середине что-то постоянно пропадает: говорим то о догматах, то об уставах, и видимой связи между ними нет.

Сдается мне, ищущие хотят понять одно: как и чем помогает тебе твоя вера, что подсказывает, от чего предохраняет, чем помогает — и какую цену приходится за все это платить? Где внутренняя логика твоих решений, где те маяки, с которыми ты сверяешь свой курс? Нет, не общие слова, не туманные термины, не благостные жития и золоченые ризы, а вот в чем она, твоя сила, твоя правда — здесь и сейчас? Можешь рассказать? И предупредишь ли меня честно о теневых сторонах церковной жизни, расскажешь об опасностях?

Трудно быть честным.

35. Поверх конфессий

На Троицу 2016 года должен был собраться всеправославный собор, к которому готовились полвека, но его так и не случилось. Состоялся собор всегреческий, без участия крупнейших славянских церквей (за исключением Сербской) и церкви грузинской. Возможно, конечно, что соборы станут проводиться регулярно, что со временем в них будут участвовать и те поместные церкви, которые не участвовали на этот раз, но кризис налицо. Полвека православные всего мира готовились к тому, чтобы встретиться и спокойно поговорить, и им этого пока так и не удалось.

Можно долго и подробно обсуждать, почему часть поместных церквей, согласившись с датой и местом проведения собора в начале этого года, уже через несколько месяцев отозвала свое согласие. Говорят, что по некоторым вопросам (в частности, по поводу документа о браке) не был достигнут консенсус. Но как можно о нем всерьез говорить, если прежний консенсус о самом проведении собора был так легко отменен? Что бы ни решили на соборе все церкви, если через пару месяцев некоторые из них изменят свое решение, остальные никак не смогут на это повлиять.

Говорят о естественном консерватизме верующих, которые видят в соборе угрозу положению дел, которые представляются им неизменными с апостольских времен. Говорят о соперничестве между Москвой и Константинополем и о том, что патриарх Константинопольский, повысив свой авторитет на соборе, мог бы активно вмешаться в украинские церковные дела, чего Москва всячески желала бы избежать. О том, что «мировое православие» все больше расходится

по национальным квартирам — вот и у нас говорят всё больше о «русском мире».

Но пожалуй, можно сказать, что идея собора, проведенного по образу и подобию Вселенских соборов первых веков, умерла задолго до того, как делегации поместных церквей стали отказываться от участия. Во-первых, выбран был принцип: на соборе будут представлены поместные церкви, каждая со своей консолидированной и заранее определенной позицией. Это разительно отличается от принципа проведения Вселенских, да и любых древних соборов, на которых были представлены отдельные епархии, высказывались разные мнения и велись горячие споры. Здесь же предлагалось в торжественной обстановке зафиксировать пресловутый консенсус по ряду частных вопросов, сложившийся помимо собора, но зачем тогда сам собор?

И в результате соборные документы страдают крайней расплывчатостью формулировок: древние каноны важны, но часто не соблюдаются, мы это знаем и оставляем практические решения на усмотрение конкретных церквей и священников. Вот, к примеру: «Оставляется на рассмотрение Поместных Православных Церквей определять меру человеколюбивой икономии и снисхождения для испытывающих затруднения в соблюдении действующих постановлений о посте, смягчая в этих особых случаях „тяготу“ священных постов в рамках вышесказанного, ни в коей мере не умаляя священного установления поста». И что, собственно, добавляет такой документ к сложившейся теории и практике?

Для сравнения: в шестидесятые годы прошлого века, когда православные всерьез озаботились подготовкой к такому собору, католики провели Второй Ватиканский собор, на котором «осовременили» многие древние практики. Можно спорить о том, правильно они сделали или нет, но им это во всяком случае удалось — в первую очередь потому, что у

них есть единый центр в Ватикане, который может принять на себя окончательную ответственность за спорные решения. Православным, осуждающим папизм, оставалось решать, хотят ли они видеть подобие всеправославного папы в Константинополе или лучше каждой поместной церкви (или хотя бы некоторым) иметь своего всевластного предстоятеля, непогрешимого по всем вопросам в режиме 7/24.

Мы, православные, привычно повторяем, что от тех же католиков нас отделяют введенные у них догматы о непогрешимости папы *ex cathedra*, о непорочном зачатии Богородицы, добавление *Filioque* к Символу веры и проч. Совокупность тех, кто принимает именно православную версию догматов и вероисповедных текстов и состоит друг с другом в евхаристическом общении (может причащаться от одной чаши), принято называть «мировым православием».

Но едино ли это православие внутри себя? Для кого-то мы, православные (а еще точнее — русские православные) обладаем всей полнотой Истины, нам не с кем и не о чем договариваться, а только обличать врагов от имени единственного верного учения. Не обходится, конечно, и без внутренних врагов, которые мешают его окончательной победе, притворяясь православными только для виду. Словом, молодая советская республика... простите, тысячелетняя поместная церковь в кольце фронтов. Похоже, именно такая риторика востребована сейчас и в Кремле, и в значительной части нашего общества, она кристально ясна и самодостаточна. Но она начисто исключает возможность какого бы то ни было диалога даже с другими поместными церквями.

Итак, глядя не на сферическое мировое православие в вакууме, а на ту реальность, которая у нас есть, мы сразу видим, что его предстоятелям крайне трудно договориться друг с другом даже по протокольным вопросам. А если спуститься вниз, на уровень простых людей, легко обнаружить, что

они могут придерживаться каких угодно воззрений и практик, называя себя православными. Классический пример — православные коммунисты, неукоснительно записывающие в свои ряды самого Иисуса Христа (Г. Зюганов заявил на Пасху 2016 года, что Христос непременно прошел бы в рядах первомайской демонстрации, «если бы был жив»). При этом православные коммунисты, несомненно, самым решительным образом отвергают и папу, и *Filioque*. Значит ли это, что мы с ними единоверцы?

Думаю, пора признать простой факт: евхаристическое единство и даже единство вероисповедных формулировок есть важный формальный признак, но не более того. Оно не означает автоматического единства в самых существенных вопросах. Те, для кого православие прежде всего встреча со Христом, и те, для кого оно — национальная религия «русского мира», могут принадлежать к одному приходу, но их вера не одинакова. Чем договориться друг с другом, им будет проще договориться со своими единомышленниками в иных конфессиях (те и те есть повсюду), причем для этого не обязательно менять свою конфессиональную принадлежность.

Старые, «проверенные временем» формы первых веков христианства, а именно соборы, как показывает недавний опыт, не всегда срабатывают. Что же касается принципа соборности в жизни отдельных общин, то у нас в России с ней большие проблемы, хотя вертикаль власти отстроена прочно. И можно ли ждать тут серьезных изменений, если даже местные церкви не могут договориться меж собой?

С официальной кремлевской точки зрения, которая разделяется и многими православными, Россия — самодостаточная и совершенно особая православно-исламская цивилизация, которая наконец-то возвращается к собственным истокам, а католический и протестантский Запад ей то ли вековечный враг, то ли что-то просто глубоко чуждое и посто-

роннее. Какой разительный контраст с тем живым и неподдельным интересом к христианской жизни в европейских странах, который можно было увидеть пару десятилетий назад! Кажется, времена экуменического диалога прошли...

А какой экуменизм мы видели в последние десятилетия? В основном институциональный. Представители разных конфессий вели беседы на самые разные темы, выискивая точки соприкосновения. При этом каждый оставался в рамках своей конфессии с ее сложившейся догматикой и каноническим правом. В результате возникали крайне обтекаемые формулы, которые для одних были слишком слабыми, поскольку не предлагали никакого реального продвижения к единству, а для кого-то — слишком сильными, поскольку противоположная сторона признавалась за христиан, а не за злых еретиков. Самый яркий, пожалуй, пример — Баламандские соглашения 1993 года между православными и католиками. В России о них слышали единицы, и я знаю таких людей, для которых эти соглашения стали ясным признаком отпадения Московской патриархии от чистоты веры.

Этот институциональный экуменизм умер после того, как сыграл свою роль: христиане разных конфессий на протяжении XX века знакомились друг с другом, снимали мнимые разногласия и нелепые предубеждения. Но это совсем не значит, что между ними не было реальных разногласий или что их можно легко преодолеть, оставаясь в рамках собственной конфессиональной догматики и каноники. Когда этот предел был найден, задача институционального экуменизма оказалась исчерпанной.

Но это совсем не значит, что невозможен никакой другой экуменизм. Когда папа Франциск встречается с православными патриархами Варфоломеем и Кириллом, они не пытаются обсуждать *Filioque*, или непорочное зачатие Девы Марии, или примат римского папы (самые болезненные точки право-

славно-католического диалога) — это всегда встречи двух паствырей, двух христиан, двух людей, но не двух институций.

Похожие встречи проходят и на самом базовом уровне в разных местах, например в монастырских общинах в Тэзе во Франции, в Бозе в Италии или в культурном центре «Покровские ворота» в Москве. Их базовый принцип — «мы разные и мы равные, нам есть, чем делиться друг с другом». Мы не будем притворяться, что нет между нами никаких разногласий, что православие и католицизм — совершенно одно и то же, или что одни из нас должны «дорости» до уровня других. Но мы стараемся разглядеть друг в друге лучшее.

И это никак не исключает способности трезво проанализировать собственную традицию и разглядеть темные пятна в ней. Не к тому ли и призван христианин, чтобы сознавать свои грехи (в том числе и «корпоративные»), не приглядываясь к чужим?

Когда в 2005 году были изданы на русском языке дневники о. Александра Шмемана, русского священника, прожившего всю свою жизнь за Западе, — они произвели эффект разорвавшейся бомбы — разумеется, среди того узкого круга людей, кто их читал и принял всерьез. Впрочем, и те, кто не принял, сделали из дневников свой вывод: Шмеман, по сути, от православия под конец жизни отпал, только не успел или не пожелал оформить этот факт переходом в другую конфессию. Но его разочарование в историческом православии (а какое же бывает еще?) кажется полным и окончательным.

Вот, пожалуй, самые горькие из его слов: «...в Православии — историческом — начисто отсутствует сам критерий самокритики, сложившись как „православие“ против ересей, Запада, Востока, турков и т. д., — Православие пронизано комплексом самоутверждения, гипертрофией какого-то внутреннего „триумфализма“. Признать ошибки — это начать разрушать основы „истинной веры“. Трагизм право-

славной истории видят всегда в торжестве внешнего зла: преследований, турецкого ига, измены интеллигенции, большевизма. Никогда — во „внутри" И пока это так, то, по моему убеждению, никакое возрождение Православия невозможно». Здесь можно утешиться тем, что примерно так обстоят дела со всеми историческими религиями, это просто обычный архаический взгляд на вещи: мы всегда во всем правы, наши враги всегда нас преследуют.

Но Шмеман продолжает. «Главная же трудность здесь в том, что трагизм и падение по-настоящему не в грехах людей (этого не отрицают...), а укоренен, гнездится в тех явлениях, которые принято считать, в которые принято верить как именно в самую сущность Православия, его вечную ценность и истину. Это, во-первых, какое-то „бабье" благочестие, пропитанное „умилением" и „суеверием" и потому абсолютно непромокаемое никакой культуре. Стихийная сила этого благочестия, которым можно жить как чем-то совершенно самодовлеющим, вне какого бы то ни было отношения ко Христу и к Евангелию, к миру, к жизни... Тут все слова „жи-жеют", наполняются какой-то водой, перестают что-либо означать. Это „благочестие" и есть то, что вернуло христианству „языческое" измерение, растворило в религиозной чувственности. Оно и Христа мерит собою, делает Его символом самого себя... Это, во-вторых, гностический уклон самой веры, начавшийся уже у Отцов (приражение эллинизма) и расцветший в позднем богословии (западный интеллектуализм). Это, в-третьих, в этом благочестии и этом богословии укорененный дуализм, заменивший в церковном подходе к миру изначальный эсхатологизм. Это, в-четвертых, сдача Православия национализму в его худшей языческой (кровной) и якобинской (государственно-авторитарной негативной) сущности. Этот сплав и выдается за „чистое Православие", и всякое отступление от него или хотя бы попытка в нем разо-

браться обличаются немедленно как „ересь" Между тем этот именно сплав есть тот тупик, в который зашло историческое Православие».

К подобным выводам приходили после Шмемана многие люди, которых я знаю лично, и это для них, как правило, означало, в самом деле, отход от православной церкви. Они могли перейти в другую конфессию, или даже совсем другую религию (обычно буддизм), или вовсе разочароваться в религии. Наконец, существует и «внутренняя эмиграция», когда человек никуда формально не уходит, но церковной жизнью живет в минимальных объемах, принимая таинства как необходимые лекарства и сторонясь всего остального.

Иными словами, нам обещали, что православие содержит всю полноту Истины, но, сталкиваясь с реальностью православной жизни, мы видим, что в ней много темных пятен и провалов. Наблюдая их, мы какое-то время можем считать, что причиной им личные недостатки тех или иных людей, прежде всего нас самих, но вскоре видим, что идеального православия нет и никогда не было на этой земле, да и вряд ли можно ожидать его появления в будущем. Можно оставаться в неидеальном, конечно, но с полнотой Истины эта неидеальность как-то слабо сочетается, особенно если учесть, что со стандартной точки зрения все прочие христианские сообщества (не говоря уж о других религиях) пребывают в состоянии ереси или раскола по отношению к нам. То есть, чтобы стать настоящими христианами, они должны целиком и полностью уподобиться нам... но если уподобятся, то, судя по окружающей нас реальности, не станут лучше.

Есть, конечно, своеобразный выход в том, чтобы сказать: это испортилось нынешнее «мировое православие» (совокупность поместных церквей, признающих друг друга), подлинная православная традиция сохраняется в подполье, у «истинно православных». Но когда спрашиваешь у привер-

женцев этой точки зрения, кто же, собственно, составляет это истинное православие, ответ обычно оказывается коротким: я и узкий круг моих друзей и единомышленников (к тому же круг этот оказывается переменчивым). На Вселенскую церковь мало похоже, если честно.

Наконец, можно принять так называемую «теорию ветвей»: христианство бесконечно разнообразно, каждая из его разновидностей — ветвь, произрастающая на едином стволе, среди них нет более или менее верных. Но такой подход означает полнейшую относительность любых суждений, ведь и догмат о Троице разделяется не всеми, кто принимает Евангелие. Такой подход, по сути, предлагает всякому, кто ищет Истины, вести себя наподобие покупателя в супермаркете: выбирать любые товары в любой комбинации, руководствуясь собственным вкусом и желаниями, — и кстати, зачем ограничиваться только христианством? Но такой супермаркет тоже мало похож на Апостольскую церковь.

Да и внеконфессионального христианства не существует — любая его разновидность принимает те или иные формы, следует определенной традиции, а значит, конфессиональна по сути. Но конфессиональность не обязательно должна быть подобна провинциальности. Мы все живем в той или иной провинции (даже если это столица), мы в идеале любим ее и гордимся ей. Можно назвать это чувство патриотизмом. Провинциальность начинается там, где мы считаем свою провинцию единственно достойной или единственно возможной для жизни, начинаем объяснять, почему в ней вообще всё намного лучше, чем в прочих провинциях, отказываемся видеть то, что заранее не вписано в наши местные рамки.

Те отрицательные черты исторического православия, которые показывает Шмеман (пожалуй, несколько карикатурно), можно считать конфессиональным провинциализмом. Почему «жижеют» слова, почему даже Христос стано-

вится символом чего-то в православной традиции? Или, как сформулировала это одна малограмотная прихожанка, «Крещение Господне — это праздник, когда Господь наш крестился и принял нашу веру православную» ?

Прежде всего потому, что православие в такой картине мира понимается как нечто самодостаточное, извечное и неизменное. Христос — всего лишь его элемент, и не обязательно центральный. Точно так же убежденный провинциалист (назовем его так, чтобы отличать от провинциала — человека, просто живущего в провинции) воспринимает любую знаменитость, рожденную в его городе или его окрестности, не как некую самостоятельную личность, а как очередное доказательство несравненного превосходства этого города над всеми остальными.

Отсюда и заигрывания с национализмом, и преклонение перед государством — это силы, которые способны отстоять нашу прекрасную провинцию от натиска всех остальных, подтвердить наш комплекс гиперполноценности. Отсюда даже «умильно-суеверное бабье благочестие», как назвал это Шмеман — полагаю, можно было бы назвать это как-то помягче, но, видимо, о. Александра действительно достал этот тип эмоционально-безрассудочного отношения к «святынькам», совершенно забывающий о главном. Но разве не так мы любим родную березку или пальму под окном? Как можно объяснить посторонним, что значит для нас запах угольного дыма и ночные сигналы маневровых паровозов, если наше детство прошло неподалеку от вокзала? Как рационализировать множество мелких привычек и ритуалов, с которыми связаны прогулки по родным улицам? И в этом нет ничего дурного, пока мы не начинаем абсолютизировать подобное.

Замечу, что и Шмеман явно говорит здесь не о догматике, литургике и прочих базовых для православной традиции вещах, а именно о привычках и ритуалах, которые в огромном количестве случаев заслоняют все остальное. И его разо-

чарование, насколько мы можем судить, относится именно к этой подмене, а не к тем сокровищам, которые в православной традиции безусловно существуют.

Но почему же он не перешел к католикам или буддистам, почему не стал альтернативным православным, как множество моих знакомых? Мы не можем судить наверняка, но можно предположить, что он вовсе не считал необходимым называть всё это православием и любой ценой оправдывать.

Говоря об «истинности православия», мы можем подразумевать разные вещи. Мы можем считать, что Истина во всей своей полноте дана именно в православии, и даже не очень важно, что мы будем в этой ситуации думать о католиках или баптистах — что у них эта Истина повреждена или что они ее утратили полностью. Важно, что она есть у нас. Тогда не остается места ни поиску, ни удивлению — эта позиция любого фундаменталиста. Его задача — тщательно охранять Истину от любых нападений и подавлять любые сомнения. Отсюда вытекает и агрессивность, и, собственно, незаинтересованность в Истине как таковой — ну что о ней говорить, если она уже «зашифрована» особым способом в обрядах и текстах нашей единственно верной религии, если она гарантировано записана за нами? И там, где православные говорят не о Христе, а о «традиционных ценностях» или «Русском мире», они свидетельствуют именно о такой вере.

Но эта вера глубоко провинциальна. Если мы приходим к выводу, что Истина равна православию в его конкретно-исторических формах, то, значит, нет и не может быть ничего выше и лучше византийского христианства. Истина однажды спустилась на Землю, она говорила по-гречески и жила в окрестностях Константинополя, а с тех пор она только исчезает и портится, а наша задача — по мере сил играть в византийцев. Евангелие тут просто излишне, в лучшем случае оно — элемент этого византийского декора.

Но это несколько обидно для *не-византийцев*. И вот на свет извлекается новая теория: на самом деле византийское православие погубило, не устояло перед искушениями, теперь во всем мире есть только один богоизбранный народ, только одна православная страна, только наша провинция. Русское православие переживает сейчас острый период этой болезни провинциализма. А поскольку неподвзятый взгляд показывает, что реальность Российской Федерации 2010-х годов довольно далека от идеалов Царства Божия, это ведет к невротизации и агрессии: человек начинает отставать то, в чем сам не уверен, криками и насилием он пытается заглушить сомнения в собственной душе. А Евангелие, которое открывает путь примирения и прощения, но призывает «отвергнуться себя», ему в этом только мешает. Он совершенно не собирается отвергаться себя — коллективного себя, то есть своего народа, своей страны, своей конфессии.

Это явный перевертыш, пародия на христианство. Но каким же может быть иной подход? Судя по другим книгам о. Александра Шмемана, он видел в православии прежде всего исторический опыт поиска и проживания Истины, которая никому не дана в полноте, но открывается ищущим и живущим в согласии с ней. И такое православие бесценно... но при этом оно не абсолютно, не безгрешно, не окончательно. «Христианство только начинается», — говорил об этом накануне своей гибели другой о. Александр, по фамилии Мень. Мы лишь недавно вышли в путь и не знаем еще, когда достигнем цели и какой именно она окажется. И потому, любя малую родину, свою провинцию, мы говорим лишь о том, насколько она нам дорога, но мы не обязаны при этом хулить чужую родину. И не видим особого смысла в том, чтобы родину менять (если, конечно, нас не вынуждают к тому крайние обстоятельства, но это уже слишком личное и неформализуемое).

Из этого можно сделать вывод, что я придерживаюсь той самой «теории ветвей» и считаю все формы христианства в равной мере истинными и спасительными. Это не так. Для примера скажу лишь несколько слов о православии и католичестве. Говоря крайне обобщенно, можно сказать, что православная традиция (как следует и из ее названия, *ὀρθοδοξία* — «правоверие») всегда ставила своей целью сохранение чистоты веры, некогда переданной в библейском Откровении и сформулированной на языке классической греческой философии. Православие не приняло догматических новшеств вроде пресловутого *Filioque* (кстати, историки подсказывают, что в расколе между Западом и Востоком эта вставка не играла практически никакой роли, важнее были другие разногласия).

Но вот абсолютизация этого самого языка греческой философии отчасти привела к расколу с восточными церквами еще до раскола с Западом — на арамейском «сущности» и «ипостаси» звучали слишком непонятно. Впрочем, так они звучат и для наших современников.

Католическая церковь (*καθολικός* — «всеобщий») была, в свою очередь, ориентирована на всемирность, универсальность в сочетании с организационным единством, и тут тоже не обошлось без издержек. У той и другой части христианского мира были свои взлеты и падения, и если сегодня, после Второго Ватикана, католики выглядят куда более «современными», то русский собор 1917/18 года поставил многие вопросы адаптации христианской веры к реалиями XX века и предложил конкретные решения еще за полвека до собора западного. Как будут выглядеть наши конфессии (наши провинции!) через век или два, нам не дано угадать. И потому перебегать из одной в другую мне кажется не слишком осмысленным занятием.

А вот совершать путешествия, чтобы научиться чему-то новому и важному для себя, стоит обязательно. Вообще, аналогия с государствами и их границами работает довольно точно: полвека назад поездка за границу была огромным событием не только для граждан социалистических стран. Экономика, промышленность, да и культура тоже существовали в основном в национальных границах, общение людей поверх них было достаточно затруднено.

Сегодня границы никуда не делись, у нас по-прежнему есть паспорта и нам часто требуются визы. Но зарубежная поездка стала рядовым событием, по крайней мере для жителей больших городов, а что до экономики, то уже нелепо спрашивать, какая именно страна производит тот или иной товар: в одном месте Земли добывается сырье, в другом разрабатываются чертежи, в третьем производятся запчасти, в четвертом осуществляется сборка. Как изменил стиль нашего общения Интернет, и говорить не приходится.

Наконец, возник Евросоюз — первое, по сути, со времен Римской империи глобальное объединение очень разных стран, которые сохраняют свои различия и отчасти даже продолжают конкурировать, но больше не воспринимают друг друга как врагов и живут по общим правилам, постоянно уточняя и пересматривая их путем договоренностей, а не насилия. Нечто подобное можно представить себе и в сфере межконфессионального взаимодействия.

Более того, в Евросоюзе, по сути, национальные государства значат все меньше, их полномочия отчасти переданы наверх, Евросоюзу, а отчасти вниз, регионам. Франция и Германия многократно воевали за Эльзас и Лотарингию, но в новой войне нет никакого смысла, когда жители этих провинций могут свободно выбирать, на каком языке говорить и в какую соседнюю провинцию ездить. Собственно, и в межконфессиональных контактах наблюдается нечто подобное: в каждой кон-

фессии есть люди очень разных взглядов, и вот фундаменталисты всех стран соединяются, равно как и либералы. У двух христиан из разных конфессий может оказаться куда больше общего друг с другом, чем с единоверцами, и это совершенно не повод для них основывать некую новую, третью конфессию. Скорее это причина для общения. Отказ от узколобого провинциализма приводит на самом деле не к упадку, а к расцвету в родной провинции, и то же самое, полагаю, относится и к конфессиям.

Готовность к заимствованию опыта и к диалогу через конфессиональные границы и составит, по моему убеждению, будущее экуменизма — экуменизма не институций, но личностей. В него сейчас вовлечена очень небольшая часть верующих с каждой стороны, как сказали бы политики, «пре-небрежимо малая часть электората». Но именно малая закваска сквашивает всё тесто, в истории христианства именно так зарождались все новые идеи.

В таком экуменическом диалоге, как во флешмобе, будут участвовать только те, кто сам захочет, и заранее будет невозможно определить, кто именно и сколько, да и не надоеет ли кому-то очень скоро собственное участие. Существуют в Европе монастырские общины, где молятся вместе католики и протестанты (Тэзе во Франции) и где католики внимательно изучают духовный опыт православных церквей (Бозе в Италии), но при этом никто никуда не переходит. Есть и мирянские движения подобного рода, их явно будет становиться намного больше. Впрочем, не обязательно создавать некие особые организационные формы, это может быть для начала просто общение поверх конфессиональных барьеров — общение людей, которые хотят жить с Богом и друг другом, которые готовы слушать и учиться прежде, чем наставлять, обличать и навязывать всем свою веру.

Таких людей пока не слишком много, но будущее, я уверен, за ними.

36. Крест всегда посредине

Крестопоклонная неделя. Крест — посреди храма, ему кланяются, его украшают... Все очень не похоже на тот, настоящий Крест — грубый, тяжелый, страшный и позорный. И всё, что вокруг, тоже совсем не похоже.

Мы привыкли говорить, что крест соединяет небо с землей, но есть в нем еще и вертикальная перекладина, протянутая и к тому, кто одесную, и к тому, кто ошую. И правым, и левым одновременно.

Тот, настоящий Крест был лишь одним из трех: вместе с Иисусом казнили двух разбойников. Один из евангелистов, Лука, обращает внимание на такую деталь: один из разбойников издевался над Иисусом, другой — просил помянуть его во Царствии, и Христос обещал ему даже больше того — рай, сразу и без условий. А хулителю Он просто ничего не ответил.

Как поступил бы на Его месте всякий нормальный человек? Разумеется, возмущенно объяснил разбойнику неразумному, в чем тот неправ, обличил его в преступлениях. И даже благоразумному поставил бы определенные условия: это что же, так просто сразу в рай? Без покаяния, без подвигов благочестия, без твердого намерения исправиться? Да ты сам-то понимаешь, что натворил, чего теперь просишь?

Но может быть, и не стали бы мы это объяснять с креста, потому что на кресте всякий вдох — мучение, и много не наговоришь. Остается сказать только самое-самое главное, и вот один из распятых проклинал Того, Кто был рядом, надеясь так облегчить собственную боль, другой просил помянуть его, а Третий — Третий сказал про рай. Тут уж что для кого было важно.

А еще вся эта история случилась в стране, где шла напряженная политическая борьба. С одной стороны, Пилат и ле-

гионеры, великая и ужасная Римская империя. Она принесла покоренным народам отличные дороги и общественные здания, дала им мир и защиту от внешних врагов, она способствовала экономическому расцвету и культурному взаимодействию... но на любую реальную или мнимую угрозу Рим отвечал несоразмерным применением силы. Не только меч легионера, но и само орудие позорной и мучительной казни, крест, — это ведь римское изобретение.

Кроме того, римляне были язычниками, Иерусалимский храм и то богослужение, которое в нем совершалось, было для них чем-то бессмысленным, да и просто опасным. Они готовы были терпеть его лишь до времени, а там... при первом удобном случае готовы были они поставить на его месте храм своего Юпитера и стереть с лица Земли это подозрительное единобожие. Они были по одну сторону Креста, эти римляне.

А по другую стояли иудеи, верившие в Единого Бога и страстно желавшие независимости от Рима. К этому народу принадлежали великие цари и пророки древности, да и сам Иисус, именно к нему Он и был послан в первую очередь, да и как мог Бог забыть Свой и избранный народ?

Только образованные фарисеи презирали священников-саддукеев, а те с подозрением относились к этим высоколобым выскочкам, а заодно и к коллаборантам-иродианам, сторонникам правящей династии и пособникам римской оккупации. И все они вместе говорили о простонародье: «... прокляты они, невежды в Законе». А еще были зилоты, борцы за независимость, которые хотели поднять восстание против римлян и свергнуть свой народ в кровавую бойню, из которой он просто не мог выйти победителем; через несколько десятилетий им это вполне удалось, Иерусалим и храм тогда были разрушены, а народ — рассеян по всей империи.

И ведь надо было занять принципиальную позицию! Толпы требовали от Иисуса повести их на римлян, ученики

ждали, кого Он назначит первым и вторым министрами в Своем правительстве (посадит по правую и по левую руку). А римляне ждали принципиального ответа насчет царской власти, которая, конечно, принадлежит только цезарю, и, разумеется, про налоги, которые положено платить. Разве не надо было каждому объяснить, в чем он неправ?

Христос и занял самую принципиальную позицию — на Кресте. По правую и левую руку оказались разбойники, а дань римскому праву была уплачена самая высокая, какую только можно было представить. И всё равно все остались недовольны.

Когда мы, христиане, говорим о «несении своего креста», мы, по-моему, редко задумываемся о том, чего делаем. Нет, это не про то, что муж пьет или жена пилит, что теща со скверным характером или подруги обманывают, что денег мало, на работе неприятности и со здоровьем не всё хорошо. И уж совсем не похожи на настоящий наши ювелирные кресты с богатыми украшениями.

Крест — это, например, про то, что тебя будут тянуть направо и налево, где всем всё ясно, где уже ненавидят и презирают, а тебе придется оставаться посередине. От тебя будут требовать ясного отчета по всем позициям (что есть истина? платить ли подать цезарю?), но не потому, что твое мнение интересно, а потому, что за него тебя будет можно наказать. И так далее, по всем пунктам, и платить, платить, платить придется буквально за всё, но прежде всего — за право оставаться собой.

Не думаю, что лично мой ответ на этот вызов будет всегда достойным, но это не так уж и важно: Христос всё уже сделал для нас, и мы можем лишь стоять у подножия самого главного Креста, решившего главное в нашей жизни.

В стихотворении Бориса Пастернака Мария Магдалина говорит Христу: «Слишком многим руки для объятья Ты раскинешь по концам креста». Слишком многим. Хотелось бы сузить, оградить, уберечь. Но уже не получится.

1. Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	5
ПРИКЛЮЧЕНИЯ БИБЛИИ В РОССИИ.....	9
1. Поп Упырь Лихой.....	10
2. Апракос Остромира.....	15
3. Архиепископ Геннадий, доктор Франциск и дьяк Иван.....	20
4. Нужна ли Библия на русском?.....	26
5. Библейское общество и кирпичный завод.....	31
6. Синод и Библия.....	37
7. Толстой, Победоносцев и другие.....	43
8. Время самоучек.....	49
9. Притчи и розги.....	59
10. Зло или злой?.....	66
11. Прислушиваясь к апостолу.....	74
В ПОИСКАХ ГЛАВНОГО.....	82
12. Глас хлада тонка.....	83
13. Храмовое благочестие.....	92
14. Исповедь и чувство вины.....	101
15. «Аще бабы слышала еси...».....	108
16. Что такое библеистика?.....	123
17. Ловушка фундаментализма.....	136
18. Умножение сложности.....	150
19. Кто написал Пятикнижие?.....	161
20. Две истории: Хам и Илий.....	170
21. Метафоры спасения.....	174
22. Апостол Павел о власти.....	189
23. Удерживающий и смотрящие.....	195
24. Культ Победы и игра в архаику.....	200
25. Христоцентричность.....	210

ИНОЕ ТЫСЯЧЕЛЕНИЕ.....	215
26. Вечное возвращение и библейский Исход.....	216
27. Традиционные ценности и немного кальвинизма.....	231
28. Симфония сталинизма.....	240
29. Задачник на XXI век.....	255
30. Чего ждут от церкви?.....	267
31. Преодоление сергианства.....	282
32. Нужна ли нам Реформация?.....	292
33. Выборность духовенства: идеал или утопия?... ..	301
34. Миссия: как, зачем, кому?.....	306
35. Поверх конфессий.....	316
36. Крест всегда посередине.....	331

Научно-популярное издание

PRO религию

Десницкий Андрей Сергеевич

ХРИСТИАНСТВО.

НАСТОЯЩЕЕ

(Россия, XXI век)

Генеральный директор издательства *С. М. Макаренков*

Редактор *О. Рындина*

Ведущий редактор *Д. Рындин*

Выпускающий редактор *Л. Данкова*

В оформлении обложки использованы материалы

по лицензии *shutterstock.com*

Художественное оформление: *В. Шумилов*

Компьютерная верстка: *Т. Мосолова*

Корректор *М. Кржижановская*

Подписано в печать 15.08.2016 г.

Формат 84x108/32. Гарнитура «Arno Pro».

Усл. печ. л. 17,64

Адрес электронной почты: info@ripol.ru

Сайт в Интернете: www.ripol.ru

ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик»

109147, г. Москва, ул. Большая Андроньевская, д. 23

EAS

Знак информационной продукции
согласно Федеральному закону
от 29.12.2010 г. N 436-ФЗ

Отпечатано: Публичное акционерное общество
«Т8 Издательские Технологии»

109316, г. Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корпус 5

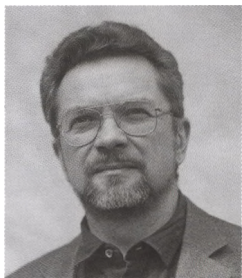
www.t8group.ru; [info\(a\)t8print.ru](mailto:info(a)t8print.ru)

тел.: 8 (499) 332-38-30

ХРИСТИАНСТВО. НАСТОЯЩЕЕ

Что значит быть христианином сегодня, в России XXI века? На каком языке рассказать о евангельской Истине и как жить с ней в мире, где всё так изменилось? Можно играть в реконструкторство, можно погружаться в мир собственных фантазий, но как встретиться с реальностью, как понять ее? Или на самом деле все перемены за две тысячи лет были внешними, а главное осталось неизменным? Но как тогда распознать его? Эта книга - поиск ответов на эти вопросы.

Андрей Сергеевич Десницкий - российский филолог-библеист, переводчик, писатель, публицист. Доктор наук, профессор РАН, сотрудник Института востоковедения РАН, автор десятка книг и множества публикаций, отец троих детей и дед троих внуков. Его основная

специализация - библейский перевод, во многих проектах он участвовал как переводчик, редактор или консультант. Но, говоря о современных изданиях Библии на разных языках, естественно начать разговор и о жизни тех, кто ее читает, - христиан XXI века. Им и посвящена эта книга.

ISBN 978-5-386-09590-1

9 785386 095901

РИПОД
КЛАССИК